

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРЬЯНА ИВАНОВИЧА САФОНОВИЧА.

Странная пришла мнѣ мысль возобновить въ памяти мое прошедшее... Чтò въ немъ замѣчательнаго? Заслуживаетъ ли оно извлеченія изъ забвенія? Чтò принесъ я въ пользу человѣчества? Но я существовалъ—слѣдовательно былъ необходимъ; иначе я не долженъ былъ родиться. Я думалъ, наслаждался, страдалъ—стало быть жилъ. Развернемъ же эту книгу, которую называютъ жизнію; заглянемъ въ нее... Много въ ней страницъ ничтожныхъ по содержанію, пустыхъ, скучныхъ, вялыхъ, но тѣмъ не менѣе книга имѣетъ какую-нибудь цѣнность. Возобновить въ памяти всю протекшую жизнь дѣло нелегкое. Если ограничиться одними фактами, то, при бѣдности происшествій, біографія выйдетъ самымъ пошлымъ и краткимъ рассказомъ нѣкоторыхъ неважныхъ случаевъ; но кто умѣлъ подмѣтять свои думы, могъ разгадывать причины многихъ дѣйствій и изучить природу человѣка, тотъ составитъ что-нибудь болѣе полное и удовлетворительное... Для наблюдательнаго духа, часто одинъ день представляетъ матеріалъ для цѣлой книги. Душа человѣка неисчерпимый запасъ. Сколько ощущеній отъ первой минуты пробужденія до послѣдней несвязной мысли предъ усыпленіемъ! Сколько разнообразія въ дѣйствіяхъ и думахъ человѣка въ теченіе дня! Уловить, удержать въ памяти, развить все это—суждено не всякому. Кто мыслить, для того нѣтъ ничего мелочнаго и движеніе въ инфузоріяхъ также удивительно, какъ и въ солнцахъ.

Утѣшительно оставить нѣкоторые слѣды нашего существованія на землѣ... Къ чему?... Къ тому же, зачѣмъ оставляются семейные портреты. Сынъ взглянетъ на черты отца, вспомнить свое младенчество, пріятныя минуты (если были), когда о немъ заботились съ тою нѣжностію, какую онъ, можетъ быть, болѣе не встрѣтитъ. Онъ приздается о прошедшемъ, на минуту забудетъ суеты и безпокойства настоящаго. Въ этихъ глазахъ онъ видѣлъ нѣкогда участіе во время болѣзни или въ школьных неудачахъ. Эти уста прикасались къ нему каждое утро, когда онъ приходилъ поздороваться; эти руки трепали его по щекѣ, когда имъ довольны... Невольно вырвется вздохъ; грусть на минуту стѣснить его грудь и, можетъ быть, выкатится сле-

за. Но не съ этою цѣлью я рѣшился писать мои воспоминавія. Я просто нахожу въ этомъ удовольствіе; это занимаетъ мои досуги... Когда теперь всѣ житейскіе вопросы уже рѣшены и когда у меня осталось одно скучное настоящее, а будущее такъ ограничено, что не можетъ уже обѣщать ничего утѣшительнаго: прошедшее, при всей своей незначительности, получаетъ цѣну только *потому, что оно прожито*.

Отецъ мой не оставилъ послѣ себя записокъ, и весьма немногія свѣдѣнія о немъ дошли до меня. Въ немъ было много жизни, онъ любилъ жить весело, принимать, угощать, денегъ не берегъ; его считали весьма пріятнымъ человѣкомъ въ обществѣ. Я зналъ его болѣе какъ больного, утратившаго уже силы; подъ конецъ жизни онъ сдѣлался мрачнымъ, грустнымъ, даже суровымъ. Среди немногихъ бумагъ, оставшихся послѣ него, нашлась тетрадь стихотвореній, большей частью пѣсенъ, писанныхъ въ духѣ XVIII вѣка. Учился мой отецъ первоначально въ Кіевѣ, гдѣ родился, потомъ въ Московскомъ университетѣ. Публичное воспитаніе было тогда въ младенчествѣ; дворяне учили дѣтей дома кое-какъ, люди побогаче посылали ихъ за границу. Существовалъ одинъ Московскій университетъ, откуда выходили люди, весьма хорошо, по тогдашнему времени, приготовленные на службу; дворяне впрочемъ неохотно поступали въ гражданскую службу, что считалось недостойнымъ ихъ сословія. Коллегіи, канцеляріи и суды наполнены были людьми большею частію изъ семинарій, какъ способными для письменной работы и умѣющими излагать бумаги; но вмѣстѣ съ знаніемъ они вносили съ собою грубость и жесткость характера. Это конечно, было послѣдствіемъ строгости, съ какою ихъ самихъ держали во время ихъ молодости: они отмщали на другихъ то сами претерпѣли. Такой составъ людей не могъ привлекать тѣхъ, которые иначе ведены были.

По выходѣ отца моего изъ Университета, онъ поступилъ на службу къ бывшему С.-Петербургскому военному генералъ-губернаторомъ графу Брюсу, по военной части; былъ переименованъ въ поручики, произведенъ въ капитаны, пмѣлъ порученіе препроводить взятыхъ въ плѣнъ Шведскихъ офицеровъ изъ Петербурга въ разныя губерніи. Въ 1791 г. онъ поступилъ въ С. Петербургскій гренадерскій полкъ и находился въ Польнѣ, откуда присланъ курьеромъ въ столицу и произведенъ въ секундъ-майоры, съ переводомъ въ Чугуевскій полкъ, гдѣ и получилъ чинъ премьеръ-майора. Находясь въ этомъ полку, отправленъ на Донъ въ бывшую тамъ комиссію относительно казаковъ, не соглашавшихся на переселеніе ихъ на Кубань. Въ 1796 году съ сво-

имъ полкомъ, былъ въ Персидскомъ походѣ и употребляемъ для переводовъ. На Дову онъ познакомился съ Платовымъ, а въ Персіи сошелся съ графомъ Валеріаномъ Зубовымъ. Въ 1797 году онъ оставилъ военную службу и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ женился.

Въ 1798 году родился я, въ 1800 мой братъ, а годъ спустя третій ребенокъ, который стоилъ жизни моей матери; оставшись послѣ нея двухъ лѣтъ, я ее совсѣмъ не помню. Вскорѣ послѣ смерти матушки, мой отецъ получилъ мѣсто вице-губернатора въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ пробылъ до 1807 года. Нами онъ мало занимался, и мы его боялись. Переселившись въ Петербургъ онъ все хворалъ и вскорѣ умеръ, оставивъ насъ круглыми сиротами.

Послѣ смерти отца насъ отвезли въ домъ Корнилія Антоновича Лубьяновича. Это былъ старинный другъ моего отца, съ которымъ онъ учился въ Кіевской Академіи; онъ занималъ въ Министерствѣ Финансовъ мѣсто управляющаго экспедиціею о государственныхъ доходахъ (что нынѣ Департаментъ Государственного Казначейства) и пользовался большимъ довѣріемъ министровъ финансовъ, графовъ Васильева и потомъ Гурьева, а также государственнаго казначея Голубцова. Онъ любилъ нашего отца, по смерти его хотѣлъ помочь дѣтямъ его и, взявъ ихъ подъ свое покровительство, принялъ на себя обязанности опекуна вмѣстѣ съ сенаторомъ Гавріиломъ Герасимовичемъ Политковскимъ, который впрочемъ ни въ какія наши дѣла не вмѣшивался. Все состояніе наше заключалось въ отцовской арендѣ, которою мы могли пользоваться еще въ продолженіе девяти лѣтъ.

Лубьяновичъ былъ человѣкъ съ энергическимъ характеромъ, примѣрной доброты и съ большими свѣдѣніями. Онъ не любилъ входить въ мелочи, и отъ этого домъ его былъ въ большомъ безпорядкѣ. Онъ былъ женатъ, но дѣтей не имѣлъ; жена его была ниже его по воспитанію, но онъ женился на ней изъ благодарности за то, что она когда-то ходила за нимъ во время болѣзни, и очень любилъ ее, говоря, что она съ собой принесла счастье въ домъ. И дѣйствительно ему везло; онъ шелъ счастливо по службѣ, имѣлъ порядочныя средства къ жизни, купилъ себѣ домъ на Итальянской улицѣ, деревянный, довольно просторный, съ садомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ огромный домъ Мюссара. При переездѣ въ этотъ домъ Лубьяновича мы нашли у него цѣлый пансіонъ. Внизу жилъ сынъ бывшаго соученика его въ Кіевской Академіи, Владимиръ Михайловичъ Прокоповичъ-Антопскій (впослѣдствіи бывшій за границею въ Кенигсбергѣ для окончанія расчетовъ по войнѣ 1812 года, потомъ Рязанскимъ губернаторомъ, дп-

ректоромъ 1-го Департамента Государственныхъ Имуществъ и сенаторомъ). Два брата Лавриновскихъ, Ермаковскій, Малороссъ Мол-ной*) и Турскій, родственникъ его жены, помѣщались на антресоляхъ. Всѣ эти господа жили бесплатно, пользовались столомъ, чаемъ, кофеемъ, освѣщеніемъ и отопленіемъ. Мы присоединились къ антресольнымъ жильцамъ. Трудно отыскать въ послѣдующемъ вѣкѣ человѣка, даже съ большимъ состояніемъ, столь самоотверженнаго, какъ Лубьяновичъ. Доброта его не имѣла границъ. Обо всѣхъ этихъ молодыхъ людяхъ, принятыхъ имъ подъ свое покровительство, онъ заботился, какъ о собственныхъ дѣтяхъ, желая устроить ихъ будущность. Къ сожалѣнію, по понятіямъ своего времени и по особому взгляду его на вещи, наконецъ, по невозможности, при обширныхъ занятіяхъ своихъ, обращать особенное вниманіе на развитіе наше, онъ ограничивалъ попеченіе о насъ заботою о нашемъ существованіи. Товарищи мои по квартирѣ уже служили и каждое утро отправлялись въ свою экспедицію, мы оставались одни. Утро у насъ ничѣмъ не было занято. Спустя нѣкоторое время, приглашенъ былъ къ намъ учитель Аріеметики и Русскаго языка; онъ ходилъ два раза въ недѣлю. Остальное время мы оставлены были на собственный произволъ.

Для развлеченія мы забавлялись съ дворовыми мальчишками, играли съ ними въ бабки, лазили на голубятню гонять голубей, которыхъ Ермаковскій держалъ во множествѣ; эта забава была въ большомъ ходу между нѣкоторыми охотниками: сила въ томъ, чтобы загнать чужихъ голубей и потомъ ихъ возвратить за хорошій выкупъ. Зимой катались на дворѣ съ небольшой ледяной горы, которую устраивали съ большими хлопотамъ; наконецъ, прыгали на одной ногѣ по разрисованному мѣломъ полу, выпывая пзъ квадратовъ кружокъ, чтобы только не попадать на черту. Все это чрезвычайно развивало мои физическія силы, я былъ очень здоровый мальчикъ, но за то... голова дремала. Скрипку, на которой я въ дѣтствѣ учился, почти бросилъ, и хотя иногда и принимался за нее, но крайне лѣнливо. Французскій языкъ, на которомъ раньше говорилъ очень свободно, я вовсе забылъ. Въ домѣ Лубьяновича по-французски не говорили; одно осталось неистребленнымъ, это произношеніе. Я постепенно дичалъ и дѣлался очень робокъ и застѣнчивъ. Общество Лубьяновича составляли люди пожилые, которые по временамъ приходили къ нему играть въ бостонъ, до чего онъ былъ большой охотникъ, не щадя своихъ партнеровъ въ случаѣ ихъ ошибокъ. Къ женѣ его рѣдко кто приходилъ, она не любила и не умѣла принимать гостей; но въ году было нѣсколько опредѣленныхъ штатныхъ дней, когда собиралось большое общество;

*) Такъ въ рукописи. П. Б.

заказывался пышный обѣдъ, иногда даже танцевали. Въ подобныхъ собраніяхъ и мнѣ надобно было присутствовать, что составляло истинное мое мученіе, особенно если заставляли играть на скрипкѣ; тогда я былъ весь какъ въ огнѣ, въ глазахъ дѣлалось мутно, голова кружилась. Хороша была музыка!

Такъ мы прожили до лѣта 1810 года. Въ то время въ Петербургѣ не было учебныхъ заведеній кромѣ одной гимназіи, которая впрочемъ не имѣла никакихъ правъ. Въ 1809 году 6-го Августа послѣдовалъ указъ, которымъ воспрещалось производить въ чины коллежскаго асессора и статскаго совѣтника всѣхъ не получившихъ полного университетскаго аттестата. Это произведеніе Сперанскаго поразило служащихъ и всѣхъ тѣхъ, которые не могли воспитывать своихъ сыновей въ университетахъ. Ученіе тогда не было еще въ большомъ ходу... Досадовали на указъ и старики, хотя и достигшіе вожделѣнныхъ чиновъ. Они говорили, что они и безъ аттестатовъ вышли въ люди и принесли пользу службѣ, что это все выдумки выскочекъ и что дѣло не въ ученіи, а въ терпѣніи и прилежаніи. Но дѣлать было нечего; надобно было покориться необходимости и перестать записывать на службу юношей, не получившихъ другого воспитанія, кромѣ домашняго, какъ бы оно удовлетворительно ни было (что впрочемъ рѣдко оказывалось).

Это обстоятельство заставило Лубьяновича подумать, какимъ образомъ открыть намъ дорогу по службѣ, чтобъ мы не останавливались въ чинахъ. Онъ нашелъ всего удобнѣе отправить насъ въ Москву, гдѣ былъ Университетъ; но какъ мы для Университета были еще молоды, а при немъ находился тамъ Благородный пансіонъ, гдѣ былъ директоромъ его школьный товарищъ профессоръ Университета Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій: то и воспользовался онъ этимъ обстоятельствомъ, чтобъ помѣстить насъ въ этотъ пансіонъ, откуда можемъ посѣщать университетскія лекціи, когда подрастемъ. Было это хорошо и въ томъ отношеніи, что въ Москвѣ служилъ оберъ-секретаремъ въ Сенатѣ братъ директора, Михайло Антоновичъ, отецъ Владимира Михайловича, жпвшаго, какъ выше сказано, въ домѣ Лубьяновича и пользовавшагося его вниманіемъ и покровительствомъ. Въ возмездіе за добро, онъ надѣялся, что съ своей стороны и Михайло Антоновичъ будетъ къ намъ добръ и внимателенъ. Такимъ образомъ рѣшено было, чтобъ мы безъ замедленія ѣхали. Сдѣланы были нужныя приготовленія и отыскивали господина, который долженъ былъ насъ отвезти. Горько было расставаться съ мѣстомъ, къ которому уже привыкли, особенно съ свободою нашею жизнію; но мы никого не оставляли въ Петербургѣ, плакать было не о чемъ, мы также не впадали ни въ слезы. Призрѣн-

ныя изъ милости сироты, мы могли только радоваться, что есть кто-нибудь, кто заботится о насъ и нами распоряжается. Но раннее юношество наименѣе думаетъ о пользѣ; ему настоящая минута всего дороже. На прощаніи обыкновенно выказывается нѣсколько болѣе вниманія. Насъ проводили, перекрестили, поцѣловали, и мы поскакали.

Мы ѣхали въ Москву дней пять. Скорою ѣздою считалось тогда дня четыре, а въ три дня летѣли на курьерскихъ. Въ то время существовала еще знаменитая бревенчатая дорога, тряская до такой степени, что путешественникъ въ экипажѣ не на рессорахъ пріѣзжалъ на мѣсто съ разбитыми членами и долженъ былъ послѣ такого подвига дня два справляться съ силами. Шоссе еще не было; оно устроено гораздо позже. Но и по шоссе пріѣзжали въ Москву на четвертый день.

Насъ привезли прямо въ пансіонъ къ Антонскому. Это было одно изъ лучшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Оно не имѣло правъ, да и при учрежденіи его ни о какихъ правахъ и не думали. Туда охотно отдавали дѣтей, привозя ихъ со всѣхъ концовъ Россіи. Оттуда выходили во всякое время, кому куда угодно: въ военную или въ гражданскую службу. Тѣ которые хорошо учились оставались долго, держали экзаменъ для поступленія въ студенты Университета и, продолжая ученіе въ пансіонѣ, ходили на лекціи въ Университетъ. Директоръ Антонскій пользовался общимъ уваженіемъ, держалъ себя съ достоинствомъ, былъ человекъ весьма ловкій, смѣтливый. Какъ профессоръ онъ не имѣлъ большого значенія. Онъ преподавалъ сельское хозяйство. Кажется, эту кафедру выдумали для него; она вовсе не нужна была для студентовъ. Впрочемъ, полагать надобно, что онъ эту часть зналъ хорошо, самъ занимаясь хозяйствомъ. У него было прекрасное имѣніе верстахъ въ 60 отъ Москвы, недалеко отъ Троицко-Сергіевской Лавры, куда онъ ѣзжалъ на цѣлое лѣто, во время каникулъ. Имѣніе это было отлично устроено. Вообще Антонскій успѣлъ составить себѣ весьма хорошее состояніе, живя чрезвычайно экономно и пользуясь содержаніемъ отъ Пансіона, гдѣ онъ и жилъ. По литературной части онъ извѣстенъ какъ сочинитель книги о воспитаніи, которая въ то время имѣла успѣхъ. Какъ директоръ пансіона, онъ много принесъ пользы юношеству, которое тамъ воспитывалось. Онъ управлялъ заведеніемъ болѣе 25 лѣтъ сряду. Тамъ получили воспитаніе многіе замѣчательные люди, какъ то Жуковскій, Кайсаровы, Магницкій, Озеровъ, Милоновъ и друг. Антонскаго знали во всѣхъ концахъ Россіи; онъ былъ человекъ весьма уживчивый въ обществѣ, умѣлъ пользоваться обстоятельствами и, главное, управлять собою. Онъ вынесъ изъ мѣста своего воспитанія нѣкоторую жесткость характера, но могъ тотчасъ совладѣть

съ собою, какъ скоро являлся свидѣтель, и онъ немедленно превращался въ самое кроткое существо. Съ родителями былъ онъ до крайности вѣжливъ и внимателенъ; они были ему признательны и не жалѣли подарковъ. При всемъ недостаткѣ глубокой учености, онъ далеко превосходилъ своихъ товарищей профессоровъ въ знаніи общества и людей. Умъ его былъ гибкій и изворотливый. Его очень боялся въ пансіонѣ. Онъ умѣлъ держать всѣхъ въ должномъ порядкѣ. Бывали минуты, когда онъ позволялъ себѣ весьма жесткое обхожденіе съ подчиненными и воспитанниками и мало въ этомъ случаѣ церемонился; иногда вырывались у него такіа выраженія, которыя не обличали въ немъ свѣтскаго человѣка, но осуждать его вполне нельзя. Въ такомъ обширномъ и отвѣтственномъ управленіи нельзя было не увлечься и не выразить негодованія своего въ формахъ, которыя не всегда можно было одобрить; иначе не удержался бы порядокъ. Въ пансіонѣ воспитывалось болѣе 300 юношей, и большая часть оставившихъ заведеніе всегда отзывались о немъ съ чувствомъ и признательностію. Рѣдкій изъ нихъ, проѣзжая Москву, не заходилъ въ пансіонъ повидаться съ Антонскимъ, который всегда встрѣчалъ прѣзжаго съ особеннымъ радушіемъ. Многіе занимали почетныя должности въ гражданской службѣ; большинство служило въ гвардіи. Это много льстило самолюбію Антонскаго. Онъ себѣ приписывалъ нѣкоторую долю успѣховъ ихъ въ обществѣ и по службѣ. Всѣ эти люди прославляли пансіонъ и тѣмъ привлекали туда другихъ молодыхъ людей.

Пансіонеры платили за себя сперва 400 р. а потомъ 600 р. ассиг.: сумма довольно незначительная, но по дешевизнѣ предметовъ въ то время очень достаточная. Нѣтъ сомнѣнія, что при большомъ числѣ воспитанниковъ была и экономія, и такъ какъ управленіе пансіономъ происходило совершенно на частномъ основаніи и никогда не было подъ университетскимъ контролемъ, хотя пансіонъ и именовался Университетскимъ, то директоръ конечно и могъ распоряжаться суммами по своему произволу. Антонскій, какъ человѣкъ умный, чрезвычайно расчетливый и въ жизни воздержный, скоро составилъ себѣ очень порядочное состояніе. У него было слишкомъ 700 душъ крестьянъ и много денегъ въ билетахъ Сохранной Казны. Не будучи жевать, онъ немного тратилъ при всемъ готовомъ содержаніи... Все имѣніе его досталось дѣтямъ брата его Михаила Антоновича.

Въ пансіонѣ было семь классовъ. Поступающій, по экзамену, назначался въ тотъ классъ, который по каждому предмету соответствовалъ его познаніямъ. Иногда случалось такъ, что въ одномъ предметѣ онъ былъ очень слабъ, и его помѣщали въ самомъ низшемъ

классъ седьмой; въ другомъ же былъ посильнѣе, и его сажали въ высшій классъ, въ шестой, въ пятый, смотря по тому, какой курсъ пригоденъ былъ для его познаній въ предметъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, незнающій языковъ сидѣлъ въ самомъ послѣднемъ классѣ, гдѣ преподавали только начальныя правила языковъ, а по Математикѣ, которую зналъ хорошо, находился иногда въ 4-мъ классѣ, гдѣ занимались уже Геометріею и Алгеброю. Это чрезвычайно способствовало успѣхамъ. Въ новѣйшее время введенъ по гимназіямъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ совершенно другой порядокъ. Воспитанникъ вовсе не переводится въ высшій классъ, если успѣшно не выдержалъ экзамена и не имѣлъ опредѣленнаго числа балловъ по всѣмъ предметамъ и остается въ низшемъ классѣ, хотя нѣкоторые изъ преподаваемыхъ тамъ предметовъ ему хорошо знакомы и онъ долженъ будетъ напрасно повторять зады. Въ Московскомъ пансіонѣ этого случиться не могло. Знаніе предметовъ не было обязательно; каждый подвигался въ классъ по тому предмету, который былъ ему подъ силу. Срока для пребыванія въ пансіона не опредѣлялось: воспитанники могли выходить изъ него, когда вздумаютъ родители. Иные находились по шести и болѣе лѣтъ, другіе оставались недолго. Поступали въ различныхъ возрастахъ; можно было поступить прямо въ высшіе классы, если юноша хорошо былъ приготовленъ, и слѣдовательно оставаться въ пансіонѣ недолго. Воспитанники раздѣлялись на отдѣленія по возрастамъ и успѣхамъ въ наукахъ. Было пять или шесть отдѣленій, и каждое имѣло особое свое помѣщеніе; въ двухъ отдѣленіяхъ сверхъ того помѣщались лучшіе воспитанники: одно изъ нихъ называлось полуотличнымъ, а другое отличнымъ. Попасть въ эти отдѣленія было довольно трудно: требовалось много условій, надобно было и ученіемъ и поведеніемъ обратить на себя особенное вниманіе... Это сильно льстило самолюбію юношей. На отличныхъ смотрѣли съ большимъ уваженіемъ, которымъ воспитанники долго пользовались и по выходѣ изъ заведенія.

Насъ, какъ маленькихъ, помѣстили въ отдѣленіе малолѣтнихъ. Въ каждомъ отдѣленіи были особые надзиратели, которые жили тутъ же за перегородкою. Надзиратели были большею частію иностранцы для разговоровъ съ воспитанниками на иностранныхъ языкахъ; за недостаткомъ Нѣмцевъ и Французовъ были и Русскіе. Надзиратели не всегда отличались примѣрностію своего поведенія; впрочемъ трудно было требовать совершенства отъ людей, которые рѣшались принимать на себя такіа хлопотливыя и мало выгодныя въ денежномъ отношеніи должности. Нѣкоторые изъ тѣхъ надзирателей часто подверга-

лись насмѣшкамъ, но они немного ими оскорблялись и терпѣли, не желая потерять своихъ мѣстъ... Особенныхъ скандаловъ было однакожь мало. Антонскій ловко спускалъ тѣхъ, которые оказывались очень плохими. Всѣ надзиратели состояли подъ ближайшимъ наблюдениемъ инспектора. Въ это время инспекторомъ былъ нѣкто баронъ Швейнфельдъ... По крайней мѣрѣ у насъ его называли барономъ, хотя сомнительно, чтобъ такая фамилія могла пріобрѣсти баронство. Его никто терпѣть не могъ за глупое и грубое обращеніе. Антонскій имѣлъ высшую инспекцію. Онъ не часто показывался воспитанникамъ и очень хорошо дѣлалъ: его за то больше боялись и уважали. Онъ никогда не суетился, шелъ всегда тихо, рѣдко кричалъ; при появленіи его можно было разслышать жужжаніе мухи. Онъ окидывалъ взоромъ классъ или отдѣленіе и спокойно уходилъ назадъ. Въ пансіонѣ наказывали рѣдко. Самое обыкновенное наказаніе было остаться безъ чаю, безъ одного, двухъ или трехъ блюдъ за обѣдомъ или ужиномъ, безъ булки вечеромъ; болѣе сильное наказаніе—стоять во время обѣда у печки, что называлось за ослинымъ столомъ. Я не помню, чтобъ дѣтей сѣкли; если же это и случалось иногда съ нѣкоторыми, то развѣ съ самыми закоренѣлыми упрямцами или дѣвтями. Антонскій велъ себя осторожно; онъ не хотѣлъ ссориться съ публикою, особенно съ маменьками и тетушками, которыя не привпмають въ уваженіе причинъ и всегда находятъ, что ихъ сынки и племянники страдаютъ невинно и, какъ обыкновенно увѣряють ихъ, по чьей нибудь злобѣ за правду.

Однимъ изъ важныхъ способовъ къ удержанію юношей въ порядкѣ было слѣдующее распоряженіе. Въ каждомъ отдѣленіи было заведено, что поведеніе воспитанниковъ оцѣнивалось ежедневно и по прошествіи недѣли, т. е. въ Суботу, провинившійся въ чемъ нибудь становился по списку ниже тѣхъ, которые вели себя хорошо. Часто стоявшіе по списку высоко становились за проступокъ послѣдними и не иначе пріобрѣтали прежнія мѣста свои, какъ по прошествіи долгаго времени, когда другіе провинившіеся очищали ихъ потерю своего старшинства. Въ каждомъ отдѣленіи первые очень дорожили своими мѣстами, съ которыми сопряжены были нѣкоторыя преимущества, заключавшіяся въ томъ, что на нихъ обращено было особенное вниманіе директора и надзирателей. Всякая вина отличалась такъ называемымъ штрихомъ; нѣкоторые имѣли по нѣскольку штриховъ въ недѣлю, сидѣли по списку и въ репетиціонныхъ комнатахъ въ числѣ послѣднихъ и мало имѣли надежды повыситься. Это были самые плохіе воспитанники.... Находившіеся все время по спискамъ въ числѣ первыхъ, если притомъ они возвышались въ классахъ и уже достаточно выросли, переводились

въ отдѣленіе полуотличныхъ, а оттуда, въ случаѣ открытія ваканцій, въ отдѣленіе отличныхъ, гдѣ было всего только 9 воспитанниковъ. Это была такая высокая почеть, на которую всѣ смотрѣли съ какимъ-то благоговѣніемъ. Отличные сидѣли во время завтрака, обѣда и ужина за круглымъ столомъ по среднимъ заламъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе помѣщались за продолговатыми столами по сторонамъ комнаты. Отличные по очереди имѣли обязанность слѣдить за поведеніемъ воспитанниковъ младшихъ отдѣленій, въ отсутствіи надзирателей заступали ихъ мѣста, имѣли право взыскивать съ виновныхъ. Нѣкоторые тяготились этими преимуществами; другіе, напротивъ, ими величались.

Нельзя не отдать справедливости этому устройству. Оно поддерживало порядокъ въ заведеніи, развивало самолюбіе воспитанниковъ, частію облагораживало ихъ; о скандалахъ, которыми отличались новѣйшія заведенія, не было и слышно. Должно однакожь приписать это самому Московскому обществу, гдѣ не терпѣлось ничего слишкомъ пошлаго и грязнаго. Пансионъ часто былъ посѣщаемъ Московскою публикою. На актахъ собиралось многочисленное общество лучшихъ городскихъ фамилій; въ пансионѣ сверхъ того зпмоу бывали балы, театры и концерты. Всѣ туда ѣздили съ особеннымъ удовольствіемъ. Почти каждый воспитанникъ имѣлъ кого нибудь знакомаго изъ пріѣзжающихъ, а неимѣвшіе ни родныхъ, ни знакомыхъ старались знакомиться и принадлежать къ порядочному кругу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые семейства въ Москвѣ, давая у себя балы, приглашали воспитанниковъ, которые были поразвязанѣе и любезнѣе. Многимъ хотѣлось попасть на эти балы, и они вообще старались держать себя прилично и осторожно.

Каждый годъ происходили въ пансионѣ въ Декабрѣ мѣсяцѣ экзамены, которые опредѣляли степень способности воспитанника въ каждомъ предметѣ и служили основаніемъ къ переводу въ высшій классъ. Такимъ образомъ случалось, что юноша по одному предмету проходилъ выше, а по другому оставался въ прежнемъ классѣ. Послѣ экзаменовъ, продолжавшихся два или три дня, происходилъ торжественный актъ, на которомъ воспитанники выказывали свои искусства: играли на скрипкѣ, на фортепьянахъ, читали свои стихи, фехтовали. Актъ всегда начинался рѣчью.. Подъ конецъ раздавали достойнымъ награды: книги, ноты, картины, разныя учебныя вещи, наконецъ старшимъ медали серебряныя и золотыя безъ имени, и съ именемъ, при похвальныхъ листахъ. Нѣкоторые воспитанники, получившіе уже золотыя медали, оставались послѣ того въ пансионѣ еще лишній годъ. Тогда, чтобъ наградить ихъ, придумали давать имъ глобусы, въ родѣ черни-

лицы, которая складывалась. Послѣ этой награды вносили имя воспитанника на золотую доску въ память отдаленнаго потомства. Такихъ именъ въ мое время съ конца прошлаго столѣтія накопилось до 30.

Лѣтомъ пансіонъ пустѣлъ... Воспитанники разъѣзжались на каникулы къ роднымъ, которые обыкновенно въ концѣ Іюня присылали за ними людей и лошадей. Изъ 300 чел. оставалось не болѣе 40 и даже меньше. Оставшихся переселяли въ село Всесвятское, въ 6 верстахъ отъ Москвы, гдѣ устраивался для нихъ лагерь. Они располагались въ палаткахъ и учились ружью и воинскимъ маневрамъ. Это придумано было съ цѣлью познакомить юношей съ военною службою, куда многіе поступали по выходѣ изъ пансіона, но главное—доставить имъ развлеченіе и съ пользою занять ихъ. На это время прикомандировался къ намъ ловкій унтеръ-офицеръ для обученія ружейнымъ приѣмамъ и маршировкѣ. Команда дѣлилась на взводы, и каждый изъ нихъ по очереди содержалъ въ лагерь караулъ; часовые стояли на разныхъ пунктахъ днемъ и ночью по два часа... Стоянка ночью была не очень пріятна, особенно на концѣ лагеря. Часовыхъ обходилъ рундъ для наблюденія, въ порядкѣ ли караулъ и не спитъ ли часовая. Это съ нѣкоторыми случалось; у нихъ уносили ружья, и на другой день виновный содержался на гауптвахтѣ подѣ арестомъ. Утромъ занимались маршировкой, для чего далеко ходили въ поле. Въ остальное время пользовались совершенною свободою, гуляли, купались въ ручьѣ, который запруживали для возвышенія воды. Время шло для насъ очень пріятно. Антонскій съ нами не бывалъ: онъ уѣзжалъ въ свою подмосковную деревню. Такъ проживали мы до Августа... потомъ перебирались въ городъ, куда со всѣхъ сторонъ начинали стекаться воспитанники предѣ начатіемъ ученія. Каникулы оканчивались 15 Августа; съ трудомъ принимались юноши за уроки послѣ разгульной деревенской жизни въ кругу родныхъ.

Я учился изрядно, полюбилъ Математику и Латинскій языкъ и дѣлалъ въ томъ и другомъ порядочные успѣхи. Эти предметы вообще менѣе всего нравятся дѣтямъ, и я какъ будто составлялъ замѣчательное исключеніе. Въ 12 лѣтъ я хорошо зналъ уже Геометрію; на Латинскомъ языкѣ я старался разговаривать и тѣмъ надобѣдалъ товарищамъ. Новѣйшіе языки шли очень плохо. Я не могъ составить по Французски ни одной правильной фразы: все позабылъ въ послѣднее время. Хотя и требовалось, чтобъ дѣти не иначе разговаривали между собою какъ по-Французски или по-Нѣмецки, но это не исполнялось, не смотря на штрафъ, которому подвергались тѣ, у которыхъ случался билетъ, доставшійся за разговоръ на Русскомъ языкѣ. Нѣ-

мецкаго языка никто терпѣть не могъ; считалось даже унизительнымъ Русскому дворянину говорить на немъ: всѣ колбасники и сапожники говорятъ по-нѣмецки. Помочь этому было трудно; непрерывный надзоръ былъ невозможенъ, и воспитанники всегда находили возможнымъ уклоняться отъ приказаній, не сознавая въ то время пользы отъ языковъ. Впослѣдствіи, съ лѣтами, когда являлись въ обществѣ и слышали непрерывно Французскій разговоръ, они старались вознаграждать потерянное время, чтобъ какъ-нибудь не осрамиться, особенно передъ дамами, вступая съ ними въ объясненія; но прошедшее трудно воротить. Большая часть воспитанниковъ совсѣмъ не умѣла говорить ни по-французски, ни по-нѣмецки.

Изъ пансіона мы никуда не ѣздили по праздникамъ. Очень рѣдко, въ большіе праздники, Михайлъ Антоновичъ Антонскій присылалъ за нами. Я не охотно къ нему отправлялся... Это былъ суровый господинъ, который своимъ холоднымъ и сухимъ обращеніемъ наводилъ ужасную тоску въ семействѣ. Онъ принадлежалъ къ разряду людей прежняго закала, которые находили унизительнымъ для своего достоинства улыбнуться въ кругу своихъ родныхъ и только рѣдко это себѣ позволяли въ видѣ милости. Онъ былъ женатъ и имѣлъ большое семейство, состоявшее изъ двухъ дочерей и трехъ сыновей. Старшій Владимиръ, служившій въ Петербургѣ у Лубьяновича, копчилъ курсъ въ пансіонѣ у дяди, былъ въ числѣ отличныхъ и внесенъ на золотую доску. Другой сынъ Николай учился съ нами въ пансіонѣ, а третій Дмитрій маленькій. Насъ принимали въ домъ какъ бѣдныхъ сиротъ, на которыхъ не стоитъ обращать много вниманія. Жена Антонскаго вела себя очень важно, едва удостоивала насъ своимъ взглядомъ; мы ея боялись. Въ домѣ царствовала ужасная скука. Никто не смѣлъ громко разговаривать, бѣгать или играть; большею частію сиджали мы въ особой отдаленной комнатѣ и молчали до того времени, когда насъ отвозили обратно въ пансіонъ, гдѣ намъ несравненно было веселѣе... Въ распоряженіи Антонскаго были присылаемыя къ нему Лубьяновичемъ деньги на наши расходы. Это поставляло насъ въ большую зависимость, просить денегъ было истиннымъ наказаніемъ, и мы часто готовы были терпѣть всѣ лишенія, чтобъ только не обращаться съ требованіями. Если намъ и отпускали деньги, то всегда съ замѣчаніями о лишнѣхъ расходахъ и что можемъ обойтись безъ требуемыхъ вещей. Въ пансіонѣ каждый одѣвался въ свое платье и посылъ что хотѣлъ, кромѣ каникулярнаго времени, когда въ лагерь должны были одѣваться въ военныя куртки съ кинерами. Мы всегда одѣты были почти хуже всѣхъ. Товарищи были богаче, и нѣные щеголяли. Это унижало

насъ въ глазахъ ихъ. Не мудрено, что нѣкоторые наряды, которые мы себѣ придумывали, могли казаться Антонскимъ излишними, и потому намъ въ нихъ отказывали и совѣтовали обходиться безъ нихъ, хотя часто прежнее платье находилось уже въ дырахъ. Мы не имѣли даже нужныхъ книгъ и пользовались чужими. Я учился на скрипкѣ также на чужомъ инструментѣ. Я не смѣлъ и думать завести свою скрипку... (Въ Петербургѣ я пользовался скрипкою сожителя моего Ермаковского, который нѣсколько пилилъ): это была бы такая роскошь, какую мнѣ никогда бы не дозволили... Чему и какъ мы учились въ пансіонѣ, Антонскіе мало интересовались; объ этомъ насъ не спрашивали.

Въ 1811 году весною объявлено мнѣ, что я назначаюсь для поступленія въ Имп. Царскосельскій Лицей, который только что былъ учрежденъ. Туда потребовали лучшихъ воспитанниковъ младшаго возраста. Всего выбрано было 22 человѣка. Насъ поставили въ рядъ. Кто-то насъ осматривалъ. Я ничего не понималъ, для чего меня туда назначаютъ и почему тамъ лучше, нежели здѣсь; но, видя, что я помѣщенъ въ числѣ хорошихъ воспитанниковъ, догадывался, что вѣрно тамъ будетъ мнѣ не дурно; притомъ меня веселило, что перемѣню мѣсто, увижу кое-что другое, буду ближе къ Петербургу.... Я ожидалъ дальнѣйшей своей участи. Прошло лѣто... Человѣкъ 5, 6 изъ нашихъ уже уѣхали въ Лицей; потомъ отправились еще двое. Обо мнѣ ни слуху, ни духу; отчего я остаюсь, никто мнѣ не объяснялъ. Наконецъ директоръ Антоновскій призвалъ меня къ себѣ и, выдавая мнѣ программу, о чемъ въ Лицѣ на экзаменѣ будутъ спрашивать, приказалъ приготовиться... Мнѣ назначено было ѣхать съ товарищемъ Масловымъ. Прошло послѣ этого недѣли двѣ - три; я вы зубрилъ, чтѣ слѣдовало. Вдругъ слышу, что Масловъ уѣзжаетъ, а обо мнѣ никто ни слова... Не понимаю, чтѣ это значитъ и почему я не отправляюсь съ нимъ. Такимъ образомъ я остался въ пансіонѣ и не попалъ въ Лицей. Вѣроятно обо мнѣ въ свое время никто не позаботился. Сначала требовали довольно порядочное число воспитанниковъ; потомъ ваканціи быстро наполнялись, и это число было сокращено. Я остался лишнимъ, и это очень жаль: товарищами моими были бы Пушкинъ, баронъ Дельвигъ, князь Горчаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Корвиловъ, Вальховскій и многіе другіе, сдѣлавшіеся впоследствии извѣстными и въ литературѣ, и на служебномъ поприщѣ.

Наступилъ 1812 годъ... Въ Іюнь начали поговаривать о нашествіи Французовъ; но пока они были еще далеко, т. е. близъ границъ, къ намъ доходили объ этомъ только смутныя свѣдѣнія. По заведенному порядку, съ наступленіемъ каникулъ насъ, воспитанниковъ, переселили въ с. Всесвятское для стоянья тамъ лагеремъ. Мы занимались своимъ дѣломъ и мало принимали участія въ томъ, чтѣ въ Россіи

происходило. Намъ оставалось не болѣе 35 человѣкъ, всѣ прочіе разлѣхались по домамъ. Иногда слышали мы объ убитыхъ офицерахъ изъ прежнихъ пансіонскихъ воспитанниковъ или о родственникахъ и знакомыхъ нашихъ наличныхъ пансіонеровъ. Въ числѣ надзирателей находился у насъ Василій Андреевичъ Азбукинъ. О немъ говорили, что онъ былъ братъ Жуковского, также Василя Андреевича Проташинскаго, и что Азбукинъ получилъ свою фамилію потому, что плохо учился азбукъ, Жуковский, что въ малолѣтствѣ былъ смугловатъ и походилъ на жука, а Проташинскому отецъ далъ свою фамилію. Въ какой степени справедливъ *) этотъ рассказъ, рѣшить не берусь, для этого у меня нѣтъ данныхъ; но странная фантазія отца дать своимъ побочнымъ сыновьямъ одни и тѣже имена, если тутъ есть какая-нибудь доля правды. Этотъ г. Азбукинъ вздумалъ поступить въ ополченіе и, вмѣсто воспитанниковъ пансіона, командовать ратниками. Онъ былъ необыкновенно высокаго роста, имѣлъ очень длинный носъ, въ манерахъ крайне недовонокъ. Поступленіе его въ военную службу насъ много занимало. Онъ отличился на войнѣ, получилъ Анну на шею.

Съ приближеніемъ непріятеля къ Москвѣ, стали говорить о военныхъ дѣйствіяхъ гораздо болѣе. Старшіе рассказывали, младшіе слушали; на многихъ лицахъ стало выражаться безпокойство; къ намъ доходили рассказы тревожные, часто преувеличенные. Мы начали бояться; ожидали какого-нибудь происшествія. Ночью иногда къ намъ доходили звуки колоколовъ, мы приписывали это какому-нибудь случившемуся бѣдствію; старались на другой день собрать о томъ свѣдѣнія, и никто не умѣлъ намъ ничего объяснить. Въ Петровскомъ дворцѣ, на серединѣ пути между Москвою и нашимъ лагеремъ, помѣщалась квартира штаба вновь формируемаго казачьяго полка изъ охотниковъ, подъ именемъ Мамоновскаго. Въ одинъ день не оказалось у насъ двухъ или трехъ воспитанниковъ изъ старшаго возраста. Они были завербованы въ тотъ полкъ. Юноши прельстились мундиромъ, который дѣйствительно былъ красавъ, объявили свое согласіе на поступленіе въ полкъ и тамъ остались. Это войско составлялось изъ охотниковъ и, судя по имени полка, вѣроятно, по вызову и насчетъ суммы Мамонова. Начальство пансіона пришло въ волненіе, отправило въ штабъ депутацію, и воспитанники были освобождены. Иногда, собравшись въ кучу, мы пускались въ разсужденія, что намъ дѣлать, если Французы вступятъ къ намъ въ лагерь. Мы полагали защищаться до послѣдней капли крови; въ насъ начиналъ развиваться воинственный духъ, но потомъ мы сами смѣялись надъ собою.

*) Не справедливъ уже потому, что эти три лица не родные братья, и только двое изъ нихъ назывались одинаковыми именами. П. Б.

Наконецъ, около 6-го Августа мы перебрались изъ нашего лагеря въ Москву. 15-го числа обыкновенно начинался курсъ, и воспитанники, отправившіеся въ деревни на каникулы, должны были собраться къ этому дню; но никто не пріѣхалъ. Напротивъ уѣзжали и тѣ, которые оставались въ Москвѣ. Классы не начинались; все у насъ мало-по-малу рѣдѣло; мы ничѣмъ не занимались; никто почти за нами не смотрѣлъ. Странное было наше положеніе: мы были оставлены почти на собственный произволъ. Пользуясь этимъ, мы часто расхаживали одни по городу. Народъ волновался; непрерывно доходили до насъ слухи о народныхъ неистовствахъ. Прогулка по улицамъ становилась небезопасною... Преслѣдовали всѣхъ иностранцевъ; доставалось и Русскимъ, если подслушивали, что они говорятъ на иностранномъ языкѣ. Одинъ изъ нашихъ надзирателей, изъ Русскихъ, также былъ остановленъ на улицѣ, но отдѣлался однимъ страхомъ. Бывшій главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Растопчинъ, самъ подалъ поводъ къ такому самоуправству. Онъ поддерживалъ въ народѣ убѣжденіе, что въ средѣ его скрываются измѣнники. Поступокъ его съ купеческимъ сыномъ Верещагинымъ, достойно оцѣненный впоследствии бывшими очевидцами происшествія, возбудилъ негодованіе людей благомыслящихъ, но народъ смотрѣлъ на вещи иначе: онъ повѣрилъ графу, что Верещагинъ измѣнникъ и растерзалъ его, когда несчастный брошенъ былъ народу съ графскаго балкона. Вся вина этого молодого человѣка заключалась въ томъ, что у него найдена была какая-то прокламація Наполеона. Онъ притомъ былъ знакомъ съ лицами, которыя не пользовались расположеніемъ графа. Подробности этого дѣла были напечатаны лѣтъ 30 или 40 спустя въ разныхъ журналахъ. Гр. Растопчинъ, чтобъ поддержать духъ въ Московскихъ жителяхъ и не приводить въ уныніе по случаю приближенія къ столицѣ непріятеля, выпускалъ разныя брошюры и возванія, написанныя простымъ народнымъ языкомъ съ прибаутками, остротами и насмѣшками надъ Французами. Ежедневно являлись карикатуры съ надписями, пословицами и стихами. Нѣкоторыя были очень забавны, и мы ими восхищались. Напримѣръ: Наполеонъ ѣстъ огромный грибъ и т. п. Всѣ эти сочиненія съ жадностію раскупались и читались, поддерживали въ народѣ бодрость и патріотизмъ, усиливали ненависть къ Французамъ, которые представляемы были въ самомъ смѣшномъ и отвратительномъ видѣ, безбожниками, развратными и злодѣями. Сильно досталось самому Наполеону и всему его семейству. Народъ хохоталъ, шутилъ, храбрился и мало думалъ объ опасности. Его безпрерывно увѣряли, что Французъ никогда не войти въ Москву, что если онъ сдѣлаетъ къ тому попытку, то его истребятъ, какъ ничтожную пыль. Въ довершеніе всего этого хвастов-

ства гр. Растопчинъ распустилъ по городу слухъ, что на Поклонной горѣ будетъ устроенъ огромный шаръ, начиненный порохомъ: этотъ шаръ долженъ былъ истребить или, по крайней мѣрѣ, сильно разстроить Французскую армію, что подъ Москвою дано будетъ Французамъ рѣшительное сраженіе и въ случаѣ надобности употребить и самый народъ. Дѣйствительно, дѣлались какія-то приготовленія на Поклонной горѣ. Народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ дѣйствія шара; говорили, что будетъ проба. Проходили дни, и ничего не было. Толпа собралась около дома гр. Растопчина и громко заявляла свои требованія видѣть общанный шаръ. Въ этотъ самый несчастный день Верещагинъ выданъ былъ народу. Растопчинъ, чтобы занять народъ и заставить его забыть о шарѣ, далъ ему потѣшиться надъ жертвою, а самъ въ это время ускакалъ изъ дому, выйдя заднимъ ходомъ *).

Всѣ эти утѣшительныя прокламаціи и продѣлки главнокомандующаго для поддержанія бодрости въ народѣ и для устраненія всякаго предлога къ внутреннимъ безпорядкамъ (что будто бы дѣлалось по соглашенію съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ) не остановили благоразумныхъ и осторожныхъ людей въ Москвѣ; всѣ знали, что Москва должна быть взята и спѣшили изъ нея выѣхать. Каждый день или, лучше сказать, каждую ночь вывозились сокровища Грановитой Палаты, образа, бумаги, припасы, казенныя принадлежности. Присутственныя мѣста, магазины, лавки были закрыты, дома заколачивались наглухо. Москва видимо рѣдѣла; оставалась въ ней одна безпечная чернь, которой нечего терять и которая, можетъ быть, рассчитывала, напротивъ, въ общей суматохѣ чѣмъ-нибудь попользоваться.

Въ пансіонѣ нашемъ осталось наконецъ только 7 воспитанниковъ; всѣхъ прочихъ разобрали родные и отвезли къ семействамъ. Въ одно утро директоръ Антонскій призвалъ меня къ себѣ и объявилъ, что онъ отправляетъ насъ въ Петербургъ. Онъ приказалъ готовиться въ путь и нанять для того лошадей. Къ вечеру все готово было къ отправленію; пожитковъ было немного, и укладка ихъ въ повозку не потребовала много времени. Уже собирались мы проститься съ Антонскимъ, какъ онъ самъ прислалъ за мною и съ печальнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что отправляться въ дорогу не можемъ, потому что непріятель, по полученнымъ имъ сейчасъ свѣдѣніямъ, подступаютъ уже къ Петербургу, и оттуда всѣ выѣзжаютъ; слѣдовательно, уходя отъ одной опасности, мы наткнемся на другую. Онъ совѣтовалъ покориться необходимости и отпустить лошадей. Антонскій имѣлъ все основаніе удержать насъ въ Москвѣ. Дѣйствительно, нѣкоторое время Петербургъ находился въ опасности попасть въ руки непріятеля. Французскія войска

*) Этотъ разсказъ волилъ не вѣрнъ. П. Б.

направлялись къ Сѣверу и угрожали столицѣ, но были встрѣчены Витгенштейномъ и должны были отступить и перемѣнить плавъ дѣйствія. Пока дѣло не рѣшилось, жители Петербурга были въ большой тревогѣ. Правительство вывозило дѣла, деньги и все, что было подороже. А такъ какъ у страха глаза велики, то вѣсть о приближающейся опасности быстро разлетѣлась по Россіи въ преувеличенномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но Витгенштейнъ своею побѣдою надъ Французами снялъ съ Петербургскихъ жителей большую тягость. Онъ былъ прославляемъ и въ прозѣ, и въ стихахъ; въ театрѣ распѣвали въ честь его куплеты, въ магазинахъ продавались его бюсты и портреты, онъ пользовался славой истиннаго героя. Приказаніе Антонскаго остаться въ Москвѣ много меня огорчило. Дѣлать было нечего; вещи, уложенныя въ повозку, опять снесены на прежнее мѣсто, лошадей отпустили, и стали мы дожидаться своей участи. Я предвидѣлъ что-то непріятное, но не могъ сообразить, что могло бы съ нами случиться. Дѣти имѣютъ полное довѣріе въ старшимъ, которые ими распоряжаются и, не понимая еще жизни и обстоятельствъ, не въ состояніи предугадать несчастія, ихъ ожидающаго. Они впрочемъ легче переносятъ житейскія непріятности и неудачи по недостатку размышленія и умѣнія сравнивать предметы. Дѣтямъ всегда кажется, что иначе не можетъ быть, и они покоряются необходимости, не умѣя еще роптать на судьбу.

Прошло еще нѣсколько дней, непріятель приближался къ Москвѣ, а мы этимъ мало тревожились. Послѣ Бородинскаго сраженія (26-го Августа) въ Москву привезены тысячи раненыхъ; въ числѣ ихъ были старшіе товарищи наши; нѣкоторые изъ нихъ, раненые легко или вовсе нераненые заѣзжали въ пансіонъ и рассказывали намъ объ ужасахъ битвы, о падшихъ въ бою и о безпорядочномъ движеніи командъ послѣ сраженія. Мы слушали съ жаднымъ вниманіемъ. Армія непрерывно отступала; за нею слѣдовали жители селеній, оставленныхъ непріятелю; народъ волновался, но все еще не унывалъ и вѣрилъ Расхопцу, что Французамъ Москвы не взять... Я былъ въ числѣ вѣрующихъ, ободрялъ товарищей, предававшихся унынію. Директоръ Антонскій съ нами простился и уѣхалъ въ свою деревню. Братъ его Михайло Антоповичъ съ семействомъ еще прежде того отправился куда-то, вѣроятно за Сенатомъ (впослѣдствіи онъ жилъ въ Казани). Пансіонъ совсѣмъ опустѣлъ; изъ надзирателей никого не осталось. 30-го Августа мы бѣжали по городу и ужаснулись пустотѣ; мы пользовались свободою съ дѣтскою безпечностію. При насъ оставался одинъ экономъ пансіона Болотовъ, которому поручено отвезти насъ во Владимиръ. Ему было не до насъ; въ это время у него своихъ хлопотъ

было довольно. Вечеромъ того же дня мы слышали пушечную пальбу; но никто не умѣлъ объяснить намъ, что это такое. Мы полагали, что это общаея генеральное сраженіе подъ Москвою и съ нетерпѣніемъ ожидали его результатовъ. Всю ночь на 31-е число мы провели въ самомъ грустномъ положеніи, совершенно одни, безъ всякаго начальства. Никто почти не спалъ; трусливые плакали; я былъ исполненъ негодованія противъ Французовъ и придумывалъ, какъ бы насолить Наполеону. Мнѣ пришла мысль написать на дверяхъ какого-нибудь чулана оскорбительное насчетъ его выраженіе; но я разсудилъ, что если Наполеонъ прочтетъ подобную фразу, то съ досады велитъ наказать кого-нибудь изъ оставшихся въ домѣ, и можетъ быть даже разстрѣляеть. Я никого не хотѣлъ вводить въ бѣду, и злостное мое намѣреніе было оставлено.

1-го Сентября (въ Воскресенье) намъ объявлено было, что мы отправляемся изъ Москвы. У насъ не было ни лошадей, ни экипажей. Надобно было все это достать. Непонятно, почему прежде о томъ не распорядились. Трудно объяснить это странное обстоятельство. Конечно, больше всѣхъ виноваты въ этомъ экономя Болотовъ; онъ по своему Русскому человѣку *авось* надѣялся устроиться хорошо и въ свое время, но захлопотался другимъ дѣломъ и не успѣлъ заготовить повозокъ и лошадей для отправленія насъ въ предназначенный путь какъ слѣдуетъ; можетъ быть, были у него тутъ и другіе расчеты. Однако нельзя оправдать и Антонскаго. Онъ поспѣшилъ уѣхать въ деревню за нѣсколько дней до нашего отправленія, вѣроятно понадѣявшись на Болотова, что онъ устроится, какъ должно съ нами, тогда какъ ему слѣдовало отправить насъ при себѣ и потомъ уже уѣхать. Тѣмъ болѣе это было непростительно съ его стороны, что мы были ввѣрены его попеченію, и онъ не въ правѣ былъ бросать насъ на произволъ судьбы и поручать насъ наемнику, человѣку простаго званія и притомъ не вполне надежному, какъ увидимъ ниже. Безъ сомнѣнія этотъ Болотовъ пользовался полнымъ довѣріемъ Антонскаго, такъ что позволялъ себѣ не исполнять его приказаній (если только они ему положительно были даны насчетъ нашъ) а руководствовался собственными своими соображеніями. Болотовъ объявилъ намъ, что лошадей у него для отправленія нашего нѣтъ и поручилъ намъ самимъ похлопотать о нихъ. Поздно онъ за это хватился!... Всѣ лошади, какія толькогодились, забраны были уѣзжавшими изъ Москвы, а также проходившими командами и торгующимъ людемъ. Нигдѣ нельзя было ихъ достать даже за большія деньги. Всѣ бѣгали по городу искать лошадей; мы заходили во всѣ дворы узнавать, нѣтъ ли гдѣ продажныхъ хотя бы клычъ, расспрашивали каждаго встрѣчнаго. Почти поздняя мы такимъ образомъ

пробѣгали. Наконецъ, наткнулись на мужичка, сидѣвшаго спокойно на улицѣ. Не знаешь ли, любезнѣйшій, гдѣ бы достать намъ парочку лошадей?... Онъ добродушно посмотрѣлъ на насъ-дѣтей и указалъ на одинъ домъ, недалеко, прибавивъ: тамъ, кажется, найдете продажныхъ лошадей. И въ самомъ дѣлѣ, оказались тамъ двѣ незавидныя лошадки, которыя тотчасъ мы сторговали за цѣну, довольно выгодную по тогдашнимъ обстоятельствамъ, и именно за 80 рубл. Послѣ того прискака была телѣга. Съ большимъ торжествомъ приведены были лошади на пансіонскій дворъ. Началась укладка вещей. На телѣгу завалили все, что могло уложиться. Большую часть нашихъ вещей какъ то перины, подушки, книги, нѣкоторое платье пришлось оставить въ Москвѣ въ добычу Французамъ. При насъ былъ дядька, нашъ крѣпостной человѣкъ; онъ успѣлъ захватить съ собою почти все наше бѣлье, какое только было. Прочіе товарищи, у которыхъ дядекъ не было, ничего съ собою не взяли, такъ что впослѣдствіи мы должны были подѣлиться съ ними рубашками. Экономъ главнѣйше заботился о казенномъ имуществѣ и клалъ на возъ также свои вещи. Большая часть казеннаго серебра была задѣлана въ стѣну наглухо, замазана глиною и забѣлена; но, говорятъ, во время пребыванія въ Москвѣ Французовъ была похищена, только неизвѣстно кѣмъ, непріятелями или своими, которые знали, гдѣ серебро. Къ 6-ти часамъ вечера мы были готовы въ путь и тронулись съ мѣста.... Всѣ мы дѣти и бывшіе съ нами люди пошли пѣшкомъ; на возъ никому сѣсть нельзя было: онъ такъ былъ нагруженъ вещами. Всего насъ было 10 человѣкъ. Изъ воспитанниковъ: два брата Гудимы — Левковичи, (Кіевляне) Милорадовичъ (изъ Кременчуга, Полтавской губерніи), Гулевичъ изъ Пензенской губерніи, Подъяковъ изъ Вологодской губ. и насъ двое. Прочіихъ трое: экономъ, наемный слуга Нѣмецъ и нашъ человѣкъ Осипъ. Куда насъ вели, никто ничего не зналъ, но мы не слишкомъ скучали. Это разнообразіе въ жизни, перемѣна предметовъ, отсутствіе строгаго надзора, нѣкоторая самостоятельность въ дѣйствіяхъ — все это на первыхъ порахъ насъ утѣшало и занимало. О будущемъ въ голову ничего не приходило; политикою мы не занимались, и намъ было все равно, что бы ни дѣлалось на свѣтѣ. Объ одномъ только думали, какъ бы поѣсть... Когда мы подошли къ заставѣ на Рязанской дорогѣ, было уже темно; мы шли еще около часа... Безчисленное множество обозовъ и экипажей разнаго рода тянулось по этой дорогѣ; пѣшеходы шли тысячами. Наконецъ совсѣмъ смерклось; надобно было подумать о ночлегѣ; но гдѣ его найти? Въ ближайшемъ отъ Москвы селеніи, гдѣ мы думали переночевать, всѣ избы были заняты проѣзжающими и проходящими. Для нашего каравана недостаточно было од-

ной избы, если бы и отыскалась свободная. Положено было провести ночь въ открытомъ полѣ. Достали съ воза ковры, рогожи, простыни, одѣяла, разложили все это на травѣ, купили въ деревнѣ молока, поужинали, помолились и улеглись, кое-какъ укутавшись въ шинели; но уснуть было трудно: сырость и холодъ проникали до костей. Сверхъ того, новостъ положенія, нѣкоторое безпокойство духа и неизвѣстность, чѣмъ кончится наше путешествіе, отнимали всякій сонъ. Часу въ 12-мъ ночи я увидѣлъ зарево Москвы. Горѣло въ трехъ мѣстахъ, Французовъ въ Москвѣ еще не было, и это надобно было отнести къ случайнымъ пожарамъ, если только не было намѣренныхъ поджоговъ съ павѣстною цѣлью. Часовъ въ 5-ть утра насъ подняли; вскорѣ взошло солнце; погода была довольно теплая; мы вскочили, протерли глаза; намъ дали что-то поѣсть, и мы пустились дальше въ хорошемъ расположеніи духа. Нѣкоторые изъ насъ очень уставали и съ трудомъ тащились; тогда такихъ вскидывали на возъ; одинъ отдохнувши уступалъ мѣсто другому. Сидѣвшій на возу обыкновенно и правилъ лошадьми. Это насъ очень забавляло. Я никогда не садился на возъ: достаточно было силы идти все время пѣшкомъ. Обыкновенно и дорогою читалъ, взявшись рукою за возъ и бредя за нимъ медленнымъ шагомъ. Со мною были Труды Общества Любителей Россійской Словесности, которые Антонскій далъ мнѣ для передачи Лубьяновичу при предстоявшей повѣздкѣ въ Петербургъ, такъ неожиданно не состоявшейся. (Антонскій былъ предсѣдателемъ этого общества).....

На другой день, т. е. 2 Сентября, мы прошли такимъ образомъ около 20 верстъ. Мы стали привыкать къ нашему положенію. Въ Среду, 4 числа, когда мы были уже верстахъ въ 70 отъ Москвы, мы увидѣли огромное зарево. Она пылала во всей силѣ.... Подходя къ Коломнѣ, мы сильно были перепуганы пьяными солдатами, скакавшими намъ на встрѣчу. Они кричали, что непріятель подходитъ къ Коломнѣ. Отъ страха мы не знали, что дѣлать; назадъ идти худо, подвигаться впередъ тоже не хорошо... Я упрашивалъ направиться въ сторону, указывая на какую-то деревеньку. Составили сонетъ; съ нами было много пѣшиходовъ, слѣдовавшихъ по той же дорогѣ; между проѣзжими былъ какой-то провіантскій чиновникъ. Мы разсуждали, что непріятель никакъ не могъ такъ скоро обойти Москву и пройти такъ, чтобъ показаться впереди насъ, и заключили, что безумные солдаты вѣрно шутя кѣмъ нибудь были напуганы. Мы рѣшили идти впередъ... Другіе попадавшіеся проѣзжіе насъ окончательно успокоили... Недалеко отъ Коломны попался намъ мужикъ на телѣгѣ въ одну лошадь; мы разговорились... Между прочимъ зашла рѣчь о томъ, не продать ли онъ намъ лошадь съ телѣгою. Мужикъ согла-

сился; въ цѣнѣ сладили, и мы пріобрѣли экипажъ, куда тотчасъ и забрались. Одинъ изъ насъ правилъ лошадей, и мы пустились рысью къ Коломнѣ, оставя далеко за собою нашъ возъ съ багажемъ. Надо было видѣть радость нашу, когда мы неслись на нашей лошаденкѣ, съ какимъ наслажденіемъ отдохнули отъ длиннаго странствованія пѣшкомъ! Въ Коломнѣ мы переночевали. Здѣсь Болотовъ придумалъ отправить двухъ братьевъ Гудимъ-Левковичей на родину и навялъ имъ извозчика за 270 р. асс.; почему распоряженіе его остановилось на нихъ только, а не на другихъ изъ насъ, объяснить не умѣю. Гуд. Левковичи были также очень молоды и распоряжаться собою еще не могли; за всѣмъ тѣмъ Болотовъ нашелъ возможнымъ ихъ отправить однихъ безъ человѣка, на произволъ одного извозчика. При разставаніи съ товарищами я искренно плакалъ... Общее несчастье связало насъ тѣсною дружбою *).

Насъ осталось пятеро.... Мы шли еще два дня и на шестой времени отправленія изъ Москвы прибыли въ деревню Митягину, Рязанской губерніи, Михайловскаго уѣзда, принадлежавшую Бестужевымъ-Рюминымъ. Здѣсь мы остановились. Какимъ образомъ сюда попали? Экономъ Болотовъ вмѣсто г. Владимира, куда поручено ему было насъ доставить, рассудилъ пріютить насъ въ деревнѣ, откуда онъ былъ родомъ и гдѣ укрылъ онъ свое семейство. Имѣлъ ли онъ на то право и дозволеніе, сомнительно; но съ другой стороны странно допустить, чтобы онъ поступилъ въ этомъ случаѣ самовольно. Поступокъ его можно объяснить только тѣмъ, что онъ хотѣлъ свидѣться съ своимъ семействомъ и потомъ отправиться далѣе, но сообразивъ обстоятельства и способы, рѣшился остаться здѣсь и ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ Антонскаго по перепискѣ съ нимъ. Однакожъ и такое объясненіе было бы довольно забавно. Если ему крайне хотѣлось видѣться съ семействомъ, то могъ бы уѣхать къ нему тотчасъ по доставленіи насъ во Владимиръ, или куда ему приказано; на это не могло потребоваться много времени, но тащить съ собою въ Рязанскую деревню чужихъ дѣтей и держать ихъ при себѣ болѣе мѣсяца слишкомъ странно. Вообще трудно объяснить дѣйствія и Антонскаго, и Болотова; ни тотъ, ни другой не выполнили своихъ обязанностей какъ слѣдуетъ. Болотову выданы были деньги на наше содержаніе... Отдалъ ли

*) Гудимы служили потомъ въ гвардіи; старшій Константинъ въ кавалергардскомъ полку, гдѣ дослужился до полковниковъ, былъ одинъ изъ красивыхъ и молодцоватыхъ оеяцеровъ, одѣвался щегольскя. Вышелъ въ отставку съ настоящимъ чинозъ. Меньшій Иванъ въ л.-егерскомъ полку, прослужилъ недолго и вышелъ въ отставку поручикомъ. Онъ былъ болѣзненъ.

онъ въ нихъ отчетъ и въ какомъ родѣ, мнѣ непавѣстно. Впрочемъ Болотовъ былъ человѣкъ добрый, и мы не имѣли никакихъ причинъ на него жаловаться.

*

Деревня Митягина сдѣлалась надолго постояннымъ нашимъ мѣсто-
 пребываніемъ. Надобно было расположиться сколько можно удобнѣе.
 Семейство Болотова состояло изъ двухъ замужнихъ дочерей съ дѣтьми.
 Оба зятя его находились гдѣ-то на казенной службѣ. Самъ Болотовъ
 помѣстился съ одною изъ дочерей и внучками въ особой чистой избѣ,
 принадлежавшей къ господской усадьбѣ; намъ отвели господскій домъ,
 старое, пришедшее въ ветхость зданіе, безъ стеколъ въ окнахъ, съ
 разрушавшеюся крышею. Въ одной изъ комнатъ этого дома, которую
 по возможности постарались сдѣлать жилою, исправивъ и залѣпивъ
 окна и двери, навалили намъ на полу сѣна и разложили на немъ
 простыни, подушки и одѣяла. Въ этой же комнатѣ устроилась и дру-
 гая дочь Боботова на кровати... Къ ней приходила спать сестра при-
 кашника, съ которою она была въ большой дружбѣ. Въ углу той же
 комнаты спалъ и человѣкъ нашъ Осипъ. Часовъ около 10-ти вечера
 мы всѣ собирались въ наши хоромы и укладывались спать, потомъ
 ложились и наши барыни; но онѣ не скоро засыпали, много между
 собою болтали и часто о такихъ вещахъ, которыя намъ дѣтямъ еще
 мало были знакомы, но которыя мы слушали съ большимъ любопыт-
 ствомъ и вниманіемъ, отчего скоро засыпать не могли. Утромъ часу
 въ 9-мъ мы вставали, умывались и отправлялись въ избу къ Боло-
 тову пить чай, послѣ того каждый изъ насъ уходилъ, куда вздумаетъ.
 Въ другую погоду оставались въ избѣ, читали чтò было подъ рукою,
 болтали, играли въ карты... Въ 2 часа обѣдали; вечеръ проводили какъ
 случится, большею частію вмѣстѣ. На дворѣ рано становилось темно,
 и далеко нельзя было уходить. Мы были здоровы, скуки не замѣчали;
 съ нами обходились ласково. Къ концу Сентября сдѣлалось чувстви-
 тельно холоднѣе. Въ нашемъ барскомъ домѣ нельзя было уже спать
 отъ холода и сырости; всѣ предосторожности были бесполезны; со
 всѣхъ сторонъ дуло; двойныхъ окопъ не было, полъ сгнилъ, двери не
 запирались, печь не могла топиться... Надобно было подумать о дру-
 гомъ пристанищѣ. По недостатку теплой избы съ дымной трубою, насъ
 перевели въ черную избу. Тутъ также расположились мы на полу....
 Ночью было тепло, но непріятно было вставать. Въ избѣ рано начи-
 нали топить печь; дымъ не имѣя другого выхода, какъ въ растворен-
 ную дверь растилался по избѣ. Насъ будили; мы вскакивали, проворно
 одѣвались и убѣгали на чистый воздухъ, гдѣ оканчивали нашъ туш-
 летъ, умывшись въ первомъ ручьѣ. Холодъ пробиралъ насъ до костей;

мы бѣжали, чтобъ согрѣться въ ожиданіи той блаженной минуты, когда отворять для насъ дверь избы Болотова и дадутъ намъ чаю, что иногда случалось довольно поздно.... Несмотря на такое бѣдственное наше положеніе, мы не жаловались. Мы видѣли, что иначе быть нельзя и умѣли покориться необходимости. Съ переходомъ въ курную избу мы разстались съ нашими ночными дамами. Дочь Болотова, хотя и съ трудомъ, помѣстилась въ избѣ отца. Мы этому были очень рады. Она страдала сильными истерическими припадками, о которыхъ я прежде не имѣлъ никакого понятія. Иногда она съ визгомъ падала посреди насъ, и мы отъ страха разбѣгались во всѣ стороны.

Во время нашего пребыванія въ Митягинѣ было одно только важное происшествіе. Это крестины у прикащика. Болотовъ и семейство его были приглашены въ гости, но насъ не просили. Крестины начались обѣдомъ и продолжались до поздняго, вечера. Цѣлый день мы оставались одни. Когда уже совсѣмъ стемнѣло одна изъ женщинъ наткнулась на меня и сказала: я давно васъ ищу; ступайте къ прикащику въ гости. Я очень обрадовался приглашенію и не заставилъ себя дожидаться. Войдя въ теплую избу прикащика, гдѣ было много народа, я думалъ, что попалъ въ рай. Мнѣ дали пирога, жаренаго, потомъ чаю, и я былъ вполне счастливъ.

Между тѣмъ наступилъ Октябрь. Средства Болотова, повидимому, истощались. Онъ начиналъ жаловаться на недостатки и думалъ, какъ бы сбыть насъ съ рукъ. О доставленіи насъ во Владимиръ онъ и не помышлялъ. Опять приходитъ на мысль, какимъ образомъ Болотовъ могъ завезти насъ въ свою Рязанскую глушь и потомъ принять на себя распоряженіе разослать насъ къ роднымъ. Трудно допустить, чтобъ Антонскій это ему предоставилъ, да онъ и не имѣлъ права этого дѣлать, потому что мы отданы были на руки Антонскому, и онъ за насъ отвѣчалъ передъ родными, передъ обществомъ и передъ правительствомъ. Антонскому слѣдовало, передъ вступленіемъ непріятель въ Москву, или увезти насъ къ себѣ въ (деревню семь воспитанниковъ не могли бы сдѣлать ему большого стѣсненія) или поручить кому нибудь изъ надежныхъ надзирателей, даже инспектору или университетскому чиновнику отвезти насъ въ безопасное мѣсто, во Владимиръ, въ Нижній-Новгородъ, или куда лучше и сдать извѣстному лицу, которое заступало бы для насъ мѣсто директора пансіона. Ничего этого Антонскій не сдѣлалъ, и это очень странно; потому что онъ человѣкъ былъ умный, тонкій и пользовавшійся расположеніемъ и уваженіемъ публики. Это была большая съ его стороны неосторож-

ность. Не менѣе того виновать собственно передъ нами и передъ опекуномъ нашимъ Лубьяновичемъ и братъ его Михайлъ Антоновичъ, который усакалъ изъ Москвы, не взявши насъ съ собою. Онъ могъ бы переслать насъ въ удобное время въ Петербургъ. Расходы, которые были бы произведены имъ по этому случаю, могли быть пополнены по представленію счета Лубьяновичу. Подобныя дѣйствія Антоновыхъ заслуживаютъ полнаго нареканія. Болотовъ изыскивалъ средства отправить насъ въ тѣ мѣста, откуда мы были родомъ. Французы были еще въ Москвѣ, и никто не зналъ, какая будетъ развязка; въ деревню къ намъ мало доходило свѣдѣній о военныхъ и политическихъ дѣлахъ. Писемъ никто не получалъ, сношеній съ городомъ не было; по крайней мѣрѣ не помню, чтобъ Болотовъ, когда-нибудь отлучался изъ деревни; можетъ быть, ѣздилъ приказчикъ. Наконецъ, Болотовъ рѣшился разстаться съ нами. Прежде другихъ онъ распорядился съ Милорадовичемъ, котораго отправилъ въ Кременчугъ, нанявъ ему извозчика (за какую цѣну, мнѣ неизвѣстно). Потомъ уѣхалъ Гулевичъ въ Пензу вмѣстѣ съ наемнымъ человѣкомъ - Нѣмцомъ. Наконецъ, въ началѣ Октября снарядили и насъ съ Подъяковымъ, которому надобно было ѣхать въ Великій-Устюгъ. Извозчики взяли насъ за 500 р., а Подъякова за 400 р. ассиг., а сверхъ того дорого кормить. Цѣна огромная, но извозчики запросили столько по уваженію смутныхъ обстоятельствъ и опасностей, которымъ, какъ полагали они, подвергаются. Чтобъ провезти насъ благополучно и не попасться въ руки непріятелю, надобно было сдѣлать большой объѣздъ. На дорогу Болотовъ выдалъ намъ двумъ съ человѣкомъ 15 р., а Подъякову 5 р. ассиг. Съ этими деньгами, разумѣется, мы далеко доѣхать не могли. Мы распростились съ Болотовымъ и его семействомъ 5 Октября и пустились въ путь. Мы ѣхали вмѣстѣ съ Подъяковымъ до Троице-Сергіевской лавры и тутъ разстались. Онъ поѣхалъ на Ярославль, а мы должны были съ Московской дороги свернуть вправо, и потомъ объѣздомъ выѣхать на Тверскую дорогу. Грустно намъ было разлучаться. На прощаніи Подъяковъ пролакомилъ дочиста свои 5 р. Мы давно такъ не пиروвали. Онъ зналъ, что въ пути его прокормить извозчикъ и о будущемъ мало беспокоился*).

Французы еще не выступали изъ Москвы. Ихъ мародеры доходили до Троицкой лавры, но въ монастырь войти не могли: онъ былъ

*) Куда дѣвался Милорадовичъ, неизвѣстно. Подъяковъ умеръ въ молодости. Гулевичъ былъ въ военной службѣ, дослужился до генераль-маіорскаго чина, потомъ камергеромъ, приобрѣлъ хорошее состояніе, купилъ имѣніе въ Трубченскомъ уѣздѣ, гдѣ послѣднее время находился уѣзднымъ предводителемъ.

хорошо укрѣпленъ и могъ держаться противъ небольшой и неустроенной команды. Странно, какъ не отрядили туда значительнаго числа войска; тамъ можно было непріятелю хорошо поживиться. Съ должнымъ уваженіемъ осматривалъ я достопримѣчательности монастыря. Я долго стоялъ задумавшись, надъ могилою Бориса Годунова, котораго исторія мнѣ уже была извѣстна. Тутъ же могилы и членовъ его семейства.

Мы кружились около Москвы въ разстояніи 60 верстъ и болѣе, чтобъ не наткнуться на непріятельскіе разбѣды. Французы заходили иногда далеко для фуражировки, доходили до Дмитрова и до Богородска. Мы были въ томъ и другомъ городѣ послѣ набѣга непріятельскаго. Мы осматривали опустошенныя Французами церкви; образа валялись еще по угламъ безъ окладовъ, проткнуты саблями; на полу разсыпанное сѣно и овесъ; здѣсь ставили лошадей. Народъ рассказывалъ о безчинствѣ непріятеля съ большимъ негодованіемъ. Дорогою не случилось съ нами ничего необыкновеннаго, мы ѣхали верстъ по 35 и 40 въ день; ночью отдыхали. Извозчики расплачивались за насъ на постоянныхъ дворахъ; мы впрочемъ не въ правѣ были много требовать. Щей, молока и хлѣба. Этого было для насъ достаточно. Наконецъ, пробывъ въ дорогѣ 18 дней, мы пріѣхали въ Петербургъ 23 Октября.

Какъ описать радость нашего добраго Лубьяновича, когда онъ насъ увидѣлъ! Мы явились къ нему неожиданно, совершенно одни, какъ будто съ неба упали. Онъ воображалъ, что мы призрѣны Антонскими, гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ. Поручивъ насъ ихъ покровительству, онъ не имѣлъ основаній тревожиться о насъ и былъ совершенно покоенъ насчетъ нашей участи. Появленіе наше въ Петербургъ крайне его удивило. Какимъ образомъ мы могли здѣсь очутиться? Никто ему не писалъ, что мы сюда были отправлены. Въ короткихъ словахъ мы рассказали нашу исторію. Онъ вышелъ изъ себя отъ негодованія и излился жестокою бранью на Антонскихъ. Я въ это время осмѣлился попросить его послать какой-нибудь подарокъ Болотову за его заботливость о насъ во время нашего съ ними странствованія. Я обѣщалъ это Болотову при разставаніи и совѣстливо выполнилъ обѣщаніе. Лубьяновичъ продолжалъ бранить Антонскихъ и все пансіонское управленіе и не хотѣлъ меня слушать. Онъ щедро награждалъ только нашего извозчика, которому сверхъ условленныхъ денегъ далъ еще 25 рубл. Лубьяновичъ имѣлъ всѣ причины негодовать на Антонскихъ, такъ дурно оправдавшихъ довѣріе къ нимъ, и особенно на Михаила Антоновича, котораго сынъ жилъ въ домѣ Лубьяновича и даромъ пользовался столомъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Антонскіе

не уважили и того, что мы были дѣти прежняго ихъ товарища по шко-
лѣ. Во время пріѣзда нашего въ Петербургъ, Владимиръ Михайло-
вичъ былъ въ отпуску; кажется, онъ уѣзжалъ къ роднымъ. Лубьяно-
вичъ въ чрезвычайномъ гнѣвѣ своемъ кричалъ людямъ, что если Влад.
Михайл. возвратится, то его не пускать въ домъ. Недѣли черезъ двѣ
или три Лубьяновичъ получилъ письмо отъ Михаила Антоновича, что
мы находимся во Владимирѣ, совершенно счастливы и довольны и
подъ надзоромъ благонадежныхъ людей! Этого было слишкомъ доста-
точно, чтобъ снова привеси въ ярость Лубьяновича. Онъ всѣмъ да-
валъ читать это письмо. Любопытно бы знать, чтó онъ отвѣчалъ Ан-
тонскому. Время мало-по-малу утишило гнѣвъ его. Онъ пересталъ
сердиться. Владимиръ Михайловичъ по пріѣздѣ изъ отпуска снова жилъ
у него въ домѣ. Лубьяновичъ былъ необыкновенно горячъ и вспыл-
чивъ, но когда вспыльчивость проходила, онъ становился снова крот-
кимъ и добрымъ. По величію духа онъ не способенъ былъ къ мсти-
тельности.

Мы снова пріютились въ домѣ, который сдѣлался намъ роднымъ.
Чтобъ мы не болтались безъ занятій, насъ отдали въ частный пансіонъ
священника Владимирской церкви, на Петербургской Сторонѣ, Михаи-
ла Борисовича Каменскаго, пользовавшагося репутаціей человека
умнаго, тонкаго и ловкаго. Пансіонъ его былъ изъ числа лучшихъ въ
городѣ; тамъ преподавали весьма хорошіе учителя и вообще ученика-
ми занимались совѣстливо и съ должною заботою. Годъ проведенный
мною въ этомъ пансіонѣ не былъ для меня потеряннымъ. Я успѣлъ
въ математикѣ и познакомился съ древнею исторіею. По Субботамъ
насъ брали домой, присылая за нами лошадей; но иногда случалось,
что мы оставались въ Воскресенье въ пансіонѣ. Очень помню эти гру-
стные часы. Я страдалъ отъ огорченія, что о насъ не вспомнили и
оставили скучать въ школѣ. Но зачѣмъ мы стремились домой? Чтó
могли мы найти тамъ, гдѣ не встрѣчала насъ ни одна родственная
улыбка, гдѣ, конечно, насъ призрѣли, но безъ той родительской за-
ботливости, которая съ удивительною смѣтливостію замѣчаетъ все,
что можетъ радовать или огорчать дитя. Лубьяновичъ вообще мало
нами занимался, жена его еще менѣе. Съ ними мы видѣлись только
за обѣдомъ; остальное время мы скрывались на дворѣ, гдѣ играли съ
мальчиками въ разныя игры. Этотъ родъ жизни, безъ сомнѣнія, имѣлъ
для насъ свою прелесть, и мы вовсе не добивались вниманія къ намъ;
напротивъ были очень довольны тѣмъ, что не видимъ за собою ни-
какого надзора.

Такъ прошло болѣе полугода. Въ одинъ Поведѣльникъ, вмѣсто того, чтобъ отправить насъ въ пансіонъ, велѣно было намъ готовиться ѣхать въ гимназію. Тогда въ Петербургѣ была только одна гимназія, на Большой Мѣщанской, что нынѣ 2-ая. Я спросилъ, съ какою цѣлью? На это Лубьяновичъ отвѣчалъ мнѣ: для полученія аттестата, дающаго право на производство въ коллежскіе ассесоры и въ статскіе совѣтники по указу 6 Августа 1809 года. Я никогда не слыхалъ, чтобъ гимназіи имѣли право выдавать подобные аттестаты и осмѣлился объ этомъ замѣтить Лубьяновичу. Онъ не хотѣлъ меня слушать и сказалъ, что я ничего не знаю. Спорить нельзя было. Насъ отвезли въ гимназію, внесли впередъ за полгода деньги; меня слегка проэкзаменовали, посадили въ 4 классъ. Наступилъ часъ обѣда; насъ накормили и потомъ отправили въ классъ. Въ 7 часовъ слышу меня кто-то спрашиваетъ. Выхожу въ пріемную и вижу Владимира Михайловича Антоvsкаго, который мнѣ объявилъ, что насъ берутъ изъ гимназіи и мы должны сейчасъ отправиться домой. Это крайне меня удивило и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовало. Я не знаю, почему мнѣ не хотѣлось оставаться въ гимназіи; казалось все равно, гдѣ бы ни учиться, даже въ гимназіи лучше и ближе къ дому, но мы привыкли уже къ пансіону священника. Онъ былъ къ намъ внимателенъ, даже вѣжливъ, не смотря на то, что былъ характера нѣсколько жесткаго. Жена его также насъ иногда ласкала. Видно было, что онъ желалъ подслужиться Лубьяновичу, который за него просилъ у начальства и ему выхлопоталъ *какую-то награду*. Въ гимназіи же мы никого не знали; надобно было привыкать къ мѣсту и къ людямъ. Все тамъ отзывалось какою-то служебною сухостію и суровостію, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось. Владимиръ Михайловичъ отправился къ директору, объяснилъ ему намѣреніе взять насъ назадъ и получить внесенныя деньги обратно. Желаніе его было исполнено. Мы сѣли въ коляску и пріѣхали домой. Лубьяновичъ, увидя меня сознался, что въ гимназіи не выдаютъ аттестатовъ на производство въ чины и что онъ въ этомъ случаѣ повѣрилъ Политковскому; поразспросивъ однакожь людей, знающихъ и удостовѣрившись въ своей ошибкѣ, онъ поспѣшилъ взять насъ изъ гимназіи. Все это доказываетъ, до какой степени онъ заботился объ устройствѣ нашей будущности: онъ не оставилъ безъ вниманія замѣчанія мальчика, хотя я не могъ дать ему большой важности, въ тотъ же день онъ сталъ собирать свѣдѣнія для повѣрки этого замѣчанія и увѣрился, что оно было справедливо. Если бы онъ этого не сдѣлалъ, то мы бы остались въ гимназіи и вѣроятно произошла бы какая-нибудь перемѣна въ послѣдствіяхъ касательно дальнѣйшаго нашего образованія. Къ лучшему или худшему, трудно сказать. На дру-

гой день, во Вторникъ, мы снова были отвезены въ пансіонъ къ священнику.

Въ Январѣ 1814 года меня взял изъ пансіона. Лубьяновичъ предположилъ отправить меня въ Москву въ тамошній Университетъ, который только что былъ открытъ послѣ нашествія Французовъ. Мнѣ минуло 15 лѣтъ. Въ эти годы еще рано слушать университетскія лекціи, и притомъ я слишкомъ слабо былъ для этого приготовленъ; но тогда не такъ строго разбирали. Притомъ Университетъ охотно принималъ всѣхъ, кто являлся и имѣлъ кое-какія познанія. Желającychъ было еще немного, а начать преподаваніе непременно нужно было. Въ Февралѣ меня снарядили и отправили съ какимъ-то попутчикомъ. комиссіонеромъ. Онъ оказался человѣкомъ весьма нетрезвымъ. Дорогою онъ пользовался всѣми случаями выпить. Однажды, недалеко отъ станціи Зайцовой, онъ сильно хлебнулъ и будучи недоволенъ медленною ѣздою ямщика, вздумалъ сѣсть на козлы, чтобъ погонять лошадей, а человѣка посадилъ вмѣсто себя въ кибитку. Къ несчастію намъ запрягли бойкихъ лошадей, которыя съ мѣста поскакали въ сильный галопъ; долго несли онѣ; случилась выбоина, кибитку тряхнуло, и бѣдный мой товарищъ слетѣлъ съ козелъ. Съ трудомъ ямщикъ остановилъ лошадей; повернули ихъ назадъ и подѣхали къ комиссіонеру, который лежалъ безъ чувствъ на сѣдлѣ. Пока мы съ нимъ возились лошади заупрямились, дернули, ямщикъ не могъ ихъ сдержать, упалъ и выпустилъ возжи. Лошади понеслись по дорогѣ и исчезли изъ виду. Попутчикъ между тѣмъ пришелъ въ чувство; мы провели его пѣшкомъ до ближней деревни и оставили на попеченіе бабъ, а я сталъ уговаривать крестьянъ помочь мнѣ догнать лошадей. Я боялся, чтобъ не пропала шкатулка съ деньгами и прочія вещи. Одинъ изъ плутоватыхъ мужичковъ подвернулся съ своими услугами и предложилъ мнѣ ѣхать съ собою за лошадьми. Я согласился; немедленно подвелъ онъ тройку лошадей запряженныхъ въ телѣгу; мы успѣли и понеслись во всю прыть за лошадьми, но не успѣли мы проѣхать версты полторы, какъ увидѣли, что нашихъ лошадей съ кибиткою ведутъ намъ навстрѣчу. Они были остановлены проѣзжими. Я чрезвычайно обрадовался, пересѣлъ въ кибитку и пріѣхалъ къ несчастному товарищу моему, который къ этому времени успѣлъ совсѣмъ протрезвиться. Ему очень совѣстно было предъ мною-мальчicomъ, что не онъ за мною, а я за нимъ ухаживаю. Онъ боялся, что я напишу объ этомъ къ своимъ и ему за это достанется. Въ порывѣ благодарности я далъ услужливому мужику за 1½ верстную прогулку 15 р. асс.—сумму въ

то время для меня огромную. Онъ ловко умѣлъ у меня ее выманить. Остальный путь мы совершили безъ особенныхъ приключеній.

Въ Москвѣ меня привезли прямо къ Антону Антон. Антонскому, въ домъ брата его Михайла Антон. подъ Донскимъ, гдѣ онъ въ отсутствіи брата жилъ. Онъ принялъ меня очень ласково и на третій день поздравилъ меня студентомъ Университета. Я никакого экзамена не держалъ. Во время Французовъ университетскій домъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ музеумомъ. Для университета нанятъ былъ частный домъ, кажется, въ Заиковомъ переулкѣ; небольшое строеніе, но достаточное для открытія классовъ и помѣщенія слушателей и казенныхъ студентовъ. Изъ университетскихъ зданій остался цѣль, хотя и сильно поврежденъ, одинъ флигель, гдѣ помѣщались нѣкоторые лица, принадлежавшія къ Университету, между прочимъ экономъ Грѣшищевъ. Меня помѣстили къ нему на пансіонъ за особую плату. Я началъ посѣщать университетскія лекціи.

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРЬЯНА ИВАНОВИЧА САФОНОВИЧА *).

Профессоры почти всѣ уже собрались въ Москву и начали преподаванія свои. Въ то время ректоромъ университета былъ Ив. Анд. Геймъ, весьма почтенный и ученый Нѣмецъ, извѣстный изданіемъ своихъ прекрасныхъ лексиконовъ. Онъ преподавалъ Статистику и Геральдику; послѣднюю повидимому очень любилъ, читалъ живо и съ одушевленіемъ, хотя и дурно выражался по-русски. Онъ умѣлъ возбудить охоту въ слушателяхъ, и я слушалъ его съ удовольствіемъ. Не знаю, съ какою цѣлью преподавалась Геральдика и кому она была нужна. Русскую Словесность читалъ извѣстный поэтъ Мераляковъ (Алѣй Ѳеодор.); онъ увлекалъ своихъ слушателей, говорилъ съ жаромъ и вовсе не держался того сухого ученія, которое кружилось около риторикъ и извѣстной схоластики. У него не было опредѣленной системы, и онъ говорилъ на кафедрѣ, что приходилось ему по вкусу. Иногда цѣлая лекція посвящена была разбору какого-нибудь сочиненія, иногда разбиралъ извѣстную литературную эпоху, иногда читалъ стихотворенія замѣчательнаго поэта. Слушателей онъ никогда не спрашивалъ. Онъ вообще пользовался въ университетѣ уваженіемъ. Очень жаль, что онъ, какъ поэтъ, любилъ часто возбуждать свое воображеніе виномъ, и это много способствовало къ сокращенію его жизни. Русскую Исторію читалъ Каченовскій, весьма замѣчательный ученый, издававшій единственный тогда литературный журналъ: Вѣстникъ Европы, помѣщая тамъ свои критическія статьи, по большей части весьма дѣльныя, но часто злыя, за что на него сильно нападали. Манера чтенія его была не хороша, онъ тянулъ слова и непрерывно поправлялся; но видно было, что онъ хорошо знакомъ съ предметомъ. Римское право преподавалъ Цвѣтаевъ, сухой и непріятный профессоръ, говорившій вяло и наводившій на слушателей сонъ, тѣмъ болѣе, что лекція его происходила послѣ обѣда. Онъ издалъ хорошую книгу по своему предмету. Латинскій языкъ и Римскія древности преподавалъ

*) См. выше, стр. 112.

Тимковскій, человѣкъ весьма ученый. Я его не слушалъ. Физику—Двигубскій, издавшій книгу по этой наукѣ. Онъ читалъ недурно, но слишкомъ безцеремонно. Высшую Математику—Мягковъ, отлично знавшій свой предметъ. Славянскій языкъ—Свѣгиревъ, весьма забавный профессоръ, съ манерами до того странными, что порождали множество на него карикатуръ и разныхъ сатирическихъ произведеній. Прочіе профессора тянули гужевую, т. е. читали кое-какъ, безъ всякой энергіи, лишь бы просидѣть свои часы. Студентовъ было еще немного. Въ первый годъ ихъ собралось не болѣе 40 человѣкъ. Это были юноши, Московскіе уроженцы. Изъ губерній же пріѣхавшихъ было еще мало. Вотъ почему я такъ легко попалъ въ студенты. Надобно было наполнить аудиторіи; иначе, то-есть, при строгихъ экзаменахъ, Университетъ могъ бы остаться безъ слушателей.

Вмѣстѣ со мною въ одной комнатѣ жилъ также на пенсіонѣ студентъ Лымовъ, большой охотникъ погулять и поиграть въ карты. Общество его мнѣ крайне не нравилось; что-то внутреннее говорило мнѣ, что я долженъ убѣгать отъ него. Но какъ это сдѣлать, живя вмѣстѣ? Онъ научилъ меня играть въ банкъ. Къ нему очень часто являлись такіе же какъ и онъ молодцы и принимались за игру. Между прочими посѣщалъ насъ почти ежедневно нѣкто Зонъ, оставшійся на всю жизнь записнымъ игрокомъ и котораго впоследствии я не разъ встрѣчалъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ клубахъ. Онъ, кажется, даже нигдѣ не служилъ. Поневоѣ я игралъ съ ними и былъ въ игрѣ такъ счастливъ, что въ короткое время выигралъ у Лымова и Зона рублей 200, но денегъ большею частію они мнѣ не платили; они постоянно были у меня въ долгу. Имъ сильно хотѣлось отыграться, и потому безпрерывно заманивали они меня на игру до того, что мѣшали мнѣ слушать лекціи. Одинъ разъ въ аудиторію вошелъ сторожъ и сказалъ мнѣ, что какой-то проѣзжій меня спрашиваетъ и ему сейчасъ надобно видѣть меня. Я вышелъ изъ класса и нашелъ въ передней Лымова, Зона и другихъ, которые схватили меня подъ руки и, не смотря на мои сопротивленія, потащили домой, чтобъ играть въ карты. Когда я проигралъ имъ всѣ деньги, которыя они были мнѣ должны, они оставили меня въ покоѣ. Я пересталъ вовсе играть.

Обѣдалъ я всякій день въ семействѣ Грешищева. Это былъ человѣкъ простой, безъ всякаго образованія; жена его, толстая барыня, походила на него въ этомъ отношеніи. У нихъ была племянница, не слишкомъ красивая дѣвица съ постоянно краснымъ лицомъ. Вообще мы не жили дружно, но привычка видѣть ежедневно другъ друга насъ потомъ сблизила. Я находилъ даже, что она не дурна, сдѣлался посмѣлье съ нею, и она начинала быть ко мнѣ внимательною. Вечера

проводилъ я въ уединеніи; у меня не было никакихъ знакомыхъ въ Москвѣ; иногда только гулялъ по городу, который представлялъ еще развалины. Хотя прошло уже больше года по выступленіи Французовъ, но къ постройкамъ и исправленіямъ домовъ еще никто почти не приступалъ; выгорѣли цѣлыя улицы; видѣлись однѣ трубы и печи. Подобныя прогулки не представляли много пріятнаго и утѣшительнаго. На самыхъ улицахъ замѣчалась пустота: народонаселеніе еще не успѣло дойти и до четвертой части того числа жителей, какое было до вступленія непріятеля. Оно сравнялось не прежде какъ лѣтъ черезъ 50. Такъ сильно потрясено было благосостояніе Москвы. Отъ скуки я игралъ на гитарѣ, къ которой начиналъ пристращаться. Умѣя нѣсколько играть на скрипкѣ, я легко выучился на гитарѣ; пальцы были уже подготовлены, но успѣхи не соотвѣтствовали моимъ желаніямъ: самоучкою не далеко уйдешь. Страсть мою къ этому инструменту поддерживалъ жившій въ одномъ со мною коридорѣ, студентъ Захаровъ, служившій потомъ въ правленіи Университета. Онъ часто заходилъ ко мнѣ, мы вмѣстѣ учились и другъ другу помогали. Свободою моею располагать собою я вовсе не пользовался, велъ себя очень скромно, дурныхъ знакомствъ не заводилъ. Другой на моемъ мѣстѣ давно бы увлекся молодцоватымъ товариществомъ; я удержался, постоянно избѣгая всего, чтó было неприличнымъ и вреднымъ. Конечно у меня не было денегъ, страсти мои еще не развернулись, но мнѣ недоставало нужной смѣлости и находчивости... Я всего боялся... Все это было причиною моей скромной жизни у Грешицевыхъ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ Антонскій открылъ свой благородный пансіонъ... Домъ, гдѣ прежде помѣщался пансіонъ, во время Французовъ сгорѣлъ, а теперь заново отстроивался; но, до окончательной отдѣлки его, нанять частный домъ, куда и поступали новые воспитанники; ихъ набралось до тридцати человѣкъ; слѣдовательно можно было открыть классы. Антонскій приказалъ и мнѣ перебираться въ пансіонъ. Грустно мнѣ было расставаться съ прежнею моею свободою, хотя я и не дѣлалъ изъ нея важнаго употребленія. Я чувствовалъ, что мнѣ должно будетъ подчиниться пансіонской дисциплинѣ; зависимость, какъ бы она легка ни была, всегда тягостна; но къ грусти моей о свободѣ примѣшивалось непріятное чувство, что оставляю племяннику Грешицевыхъ, которая въ послѣднее время оказывала мнѣ много вниманія, особенно когда узнала, что я скоро долженъ буду отъ нихъ переѣхать. Спускаясь съ лѣстницы въ послѣдній день пребыванія моего у нихъ, я встрѣтился съ нею внизу. Мы остановились. Прощайте, сказалъ я ей съ чувствомъ; можетъ быть, больше не увидимся.... Мнѣ жаль что вы отъ насъ отходите, отвѣчала она.... Я взялъ ее за руку... Но тѣмъ

и кончилось наше разставанье; я больше ничего не смѣлъ себѣ позволить. Она вѣрно посмѣялась надо мною, неопытнымъ ребенкомъ, который съ такою робостію рѣшился объяснить ей свои чувства. Нѣкоторая бѣлая съ моей стороны смѣлость конечно не могла бы разсердить ее. Мнѣ говорили потомъ, что она не пугалась и совершеннолѣтнихъ. Съ товарищемъ моимъ Лымовымъ я простился безъ сожалѣнія. Я постоянно избѣгалъ его общества, можетъ быть, не столько изъ опасенія подвергнуться дурнымъ вліяніямъ отъ его знакомства, сколько потому, что онъ былъ богаче меня, и я не могъ за нимъ тянуться. Онъ тоже не хотѣлъ со мною сближаться, не находя во мнѣ достойнаго сотрудника въ своихъ подвигахъ. Онъ рѣдко сидѣлъ дома, что меня очень радовало. Мы другъ другу не мѣшали. Хотя пансіонъ былъ весьма недалеко отъ Грешищевыхъ, но я никогда болѣе съ ними не встрѣчался. Мнѣ и въ мысль не приходило повидаться съ ними; впрочемъ едва ли бы это и позволили.

*

Съ переселеніемъ въ пансіонъ начался у меня совершенно другой родъ жизни. Изъ студента, вполнѣ располагавшаго своею свободою, временемъ и занятіями, я сдѣлался школьникомъ и долженъ былъ подчиниться всѣмъ мелкимъ пансіонскимъ установленіямъ: поутру вставать въ 7 часовъ, ложиться спать въ 9 ч., и все это по звонку, отправляться къ завтраку, къ обѣду, къ ужину попарно, со двора никуда не выходить. Съ умноженіемъ числа воспитанниковъ образовались разряды или отдѣленія, какъ это было прежде, до нашествія Французовъ. Каждое отдѣленіе имѣло свою комнату. Я, какъ одинъ изъ старшихъ и притомъ студентъ, поступилъ въ отличное отдѣленіе, но сталъ третьимъ. Въ пансіонъ вступили два прежніе воспитанника: Чуриковъ и Поповъ, которые были старше меня, хотя и не были еще студентами; они уже послѣ зачислены были въ это званіе. Первымъ назначенъ Чуриковъ, юноша съ большими способностями, писавшій хорошо стихи, но характера самого непріятнаго. Его никто не любилъ, и всякій избѣгалъ короткихъ съ нимъ сношеній ¹⁾. Вторымъ, Поповъ, весьма уживчивый воспитанникъ, ласковый, не слишкомъ большихъ способностей, но прилежный и трудолюбивый ²⁾. Четвертымъ Созановъ

¹⁾ Чуриковъ служилъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ, дослужился только до чина колл. ассессора, принадлежалъ всегда къ дурному кругу общества, съ казацкими офицерами и проч. началъ пить, вскоре вышелъ въ отставку и, имѣя порядочное состояніе, удалился въ деревню, гдѣ и умеръ моложе 40 лѣтъ. Онъ мало былъ знакомъ въ Петербургѣ съ прежними своими товарищами.

²⁾ Поповъ поступилъ на службу къ князю Александру Ник. Голицыну по почтовому

нпчъ, кроткій и добродушный, съ хорошими способностями ¹⁾. Пятымъ Николай Антонскій, племянникъ директора, очень ограниченныхъ способностей ²⁾. Шестымъ Будаковъ, буйный юноша, дурно учился, но не безъ ума ³⁾. Седьмымъ Рюминъ, смирный и старательный ⁴⁾. Восьмымъ Колошинъ и девятымъ Познанскій, оба очень порядочные ⁵⁾.

Такимъ образомъ въ отличномъ отдѣленіи было всего девять воспитанниковъ. Инспекторомъ пансіона былъ докторъ словесныхъ наукъ, а потомъ профессоръ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, человѣкъ необыкновенныхъ способностей, знакомый почти со всѣми предметами, философъ, литераторъ, математикъ, даже музыкантъ, нѣсколько педантъ, острый на языкъ, чрезвычайно увлекательный, не вѣрившій впрочемъ въ истину, которую доказывалъ, готовый предать всякаго, кто не соотвѣтствовалъ его видамъ, большой льстецъ и вообще въ дѣлахъ очень ловкій ⁶⁾. Мы старшіе были постоянно съ нимъ; онъ сидѣлъ во время обѣда и ужина за нашимъ столомъ; въ теченіе дня часто съ нимъ разсуждали, спорили.

Въ пансіонѣ, вскорѣ послѣ его учрежденія, въ концѣ минувшаго столѣтія, составилось литературное общество изъ 9-ти членовъ старшихъ воспитанниковъ, вѣроятно по числу Музъ. Это общество собиралось одинъ разъ въ недѣлю по Середамъ вечеромъ. Кромѣ дѣйствительныхъ членовъ были еще и почетные; это послѣднее званіе носили выбывшіе воспитанники, которые были членами общества.

вѣдомству, пользовался особеннымъ покровительствомъ князи, который употреблялъ его по своимъ особннымъ дѣламъ, много выигралъ по службѣ, былъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря Госуд. Совѣта и потомъ почетнымъ опекуномъ въ Петербургѣ.

¹⁾ Сазановичъ не дѣлалъ быстрыхъ успѣховъ по службѣ. Послѣднее время былъ председателемъ коммерческаго суда въ Москвѣ.

²⁾ Антоускій былъ адъютантомъ въ гвардейскомъ штабѣ; былъ женатъ на сестрѣ Даргомыжскаго. Умеръ въ молодости, за нимъ вскорѣ послѣдовала и жена его съ ребенкомъ.

³⁾ Будаковъ нигдѣ порочно не служилъ, по какъ-то умѣлъ повратиться графу Перовскому, который назначилъ его въ Симбирскъ губернаторомъ, онъ въ этой должности и умеръ. Онъ женился на женѣ графа Клейнмихеля послѣ развода съ нею мужа.

⁴⁾ Рюминъ былъ сынъ извѣстнаго богача-откупщика. Служилъ вмѣстѣ со мною въ Министерствѣ Финансовъ, былъ очень скупъ и въ раннихъ лѣтахъ умеръ отъ горячки.

⁵⁾ Колошинъ и Познанскій служили въ генеральномъ штабѣ, большаго успѣха въ службѣ не сдѣлали.

⁶⁾ Давыдовъ былъ директоромъ упраздненнаго Педагогическаго Института. Умеръ сенаторомъ въ Москвѣ. Онъ издалъ книгу: Начальныя основанія логики, которая возбудила сильное преслѣдованіе со стороны Магницкаго, который нашелъ ее пропатанною богопротивнымъ ученіемъ Шеллинга.

Они всегда являлись въ собраніе, когда прїѣзжали въ Москву. Занятія собранія заключались въ слѣдующемъ. Одинъ изъ членовъ по очереди читалъ свое сочиненіе на какой ему угодно предметъ, литературный, историческій или философскій. Начинались послѣ этого разсужденія; съ сочинителемъ вступали въ споръ; его опровергали, онъ защищался. Потомъ секретарь Поповъ читалъ протоколъ предыдущаго засѣданія; послѣ того одинъ изъ членовъ также по очереди предлагалъ на обсужденіе собранія какой-нибудь вопросъ изъ области знанія, другой членъ передавалъ собранію какую-нибудь мысль вычитанную имъ въ книгѣ и съ которою онъ былъ несогласенъ. Онъ долженъ былъ обстоятельно объяснить, почему онъ несогласенъ и спросить мнѣнія собранія. Это была одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ для члена. Онъ долженъ былъ для этого перечитать множество книгъ, чтобъ напасть на такую мысль. Поиски его часто были безуспѣшны: Середа подходила, а у него не было готовой мысли; онъ обращался къ товарищамъ, но каждый дорожилъ своею находкою и рѣдко уступалъ ее другому. Часто ограничивались какою-нибудь легонькою мыслию, чтобъ только выполнить обязанность. Наконецъ, разбирали сочиненія извѣстныхъ авторовъ, а также сочиненія самихъ членовъ. Въ спорахъ и сужденіяхъ принимали всегда участіе Антонскій и Давыдовъ, а иногда почетные члены и даже посѣтители, которыхъ Антонскій приглашалъ въ собраніе, такъ напримѣръ бывали у насъ Жуковскій, Мераляковъ и другіе. Эти собранія были очень оживленны; они пріучили насъ мыслить, обсуживать предметы и хорошо говорить. Я былъ не изъ молчаливыхъ членовъ, и разсужденія меня интересовали. Собранія принесли мнѣ много пользы. Оно издавало ежегодно альманахъ подъ именемъ Утренняя Заря или Калліопа.

Какъ студентъ, я ходилъ на лекціи въ Университетъ утромъ и послѣ обѣда; но потомъ приказано мнѣ было ходить только утромъ, а послѣ обѣда заниматься въ пансіонѣ языками. Это стѣсняло еще болѣе мою свободу, но было чрезвычайно для меня полезно. Языки я зналъ очень плохо и съ крайнимъ трудомъ объяснялся по-французски. Правда, и при этомъ распоряженіи успѣхи мои были не велики, но по крайней мѣрѣ я повторялъ то, чтѣ прежде зналъ и понемногу знакомился съ правилами языка. Скоро я полюбилъ чтеніе Французскихъ книгъ и прочелъ почти всѣхъ классиковъ: Расина, Корнеля, Вольтера, Буало и множество другихъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Много было не по моему вкусу, многое находилъ утомительно скучнымъ; но я задалъ себѣ задачею узнать всѣ эти увражи, чтобъ имѣть о нихъ понятіе и по возможности достигъ второй цѣли. Въ прежнее время совѣстно было образованному человѣку сказать, что онъ не читалъ

того или другого извѣстнаго сочиненія: надобно было непременно познакомиться со всѣми классическими твореніями; иначе назовутъ невѣждою. Теперь ихъ не читаютъ, и выходитъ столько замѣчательныхъ книгъ, что не прочесть чего-нибудь изъ нихъ не считается грѣхомъ.

Я не пропускалъ не одной лекціи въ Университетѣ, не смотря на то, что за мною никто не присматривалъ. Происходило ли то отъ опасенія взысканія или отъ развитія собственнаго совѣстливаго чувства, объяснить не берусь. Я слушалъ лекціи съ всевозможнымъ вниманіемъ; многія мнѣ очень не нравились; я худо ихъ понималъ; нѣкоторые профессора не имѣли дара слова и не умѣли возбудить охоты въ слушателяхъ. Особенныхъ познаній въ Университетѣ я не приобрѣлъ, зналъ всего понемногу самымъ поверхностнымъ образомъ, но вкусъ къ ученію былъ развитъ. Я читалъ все что подъ руку попадалось; за вѣмъ некому было смотрѣть. Послѣдствіемъ было то, что сужденіе мое выработалось. Я любилъ погружаться въ размышленія. Явился скептицизмъ, тотъ предвѣстникъ просвѣщенія, не допускающій принять безусловно на вѣру все, что выдумываютъ предрассудки, невѣжество и разныя корыстныя цѣли, возбуждающій пылкость ума и уничтожающій рабство духа... Въ особенности содѣйствовали образованію мыслительныхъ моихъ способностей сочиненія энциклопедистовъ и другихъ авторовъ XVIII-го вѣка. Безъ сомнѣнія они поколебали мои религіозныя вѣрованія, которыя старалась сильно вкоренить во мнѣ прежняя моя пансіонская обстановка *), но отъ этого нравственность ничего не проиграла. Я могъ быть порядочнымъ человекомъ не потому, что такъ въ книгахъ приказывалось, а по собственному убѣжденію. Много способствовалъ развитію нашему Давыдовъ, который любилъ самъ съ нами бесѣдовать. Въ немъ не было ничего учительскаго, онъ не начиналъ своимъ званіемъ, не преслѣдовалъ воспитанниковъ за ошибки или поведеніе; мы сталкивались съ нимъ иногда въ кондитерскихъ и кофейныхъ, и это не имѣло для насъ никакихъ непріятныхъ послѣдствій. Однимъ словомъ, Давыдовъ былъ драгоценнымъ приобретеніемъ для пансіона.

*) Въ бытность Государя Александра Павловича въ 1816 году въ Москвѣ, онъ задумалъ посѣтить Университетъ. Его принимали въ пансіонѣ (домъ университета еще не былъ отстроенъ). Государя сопровождали Аракчеевъ и ген.-ад. гр. Ожаровскій. Попечитель Пав. Ив. Голенищевъ-Кутузовъ, представивъ профессоровъ, повелъ его въ залу, гдѣ мы обѣдали. Кутузовъ тутъ началъ рассказывать Государю систему нашего воспитанія; черезъ нѣсколько дней явилась у насъ на стѣнѣ доска, и на ней надпись золотыми буквами: „Истинное просвѣщеніе основано на религіи и Евангеліи“, слова (икобы) произнесенны Государемъ Императоромъ въ бытность въ пансіонѣ тогда-то и проч.

Я принялся снова учиться на скрипкѣ, которую почти забросилъ по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Жоліо, скрипичный учитель, много со мною занимался, какъ съ единственнымъ почти воспитанникомъ, умѣвшимъ уже порядочно играть. Я дѣлалъ быстрые успѣхи; сначала мы играли «Квартеты Роде», а потомъ принялись и за концерты. Въ пансіонѣ зимою бывали балы и концерты; на послѣднихъ я нѣсколько разъ отличался передъ многочисленною публикою. Выходя на эстраду, обыкновенно я очень робѣлъ, но потомъ справлялся и выходилъ съ торжествомъ изъ бѣды. Охота къ музыкѣ развивалась во мнѣ сильнѣе и сильнѣе. Въ пансіонѣ были музыкальные учителя на всѣхъ инструментахъ, и воспитанники ничего лишняго за это не платили. Можно было учиться играть на чемъ хочешь... Я пользовался этимъ и сталъ брать уроки на фортепьяно и даже на флейтѣ. Къ фортепьянамъ я получилъ особенную страсть и ловилъ минуты, какъ бы поиграть на этомъ инструментѣ; мнѣ чрезвычайно нравилось это разнообразіе гармоническихъ звуковъ, которые я извлекалъ изъ него; я совершенно увлекался въ приискиваніи аккордовъ и радовался какъ дитя, когда удавалось напасть на аккордъ новый, небывалый; потомъ я повторялъ его во всѣхъ тонахъ. Къ сожалѣнію я слишкомъ мало занимался механическою частію фортепьянъ и оттого очень немного успѣлъ. Флейту я скоро бросилъ: мнѣ казалось, что у меня начинала болѣть грудь. Скрипка осталась моимъ первенствующимъ инструментомъ. Я притомъ долженъ былъ часто готовиться къ публичнымъ концертамъ въ пансіонѣ и разучивать съ большимъ стараніемъ довольно трудныя пьесы. Если я не сдѣлался хорошимъ артистомъ, то конечно въ этомъ не моя вина: нельзя было исключительно заниматься одною музыкою. Я на столько пріобрѣлъ искусства что могъ по крайней мѣрѣ годиться для квартетовъ, что мнѣ впоследствии доставило въ Петербургѣ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ съ домами, гдѣ любили музыку и гдѣ я нашелъ много другихъ удовольствій, кромѣ музыки.

Московская публика очень любила нашъ пансіонъ. Когда бывали у насъ балы и концерты, то пріѣзжало столько гостей, что съ трудомъ можно было двигаться въ залѣ, хотя она была довольно обширна. Допускались на балы только старшіе воспитанники и умѣющіе танцовать. Вообще мы были плохіе танцоры и еще тѣмъ менѣе свѣтскіе люди, которые умѣли бы занимать дамъ разговорами. По-французски мы изъяснились очень дурно. Я игралъ жалкую роль на балахъ; тѣмъ не менѣе я не только не хотѣлъ отставать отъ другихъ, но имѣлъ даже претензію нравиться. Въ то время на балы мушкетеры являлись не паче, какъ въ башмакахъ, въ черныхъ шелковыхъ длинныхъ чулкахъ

и въ короткихъ шелковыхъ же штанахъ. Доходило до смѣшного, какъ мы старались разрядиться по бальному; особенно мнѣ, не имѣвшему способовъ заpastись необходимымъ для этого туалетомъ, крайне трудно было снарядить себя непогрѣшительнымъ образомъ въ этомъ отношеніи; иногда приходилось заимствоваться вещами отъ другихъ. Все однако сходило благополучно..... Я являлся на балы разодѣтый, надушенный и завитый какъ баранъ (такая была мода), смѣло ангажировалъ дамъ и становился въ ряды танцующихъ. Екосезъ, простыя кадрили, тампеты, Польскія сходили какъ нельзя лучше; я вальсировалъ довольно порядочно, но мазурка ставила меня втупикъ. Тогда танцовали мазурку только въ четыре пары. Танцующіе старались отличиться ловкостію, граціозностію, на манеръ Поляковъ, отъ которыхъ заимствованъ этотъ танецъ. Но ловкости немногимъ давалась. Долго я не рѣшался пускаться въ мазурку. Наконецъ вздумалось мнѣ испытать свои силы и умѣніе. Первый мой дебютъ былъ крайне неудаченъ: я сбивался на каждомъ шагу, перепуталъ фигуры и совсѣмъ сбиль танцующихъ, нидѣлъ, какъ другіе улыбались, конфузился и еще болѣе терялся.

Послѣ этого я долго не рѣшался танцевать мазурку, пока не пріобрѣлъ нѣкотораго навыка на нашихъ домашнихъ танцевальныхъ урокахъ подъ руководствомъ знаменитаго танцмейстера Югеля, который училъ насъ танцевать. Этотъ Югель былъ человекъ преловкій; его знала вся Москва. Онъ затѣялъ давать публичные балы по 5 рублей ассигнаціями за входъ. Балы эти привались отлично; вся лучшая публика туда ѣдила, и было очень весело. Въ то время нечего было опасаться, что на такой балъ пріѣдетъ всякая сволочь съ подозрительными женщинами. Въ низшемъ кругу не была еще развита охота къ танцамъ; нравы были нѣсколько сдержаннѣе; буйство и молодечество не залѣзали еще въ ярко освѣщенные залы; на балахъ Югеля все было чинно и благопристойно, да никто и не рѣшился бы на грязный поступокъ, чтобъ не оскорбить хозяина и все общество и не потерять добраго мнѣнія. И не могъ каждый разъ бывать на этихъ балахъ по недостатку денегъ заплатить за входъ, купить себѣ перчатки, завиться у парикмахера и произвести другіе расходы. Но иногда я справлялся съ силами и летѣлъ туда, мечтая встрѣтиться съ нѣкоторыми особами, меня много интересовавшими. У каждаго изъ насъ былъ предметъ обожанія; мы передавали другъ другу впечатлѣнія бала, всѣ малѣйшія подробности разговоровъ, неудачи, счастливыя минуты.... Наука не шла на умъ; воображеніе рисовало длинныя локоны, голубые глаза, пухленькую ручку: въ душѣ долго отзывался прелестный звукъ голоса, каждое слово, каждое движеніе толковалось въ

пользу нашего самолюбія; мы считали себя героями начинающагося романа..... Весна разлучала насъ съ милыми особами; балы прекращались, и Московскія семейства уѣзжали въ деревни, и часто вовсе не возвращались въ Москву. Мы утѣшались тѣмъ, что стремились къ новымъ побѣдамъ, считая разумѣется побѣдою ласковый взглядъ и пріятливое слово: больше мы не имѣли права требовать.

Когда я пріѣхалъ въ Москву, Михаила Антоновича Антонскаго не было въ ней. Онъ все еще жилъ въ Казани, гдѣ сговорилъ и выдалъ старшую дочь свою Анну Михайловну замужъ за одного глупаго болвана, который отравилъ всю жизнь ея. Къ осени Антонскіе пріѣхали въ Москву, но безъ зятя: онъ поѣхалъ лѣчиться на Кавказъ, что долженъ бы сдѣлать до женитьбы, если только болѣзнь его могла быть излѣчимою. Все достоинство этого человѣка заключалось въ томъ, что онъ служилъ въ гвардіи и имѣлъ порядочное состояніе; но въ немъ не было ни тѣни здраваго смысла, ни воспитанія, ни даже пріятнаго обхожденія. Родители пожертвовали своею дочерью, прельстясь его богатствомъ; она же, хотя ей уже было 18 лѣтъ, будучи воспитана очень строго въ семействѣ, не имѣла своей воли и съ покорностію исполнила волю отца. Повѣдка мужа ея на Кавказъ была совершенно бесполезна: онъ не вылѣчился, какъ и надобно было того ожидать.

Съ первой минуты свиданія моего съ Антонскими, я замѣтилъ, что они на меня негодовали. Они приняли меня сухо, холодно, даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Я привыкъ уже отчасти къ подобному обращенію и этому не удивлялся. Я не слишкомъ стремился къ тому, чтобъ заискивать ихъ расположеніе; но мнѣ обидно было, что они такъ скверно обходятся съ человѣкомъ, передъ которымъ были много виноваты... Я же не подалъ имъ никакого повода быть такъ суровыми со мною. Казалось, они находили удовольствіе выказывать мнѣ свое нерасположеніе. Отношенія наши остались прежнія, то есть у нихъ были деньги присылаемыя на мои расходы, и я долженъ былъ обращаться къ нимъ, если что-нибудь мнѣ было нужно, и это было для меня невыносимо тягостно. Кромѣ того, что мнѣ отказывали въ деньгахъ подъ предлогомъ излишнихъ съ мой стороны требованій, мнѣ доставалось за то, что я обращался къ нимъ безъ должной учтивости. Однажды я осмѣлился представить имъ счетъ, на что мнѣ нужны были деньги. Ничего не подозревая, что этотъ способъ требованія найденъ будетъ неприличнымъ, я крайне удивленъ былъ строгимъ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ мнѣ черезъ нѣсколько дней директоромъ Антонскимъ въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ, какъ я рѣшился послать одинъ счетъ безъ просительнаго письма, какъ будто какому нибудь управля-

ющему. Я долго не понималъ, въ чемъ дѣло; но изъ жесткихъ словъ Антонскаго я ясно уразумѣлъ, что въ настоящемъ случаѣ я не соблюлъ приличной формы; для меня однакожъ страннымъ казалось, почему именно теперь нужно было посылать счетъ при письмѣ, когда я прежде этого никогда не дѣлалъ и отсылалъ счетъ просто. Какъ бы то ни было, можетъ быть, я дѣйствительно заслуживалъ замѣчанія за неловкій поступокъ, но получить его при всѣхъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ я считалъ не совсѣмъ справедливымъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ это было такое важное преступленіе? Казалось, было бы достаточно сказать мнѣ наединѣ, что учтивость требуетъ, чтобъ я написалъ письмо, когда обращаюсь съ просьбою... Въ отношеніяхъ общественныхъ я былъ еще неопытенъ, и это было бы полезнымъ для меня наставленіемъ и руководствомъ на будущее время. Но дѣло не ограничилось замѣчаніемъ. Антонскіе рассказывали общимъ знакомымъ о моей дерзости; они хотѣли, чтобы объ этомъ зналъ Дубьяновичъ. Анна Михайловна тоже сильно была настроена противъ меня и отзывалась обо мнѣ съ негодованіемъ, какъ о человѣкѣ безъ всякаго воспитанія. Все это было мнѣ передано. Я страдалъ и не зналъ, какъ поправить дѣло... Я не могъ объяснить себѣ иначе это упорное преслѣдованіе, какъ раздраженіемъ противъ меня за неприятности, которыя Антонскіе получили вслѣдствіе замѣчаній Дубьяновича на дѣйствія ихъ съ нами во время нашествія Французовъ. Это было довольно правдоподобно, но тутъ не было ничего логическаго: мы были лицами страдательными, шли, куда насъ вели, разсуждать не могли и если разсказали Дубьяновичу со всею откровенностію наши приключенія, то въ этомъ нисколько не были виноваты; за насъ говорила истина. Казалось бы, Антонскимъ слѣдовало дѣйствовать совершенно въ противномъ духѣ, то есть вниманіемъ и ласками къ намъ загладить ошибки прошлого, но жесткая натура ихъ не допускала такой деликатности въ отношеніи къ намъ. Они не хотѣли принимать на видъ, что мы были еще дѣти и требовали покровительства и участія, а отнюдь не заслуживали гоненія.

Время истребило ненависть Антонскихъ. Мало по малу все успокоилось: они начинали привыкать ко мнѣ, особенно когда мы дружились съ сыномъ ихъ Николаемъ. Мы стали чаще къ нимъ ѣздить и наконецъ, кажется, совсѣмъ примирились. Анна Михайловна, такъ сильно меня преслѣдовавшаяся, даже меня полюбила и называла сыномъ. Въ продолжительные праздники мы гостили у нихъ иногда по нѣскольку дней, что еще болѣе насъ сблизило. Отецъ попрежнему однакожъ былъ суровъ: онъ не могъ уже передѣлать своей натуры. У него была другая дочь Θεодосія, лѣтъ 14, съ пылкимъ воображе-

ніємъ и живымъ темпераментомъ. Къ нимъ мало ѣздило молодыхъ людей; если иногда и пріѣзжали гости, то большею частію люди пожилые, которые собирались для составленія хозяину партіи ламуша (игры давно уже вышедшей изъ употребленія). Немудрено, что молодая дѣвушка начала поглядывать на меня съ особеннымъ участіемъ. Она позволяла себѣ говорить мнѣ такія любезности, отъ которыхъ я по неопытности и робости краснѣлъ. Однажды вечеромъ, сидя въ темной комнатѣ, мы глядѣли въ окно на зажженные плошки. Она указала мнѣ на двѣ изъ нихъ; одна горѣла ярко, другая чуть - чуть показывала пламя. «Вотъ мое сердце, сказала она показывая на первую плошку, а вотъ ваше». Этотъ языкъ былъ для меня новъ; я никогда ничего подобнаго не слыхалъ отъ дѣвушки. Кровь бросилась мнѣ въ голову, и я не зналъ, что отвѣчать ей на такую выходку, придумалъ сказать глупость, что все зависитъ отъ лакея Сергѣя: онъ придетъ и поправитъ плошку, и она также сильно будетъ горѣть, какъ другая. Въ одно время она спросила меня, чѣмъ я буду по выходѣ изъ пансіона. Я въ шутку отвѣчалъ ей: профессоромъ... Фу!... какъ это можно... я не желала бы, чтобъ меня называли профессоршею. Она шагала очень быстро для 14 лѣтней дѣвушки, рассчитывая уже на замужество. Я любилъ оставаться съ нею наединѣ, но былъ по большей части молчаливъ, остороженъ и робокъ. Природа ея замѣтно развернулася прежде моей. Я часто однакожъ думалъ о ней въ пансіонѣ, припоминалъ каждое ея слово и съ нетерпѣніемъ желалъ снова съ нею увидѣться.

Иногда семейство Антоновыхъ отправлялось въ Донской монастырь просидѣть вечеръ у архимандрита Виктора, родного брата Михаила Антоновича. Это былъ человекъ весьма почтенный и умный, его очень уважали родные. Когда я гостилъ у Антоновыхъ, и меня брали туда. Ничего не было скучнѣе для насъ молодыхъ, какъ провести нѣсколько часовъ въ кельѣ стараго архимандрита; но я утѣшался тѣмъ, что могъ видѣть Θεодосію Михайловну. Иногда украдкою мы мѣнялись съ нею взорами или даже словами; длиннаго разговора нельзя было вести. Случалось, мы, какъ бы сговорившись, выходили вмѣстѣ изъ комнаты въ садъ монастырскій, но это было на самое короткое время, мы успѣвали только вздохнуть на свободѣ и сказать другъ другу: ахъ, какъ скучно! потомъ, посмотрѣвъ кругомъ, не видятъ ли насъ однихъ, торопились возвратиться въ комнаты и уѣзжаться чинно подальше одинъ отъ другого, чтобъ не возбудить малѣйшаго подозрѣнія. Вечеръ оканчивался, и мы въ полномъ удовольствіи снаряжались въ путь. Нѣтъ ничего удивительнаго, что молодая дѣвушка томилась при такой обстановкѣ. Ей нужно было развлеченіе, и она не находила его ни дома, ни тѣмъ менѣе у дяди - архимандрита. Удивленіе, въ какомъ она

проводила большую часть времени, при ее пылкой натуре, только распаляло ее воображение. Она искала жизни, а действительность представляла ей одну мертвенность. Ей хотѣлось любить, а предмета у нея не было: она никого не видѣла. Нѣрѣдка я встрѣчалъ у нихъ въ домѣ моего товарища по пансіону Вердеревскаго, юношу весьма красиваго собою; онъ считался ихъ дальнимъ родственникомъ. Θεодосія Михайловна была съ нимъ любезна, разумѣется на столько, сколько позволяли ихъ родственныя отношенія; но молодой человѣкъ повидимому не увлекался ею. Помню однакожь, что я съ нѣкоторою досадою смотрѣлъ на свободное ее съ нимъ обращеніе; въ мое сердце закрадывалось уже чувство ревности. Впрочемъ ни Вердеревскому, ни мнѣ не предоставлено было возмутить души Θ. М. Эта часть пала впоследствии на долю человѣка, который меньше, нежели кто-либо имѣлъ на то право... на монаха. Посѣщая часто Донской монастырь, она замѣтила тамъ красиваго, съ пылкими глазами, съ черными кудрями послушника, который подъ монашескою рясою тайлъ пламенное сердце. Ни глаза матери, ни строгій монастырскій надзоръ не могли затупить пожара, который вдругъ съ необыкновенною силою разжегъ страсти молодыхъ людей. Любовь обманула бдительность, и дѣло кончилось тѣмъ, что монаха растресли, выслали изъ монастыря и сослали на жительство въ Оренбургъ. За нимъ послѣдовала и Θ. М., забравъ съ собою нѣсколько серебра и драгоценныхъ вещей. Можно себѣ представить изумленіе и огорченіе родителей, которые никакъ не могли вообразить себѣ, чтобъ строгія правила нравственности и благочестія, непрерывно внушаемыя ихъ дочери, принесли такіе плоды. Долго любовники прожили въ изгнаніи. Они женились и стали хлопотать о возвращеніи ихъ въ Москву. Дѣло было трудное; вѣкъ былъ благочестивый, поступокъ сосланнаго слишкомъ рѣзко бросался въ глаза, дозволенія не давали. Наконецъ, послѣ 10 лѣтняго пребыванія ихъ въ Оренбургъ, имъ дозволено было жить въ Московской деревнѣ, отданной ей отцемъ, но тамъ супруги соскучились и послѣ многихъ хлопотъ испросили себѣ разрѣшеніе жить въ Петербургъ, куда и переселились для воспитанія единственнаго ихъ сына. Впоследствии я встрѣчался съ ними. Изъ нѣжной, чувствительной дѣвушки Θεод. Мих. превратилась въ толстую жирную женщину; она безпощадно ругала своихъ родныхъ за то, что они будто бы обочли ее при раздѣлѣ наслѣдства умершаго дяди, директора пансіона. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ она имѣла основаніе жаловаться на нихъ. По смерти Антонова Антоновича нашли у него записку, въ которой было сказано, что онъ назначаетъ ей 10.000 р., но первый нуль послѣ цифры 1 оказался перечеркнутымъ, и надъ нимъ поставлена была сверху цифра

8, черта же проведенная по нулю слегка задѣвала цифру 1. Братья и Анна Мих. доказывали, что дядя хотя и предполагалъ назначить Ое-досьѣ Мих. 10.000 р. но потомъ вслѣдствіе полученныхъ отъ нея какихъ-то непріятностей уменьшилъ эту сумму до 8000 р. для чего и замаралъ первыя двѣ цифры поставивъ надъ ними 8; но О. М. утверждала, что дядею единица не была перечеркнута, а уничтожень былъ только 0, вмѣсто котораго поставлено 8, слѣдовательно онъ назначилъ ей 18.000 р. Братья выдали ей однакожъ по первоначальному назначенію 10.000 р., не желая отнимать у нея 2000 р. Они поступили, кажется, благородно, если не было притомъ другихъ обстоятельствъ къ осужденію ихъ; но О. М. твердила всѣмъ, кто хотѣлъ ее слушать, что братья ее обидѣли. Безъ сомнѣнія виновать тутъ больше всѣхъ дядя, который при всей отличавшей его аккуратности поступилъ такъ неосмотрительно и оставилъ такую неясную записку. О. М. увѣряла меня, что дядя дѣйствительно былъ ею недоволенъ одно время, но потомъ они помирились, и онъ не имѣлъ причины уменьшать у нея наслѣдство. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ выслушивать ея жалобы. Я старался уговорить ее, чтобъ она была покойнѣе, не волновалась напрасно и жила въ согласіи съ братьями. Она не хотѣла меня слушать. Наконецъ мнѣ надобно слушать отъ нея одно и тоже, я избѣгалъ встрѣчи съ нею и хотя она желала, чтобъ я бывалъ у нея, но я уклонялся отъ этого. Въ Петербургѣ она жила очень уединенно, знакомствъ порядочныхъ не имѣла. Мужъ ея сдѣлался суровымъ старикомъ и старался избѣгать разговоровъ. Онъ получилъ какое-то званіе въ Академіи Художествъ. Средства въ жизни были у нихъ достаточныя; она постоянно увѣряла, что положеніемъ своимъ довольна и лучшаго не желаетъ, сына своего страшно баловала и едва ли чему-нибудь доброму научила. Наконецъ я совсѣмъ потерялъ ее изъ виду.

Кстати сказать здѣсь о сестрѣ ея Аннѣ Михайловнѣ. Эта женщина оставалась нѣкоторое время безъ мужа въ чаяніи, что онъ возвратится къ ней изъ Кавказа бодрымъ, здоровымъ и настоящимъ мужемъ. Между тѣмъ пылкая кровь въ ней играла, съ нею сдѣлались истерическіе припадки до того сильные, что она страшно билась, и съ нею сладить не могли. Я былъ свидѣтелемъ двухъ - трехъ подобныхъ припадковъ и отъ ужаса цѣпенѣлъ. Мужъ что-то долго не возвращался. Послѣ Кавказа онъ ѣздилъ въ Казань къ своимъ роднымъ; я съ нимъ познакомился уже послѣ выбытія моего изъ пансіона и въ Москвѣ во всѣ три года пребыванія въ пансіонѣ его не видалъ. Онъ возвратился, какимъ поѣхалъ; тогда Мих. Ант., состраданію положенію своей дочери, откровенно съ нею объяснился и предложилъ ей, не хочетъ ли она просить о разводѣ, на что она имѣетъ право, но если не

желаетъ прибѣгнуть къ этому, то просилъ ее вести себя скромно и не позволять себѣ незаконныхъ связей. Она выбрала послѣднее и не отвергла своего мужа, который въ послѣднее время сошелъ съ ума и въ такомъ положеніи прожилъ лѣтъ нѣсколько. Я видѣлъ его уже помѣшаннымъ. Онъ былъ вообще тихъ и неопасенъ; любилъ говорить, во всегда употреблялъ не тѣ слова, какими думалъ выразить свою мысль. Его однакожъ домашніе понимали. Жена до самой смерти его ходила за нимъ и оказывала ему все нужное попеченіе. Она долго еще жила послѣ него.

Но возвратимся къ пансіону. Время шло своимъ порядкомъ, я учился охотно и недурно, сколько можно было требовать по способамъ, которые намъ были предоставлены, учился всему и ничему въ особенности. У меня не было страсти къ какому-нибудь особенному предмету, учености отъ насъ не требовали: лишь бы знали то, что нужно звать порядочному человѣку, готовящемуся на службу. Товарищи мои, особенно имѣвшіе состояніе, пренебрегали ученіемъ; большая часть изъ нихъ мечтала о военной службѣ, гдѣ наука не требуется. Хотя я за ними не тянулся, но примѣръ всегда нѣсколько соблазнителенъ. У насъ, какъ и вездѣ въ казенныхъ заведеніяхъ, долбяшекъ не жаловали; надъ ними смѣялись; надобно все ловить на лету и не показывать другимъ, что твердишь урокъ. Въ строгомъ смыслѣ мы учились мало. Если мы и пріобрѣтали нѣкоторыя свѣдѣнія, то какъ-то случайно, вслѣдствіе чтенія или разговоровъ: природа сама помогала развивать способности, если у кого онѣ были. Ни одинъ профессоръ насъ не спрашивалъ, поняли ли мы его лекцію; экзамены вообще были очень слабы и дѣлались болѣе для проформы. Въ особенности мы, старшіе воспитанники, не обращали никакого вниманія на экзамены; мы знали, что ничего не теряемъ, худо или хорошо будемъ отвѣчать; мы занимали высшія мѣста въ пансіонѣ, полученные нами вслѣдствіе общихъ заключеній о степени нашего развитія, а не потому, съ какимъ успѣхомъ мы экзаменуемся въ предметахъ, изъ которыхъ одни мы знали хорошо, а въ другихъ были очень слабы; мѣстъ мы не могли терять, сообразно же занимаемымъ мѣстамъ мы получали награды. Эти награды въ низшихъ и среднихъ классахъ заключались въ книгахъ, нотахъ, картинахъ, инструментахъ; въ высшихъ—въ серебряныхъ и золотыхъ медаляхъ. Первые сверхъ того дѣлились въ разряды: одни давались просто, другія съ вырѣзаннымъ на медали именемъ воспитанника, а третьи съ именемъ и похвальнымъ притомъ листомъ. Золотыя медали не имѣли этого раздѣленія и давались прямо съ именемъ и листомъ.

Пробывъ три года въ пансіонѣ и въ Университетѣ, я могъ получить полный аттестатъ и поспѣшилъ имъ воспользоваться... Довольно

учиться; мнѣ было уже 18 лѣтъ, я получилъ въ предыдущемъ году серебряную медаль съ именемъ и листомъ; въ послѣднемъ году мнѣ дали золотую. Можно бы остаться еще лишній годикъ, спѣшить нечего; но старшіе распорядились со мною иначе: они нашли, что пора мнѣ начинать служить. Я конечно былъ очень доволенъ оставить пансіонъ. На послѣднемъ актѣ, когда происходила раздача наградъ, было многочисленное общество въ нашемъ пансіонѣ. Это торжество совершалось у насъ по обыкновенію вечеромъ. Я игралъ на скрипкѣ 10-й концертъ Роде и очень былъ недоволенъ собою. Compliments отъ нѣкоторыхъ я принялъ очень равнодушно, чувствуя, что я ихъ вовсе не заслуживаю. Полученная мною награда тоже не слишкомъ меня радовала... У меня не было родныхъ, которымъ могло бы быть это пріятно. Мнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться удовольствіемъ; въ Москвѣ никто почти меня не зналъ. Поздравила меня одна Антонская. Съ наступленіемъ 1817 года я пересталъ уже ходить на лекціи и въ пансіонскіе классы; я готовился уѣзжать изъ Москвы. Въ Январѣ мнѣ выдали аттестаты изъ Университета и изъ пансіона, а въ Февралѣ я собрался въ дорогу. Все было готово къ отъѣзду; я простился съ товарищами и переселился къ Антонскимъ. Все семейство смотрѣло на меня уже иначе и было ко мнѣ очень ласково. Старикъ удостоилъ даже посадить меня съ собою играть въ ламушъ. Въ первый разъ я игралъ въ эту игру и былъ внѣ себя отъ удовольствія, выигравъ 18 рубл. Сборы мои были не велики. Прощаніе мое съ Антонскими было трогательное, всѣ плакали... Эти люди, дотогѣ холодные и сдержанные, на одну минуту разнѣжились. Федосья Михайловна была очень грустна, общалась писать ко мнѣ, требовала, чтобъ и я писалъ къ ней, но не прямо на ея имя, а по адресу одной Московской ея знакомой. И дѣйствительно я получилъ отъ нея два письма и отвѣчалъ ей. Письма ея впрочемъ не заключали въ себѣ ничего таинственнаго и для меня занимательнаго. Я отвѣчалъ ей вѣжливо и холодно; у меня не было къ ней особенной привязанности, да если бы я и чувствовалъ ее, то не рѣшился бы выказать этого въ письмѣ. Переписка наша скоро прекратилась, и конечно я въ этомъ случаѣ былъ болѣе виноватъ. Мнѣ слѣдовало выказать больше вниманія, но на это не доставало у меня ни умѣнія, ни овкиости, ни даже деликатности.

И такъ цѣль была достигнута. У меня былъ аттестатъ, съ которымъ я могъ пройти всѣ наши чины. Лубьяновичъ встрѣтилъ меня съ прежнимъ вниманіемъ и ласкою. Я похвастался полученными мною наградами. Онъ насмѣшливо улыбался... Какъ, и онъ не хотѣхъ по радовать меня своимъ участіемъ! Мнѣ стало досадно, я покраснѣлъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ это такія ничтожныя награды? Если ему,

человѣку уже утомленному жизни и смотрящему на все мірское съ высшей точки зрѣнія, все кажется уже ничтожнымъ, то ему слѣдовало по крайней мѣрѣ показать мнѣ, что онъ мною доволенъ. Юноша иначе глядитъ на вещи: онъ не можетъ еще возвыситься до такой философіи, чтобъ считать пустяками отличія, которыми его украсили.

Я снова поселился въ домъ его, въ томъ же олигелѣ, гдѣ жилъ за три года тому назадъ. Тамъ нашелъ я и прежнихъ моихъ товарищей. Вотъ я наконецъ сбросилъ съ себя школьныя оковы, сталъ располагать своимъ временемъ, какъ мнѣ вздумается, не подчиняясь ни чьему надзору. Новость моего положенія меня веселила... Что можетъ быть пріятнѣе свободы!... Но какъ я ею пользовался? Я давно уже состоялъ записаннымъ на службу въ Экспедиціи о Государственныхъ доходахъ; чины мнѣ шли, пока я еще учился и когда я пріѣхалъ въ Петербургъ по окончаніи курса, я былъ уже коллежскимъ секретаремъ; слѣдовательно получилъ три чина не трудясь. Меня причислили къ канцеляріи Экспедиціи съ жалованьемъ по 400 р. ассиг. въ годъ.

Начальникомъ канцеляріи былъ нѣкто Рыбаковъ, вышедшій въ чины изъ солдатскихъ дѣтей, человѣкъ малограмотный, но не безъ хитрости. Онъ былъ женатъ на какой то раскольниковѣ, которая ежеминутно его терзала своею злостью и причудами. Рыбаковъ отъ нея страдалъ невыносимымъ образомъ. Онъ не смѣлъ никуда уйти безъ спросу и если рѣшался иногда отправиться съ сослуживцами куда-нибудь за городъ, хотя и сказавшись женѣ, и тамъ долго загуливалъ, то жена, соскучившись его ждать, немедленно нанимала экипажъ, отыскивала мужа на мѣстѣ преступленія и отвозила домой, не смотря на убѣжденія или насмѣшки его товарищей. Онъ смиренно покорялся женѣ, не произнося ни малѣйшаго ропота. У нихъ былъ одинъ только сынъ, избалованный мальчишка, который не хотѣлъ никогда ничему учиться, хотя онъ и числился ученикомъ гимназіи. Мать безпрерывно гоняла мужа въ гимназію отпрашивать сына не являться въ классы подъ разными предлогами, и онъ слѣпо исполнялъ требованія жены. Этотъ мальчикъ былъ очень дерзокъ съ родителями, особенно съ отцомъ и если тотъ позволялъ себѣ какія-нибудь замѣчанія сыну, то Микоса (Николай) говорилъ ему грозно: цыцъ! Папенька не имѣлъ смѣлости взыскать съ сына, потому что маменька могла бы вцѣпиться ему за это въ волосы. Мальчикъ скоро соскучился въ гимназіи и въ одинъ день объявилъ родителямъ, что больше туда не пойдетъ.... Да что ты будешь дѣлать? Тебѣ только 16 лѣтъ.... Я хочу въ военную службу.... Это очень встревожило стариковъ; но какъ возражать сынку, если онъ этого желаетъ? Взяли его изъ гимназіи, на-

чали подумывать о запискѣ его куда-нибудь въ полкъ; прошло мѣсяца четыре въ нерѣшительности. Вдругъ Микоша перемѣнилъ планъ: въ полку, пожалуй, станутъ заставлятъ заниматься службою; это тяжело; лучше опредѣлиться въ статскую... Записали юношу въ экспедицію, гдѣ служилъ отецъ. Нѣсколько времени онъ являлся къ должности, потомъ соскучился и пересталъ ходить. Когда ему минуло 19 лѣтъ, онъ захотѣлъ жениться; ему прислали невѣсту. Года два онъ пожилъ съ женою и умеръ, оставя ребенка на попеченіи стариковъ, а жена его вскорѣ вышла замужъ за другого. Тѣмъ кончились житейскіе подвиги молодого Рыбакова..... Казалось, Фонъ - Визинъ списалъ своихъ Простаковыхъ въ Недорослѣ съ семейства Рыбаковыхъ. Поразительное сходство лицъ!..

Вотъ этотъ-то папенька Рыбаковъ поставленъ былъ моимъ начальникомъ по моей службѣ.... Онъ былъ со мною очень учтивъ, пожималъ мнѣ руку, что въ то время считалось знакомъ особаго расположенія (не такъ какъ въ послѣдствіи, когда всѣ другъ у друга, жали руки), смотрѣлъ сквозь пальцы на мои служебные промахи... Я конечно учился въ Университетѣ всему, но не умѣлъ написать порядочно ни одной бумаги. Рыбакову приходилось часто поправлять меня, хотя впрочемъ и самъ онъ былъ плохой писака. Меня заставляли больше переписывать бумаги, но на бѣду у меня былъ предурной почеркъ; сверхъ того я писалъ не твердо, непрерывно ошибался и поэтому меня часто оставляли въ покоѣ. Рыбаковъ не взыскивалъ съ меня за недостатокъ служебной дѣятельности, напротивъ ласкался ко мнѣ, зная, что я могу иногда говорить о немъ съ Лубьяновичемъ. Я часто видѣлъ, что онъ на меня морщился, но мы никогда не ссорились. Я заходилъ иногда вечеромъ къ нему, любовался семейною картиною, выслушивалъ отъ жены его нестерпимыя глупости.... Товарищи мои по канцеляріи были люди безъ всякаго образованія, но въ экспедиціи я нашелъ однакожъ человѣкъ двухъ, съ которыми нѣсколько симпатизировалъ. Я исправно каждое утро ходилъ на службу. Съ самаго начала моего служебнаго поприща я твердо держался правила, что если взялся за какое-нибудь дѣло, то долженъ аккуратно его исполнять. Этому правилу я не измѣнилъ въ теченіе всей моей жизни. Товарищи мои непрерывно уклонялись отъ службы, то уходили во время присутствія куда-нибудь позабавиться на билліардѣ, то вовсе не приходили. Я постоянно былъ на своемъ мѣстѣ. Это было очень скучно, даже непростительно съ моей стороны, я слишкомъ втягивался въ канцелярскую жизнь; но чемъ могъ я замѣнить служебныя занятія? Къ несчастію, дѣла въ экспедиціи, а тѣмъ болѣе въ самой канцеляріи ея были такого рода, что никакъ не могли развивать мыслительныхъ

способностей. Мѣсто по преимуществу счетное должно было держаться болѣе рутинны; надобно было хорошенько заучить ее во всѣхъ видахъ, чтобъ обратить на себя вниманіе.

Все послѣобѣденное время принадлежало собственно мнѣ, но я изъ него не могъ сдѣлать никакого полезнаго употребленія. Для этого у меня не было средствъ. Товарищи мои по квартирѣ проводили большую часть времени за картами; къ нимъ являлись знакомые, и игра длилась за полночь. Играли въ бостонъ и потомъ въ банкъ. Въ такомъ обществѣ я тоже выучился играть и могу похвастать скорыми успѣхами; я легко усвоился съ тонкостями игры и часто выигрывалъ, играя осторожно, и это еще болѣе заманивало меня въ игру.

Въ Петербургѣ я нашелъ нѣкоторыхъ товарищей по пансіону, большею частію служившихъ въ гвардіи юнкерами. Они вели жезнь роскошную, буйную, развратную. Я долженъ былъ иногда посѣщать ихъ, этого они требовали. При первомъ свиданіи людей знакомыхъ, каждый сказывалъ другъ другу адресъ своей квартиры и непременно звалъ къ себѣ... Это былъ уже непреложный обычай. Не явиться по приглашенію значило бы обидѣть приглашающаго. Всѣ эти товарищи также играли въ карты, и я долженъ былъ играть съ ними, если только игра не была слишкомъ для меня высока.... Прежде юнкера не были подчпнены никакому надзору. Они состояли при полку, жили на своихъ квартирахъ, пользовались всею свободою; у многихъ изъ нихъ не было здѣсь никого родныхъ, и они бывали только въ кругу своихъ товарищей, не имѣя знакомства съ семейными домами. Всѣ они больше или меньше носили на себѣ отпечатокъ какой-то дикости нравовъ. Вотъ въ какомъ обществѣ суждено мнѣ было проводить первые годы моего вступленія въ свѣтъ. Дома я ничѣмъ не занимался. Хотя я въ Москвѣ и приобрѣлъ охоту къ чтенію и съ удовольствіемъ чтонибудь бы почиталъ, но у меня не было книгъ; доставать ихъ не было возможности; товарищи мои ничего не читали.... Время погибало безвозвратно.... Въ мои годы я долженъ былъ продолжать учиться и приобретать необходимыя для самой службы свѣдѣнія, но я осужденъ былъ на бездѣйствіе. Лубьяновичъ никогда не интересовался тѣмъ, что я дѣлаю и какъ провожу время. Но иногда онъ пускался въ философскіе со мною споры, наводя разговоръ на какой-нибудь серьезный предметъ. Онъ былъ мистикъ и со страстію предавался чтенію мистическихъ книгъ, которыя тогда были въ большомъ ходу какъ-то Эккартсгаузена, Штиглица и другихъ. Книги эти валялись у него повсюду, и я старался познакомиться съ ними, но напрасныя успія: я ничего въ нихъ не понималъ.

Мистицизмъ возникъ въ туманной Германіи и имѣлъ многихъ послѣдователей; проникъ и въ Россію, гдѣ нашлось нѣсколько идеологовъ, съ жаромъ бросившихся искать въ немъ пищи душѣ пресытившейся земными благами. Покойный императоръ Александръ послѣ торжествъ увѣнчанной успѣхамъ кампаніи 1814 и 1815 годовъ и напитанный идеями г-жи Криднеръ, также предался мистицизму и посвятилъ себя созерцанію духовнаго міра, сдавъ управление царствомъ графу Аракчееву. Въ эту эпоху стали развиваться и въ Россіи разныя масонскія и другія таинственныя ученія. Однимъ изъ важныхъ покровителей ихъ былъ князь Голицынъ, пользовавшійся особенно довѣренностію императора. Онъ занималъ сначала должность оберъ-прокурора Синода, потомъ былъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, имѣя въ тоже время въ распоряженіи своемъ особую благотворительную часть. Кн. Голицынъ не имѣлъ широкаго ума и скоро подпалъ подъ вліяніе людей, изъ которыхъ одни по разнымъ корыстнымъ видамъ, а другіе по твердому убѣжденію въ непреложности своего ученія дѣлали изъ него, что хотѣли. Къ числу первыхъ надобно отнести въ особенности Магницкаго, который въ продолженіе слишкомъ семи лѣтъ дурачилъ Голицына проповѣдываніемъ самыхъ несообразныхъ идей и преслѣдованіемъ здраваго смысла и просвѣщенія, и въ это время успѣлъ расхитить суммы Казанскаго Университета и получить всевозможныя награды по службѣ. Замѣчательною личностію, какъ рьяный сектаторъ, былъ директоръ департамента Поповъ. Онъ до того предался фанатизму, что старался насильно привлечь въ секту своихъ дочерей и, видя ихъ упорство, обходился съ ними даже безчеловѣчно. Въ это же время возникла и развилась секта Татариновой, распространявшей ученіе о необходимости предаться созерцанію духовному. Множество лицъ высшаго круга пріѣзжали къ ней и сдѣлались ея поклонниками. Она проповѣдывала въ залахъ Инженернаго Замка, говорила очень увлекательно и умѣла отуманивать въ особенности женщинъ. Очень любопытно было бы, если бы кто-нибудь изъ бывшихъ посвященныхъ, или другихъ лицъ по собраннымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ описалъ, въ чемъ именно заключалось ученіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ сектъ и кто именно были ихъ послѣдователи. Со вступленіемъ на престолъ императора Николая, человѣка свѣжаго, съ стремленіями положительными, всѣ эти собранія мистиковъ, идеологовъ, масоновъ и другихъ сектаторовъ были закрыты; со всѣхъ взята подписка, что принадлежать въ этихъ обществахъ не будутъ, и такую подписку обязаны давать всѣ поступающіе на службу. вмѣстѣ съ тѣмъ закрыто и Библейское Общество сильно процвѣтавшее при Александрѣ. Князь Голицынъ сошелъ со сцены и

долженъ былъ приумѣрить свой жаръ распространять Библію... Не смотря однакожь на строгія запрещенія, собранія Татариновой продолжались секретно за городомъ. Поповъ постоянно посѣщаль ихъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ правительству. Татаринова и Поповъ были посланы во внутреннія губерніи. Поповъ наконецъ подвергся сумасшествію и умеръ въ какомъ-то монастырѣ. Послѣ подобной расправы со всѣми этими обществами, мода молиться Богу прошла, распространеніе Библіи признано вреднымъ, зданіе, гдѣ Библіи печатались, принадлежавшее обществу, передано во 2 отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, подъ типографію для печатанія издаваемого тогда новаго свода законовъ, несравненно болѣе полезнаго для дѣлъ сего міра; люди стремившіеся къ духовному и бывшіе на первомъ планѣ, уступили мѣсто людямъ новымъ, болѣе привязаннымъ къ земному; выгоды мірскія предпочтены неизвѣстному будущему; правительство хотѣло, чтобъ люди работали, а не предавались бесполезнымъ мечтаніямъ.

Лубьяновичъ, кажется, не былъ членомъ никакого общества; по крайней мѣрѣ никто не слышалъ, чтобъ онъ куда-нибудь ѣздилъ для засѣданій. У него тоже никто не собирался. По настроенію своему онъ принадлежалъ къ разряду духовидцевъ. Сужу объ этомъ по сочиненіямъ, которыя онъ преимущественно читалъ и по нѣкоторымъ разговорамъ его со мною. Одинъ разъ, гуляя со мною, онъ замѣтилъ, что вокругъ лица моего вьется множество мухъ. Онъ спросилъ меня, знаю ли я, что это значить... «Тебѣ скоро умереть, а хочешь ли умереть?» Я отвѣчалъ, что большого желанія не имѣю... «Глупый ты человѣкъ! Какъ можно не желать смерти—достичь скорѣе блаженства, ожидающаго насъ въ другомъ мірѣ! Ты еще ничего не понимаешь». Въ другой разъ онъ сталъ мнѣ рассказывать исторію какого-то важнаго барина... Фамиліи не сказалъ, но прибавилъ только, что онъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, человѣкъ весьма умный и почтенный и лгать не станетъ. Этотъ баринъ сталъ видѣть каждую ночь у ногъ своей постели человѣка во всемъ въ бѣломъ и въ колпакѣ. Чтобъ избавиться отъ привидѣнія, онъ перешелъ спать въ другую комнату, но и тамъ не избавился отъ привидѣнія. Наконецъ онъ рѣшился уѣхать въ деревню. Привидѣніе нашло его и тамъ. Жена его пріѣхала въ деревню послѣ него и, проходя вечеромъ къ его спальнѣ, сама видѣла бѣлое существо, которое она приняла за женщину. Она подумала, что мужъ ея завелъ съ кѣмъ-нибудь любовную интригу и вслѣдствіе замѣчаній ея мужъ объяснилъ ей, что онъ въ продолженіе многого времени не можетъ избавиться отъ привидѣнія. Объ этомъ онъ не хотѣлъ ей сказывать, чтобъ не напугать ея; но такъ какъ она сама его

видѣла, то ему скрываться нечего. Это привидѣніе никто иное было, какъ самъ Эккартсгаузенъ; онъ узналъ его по портрету... Лубьяновичъ любилъ пускаться со мною въ философскія разсужденія, хотя не считалъ меня еще способнымъ понимать ихъ; тѣмъ удивительнѣе казался мнѣ расказъ его о привидѣніи... Я объяснялъ это желаніемъ его поговорить съ кѣмъ-нибудь въ минуту откровенности; въ это время подвернулся ему я. Если Лубьяновичъ и любилъ предаваться серьезнымъ размышленіямъ о предметахъ неземныхъ, то не пренебрегалъ иногда и мірскимъ. Онъ охотникъ былъ хорошо покушать и часто страдалъ отъ неводержности въ пищѣ. Тѣломъ онъ былъ здоровъ, не смотря на свои 60 лѣтъ; всегда былъ веселъ, много ходилъ и постоянно былъ въ движеніи. Прогуливаясь, самъ съ собою разговаривалъ или распѣвалъ духовныя пѣсни. Въ сужденіяхъ о многихъ административныхъ лицахъ былъ очень строгъ, отзываясь о нихъ съ большимъ презрѣніемъ и преслѣдуя ихъ ѣдкими сарказмами. Способныхъ дѣятелей въ то время было у насъ мало. Довольно значительныя должности поручались иногда людямъ къ нимъ не приготовленнымъ, и они часто путали. Публика безпощадно осуждала ихъ дѣйствія.

Къ Лубьяновичу мало ѣздило людей изъ высшаго круга; въ числѣ гостей его я чаще видѣлъ откупщиковъ Перетца и Злобина; они ворочали милліонами, имѣли дѣла въ министерствѣ финансовъ, нашли въ Лубьяновичѣ покровителя и человѣка имъ полезнаго и безъ сомнѣнія ему помогали. Жалованье Лубьяновича было весьма ограниченное. Онъ по званію своему получалъ не болѣе 3000 р. ассиг., а о денежныхъ наградахъ тогда и не помышляли. Ему пожалована была однакожъ аренда, которая немного поддержала его въ способахъ жизни. Съ его широкими размѣрами и при стремленіи его къ благотворительности всего содержанія ему не доставало. Онъ жилъ не роскошно, но безалаберно. Онъ былъ слишкомъ большой баринъ по душѣ, чтобъ заниматься хозяйствомъ и копить деньги. Это казалось ему недостойнымъ дѣломъ. Въ немъ не замѣчалось мелочного эгоизма; онъ жилъ единственно для другихъ. При всѣхъ этихъ рѣдкихъ достоинствахъ онъ имѣлъ важный недостатокъ: не умѣлъ управлять собою въ минуту гнѣва. Онъ до такой степени выходилъ изъ себя, когда случалось ему разсердиться, что могъ задушить человѣка. Всѣ уже это знали и при первыхъ признакахъ его гнѣва убѣгали и ему болѣе не показывались. Жена его не умѣла съ нимъ обходиться, и вмѣсто того, чтобъ успокоивать его въ эти минуты, еще болѣе раздражала какою-нибудь глупою выходкою. Однажды за обѣдомъ подавали грибы. Онъ былъ до нихъ большой охотникъ, но они были ему вредны, такъ что онъ запретилъ готовить ихъ къ столу. Въ жару разговора онъ

наклавъ ихъ къ себѣ на тарелку и принялся ѣсть. Вдругъ онъ опомнился, строго посмотрѣлъ на жену и закричалъ, чтобъ ему позвали повара..... Жена стала ему въ это время говорить: да если, ты Карпилька, умный человѣкъ, то зачѣмъ ѣшь? Вѣдь ты видишь, что это грибы, которые тебѣ такъ вредны... Такой упрекъ вмѣсто признанія въ своей оплошности до того его взбѣсилъ, что онъ вскочилъ изъ-за стола, побѣжалъ въ свой кабинетъ, схватилъ ножницы и началъ ими колотъ себѣ подбородокъ. Обѣдавшій съ нами старикъ Малавва, человѣкъ ему совершенно преданный, бросился за нимъ и, видя ножницы въ его рукахъ, старался ихъ вырвать; но Лубьяновичъ въ досадѣ на него и совершенно не помня себя укусилъ ему руку. Въ другой разъ я видѣлъ его послѣ обѣда на полу съ ножомъ въ рукѣ надъ вырослымъ мальчикомъ изъ лакеевъ, котораго онъ поймалъ и упалъ съ нимъ на полъ... Едва съ трудомъ вырвали у него ножъ. Мнѣ случилось также видѣть, какъ онъ гнался за человѣкомъ изъ комнатъ въ переднюю и потомъ на дворъ. Онъ его поймать не могъ, но за это сильно досталось другому человѣку, который былъ въ это время въ передней, почему онъ не задержалъ бѣжавшаго. Въ подобную минуту его горячности всѣ отъ страха прятались, если нельзя было совсѣмъ убѣжать со двора. Но минутъ черезъ десять гнѣвъ его остывалъ, онъ досадовалъ на себя, старался загладить свой поступокъ своею ласковостію... Люди знали хорошо слабую его сторону, мало его боялись, были часто до чрезвычайности грубы и дераки, предавались пьянству и лѣни. Не было дома болѣе безпорядочнаго.

Прошло около полугода, что я прожилъ въ домѣ Лубьяновича... Однажды онъ далъ своимъ жильцамъ замѣтить, что не худо бы завестись намъ своимъ хозяйствомъ и поискать удобной и дешевой квартиры... Требованіе было вполнѣ справедливое; мы должны были сами почувствовать, что намъ пора самимъ о себѣ заботиться. Мы всѣ уже служимъ, получаемъ содержаніе, и тяготимъ собою Лубьяновича, который уже такъ много для насъ сдѣлалъ, становилось неприличнымъ и даже безсовѣстнымъ. Мы пустились искать квартиру, гдѣ мы могли бы по крайней мѣрѣ втроемъ помѣститься. Нѣкоторымъ изъ насъ жильцовъ дозволено было по прежнему оставаться въ домѣ Лубьяновича. Переѣзжать назначено Лавриновскому, Малевичу - сыну и мнѣ. Братъ мой еще оставался въ Москвѣ въ пансіонѣ. Нужно было не быть слишкомъ разборчивымъ въ квартирѣ, а главное, чтобъ была дешева. Мы скоро отыскали ее въ довольно скромной улицѣ, въ Стремянной, недалеко отъ Владимирской церкви, очень для меня памятной по жителству моему противъ нея съ покойнымъ отцемъ. Петербургъ тогдашняго времени далеко не походилъ на нынѣшній городъ. Кто не

былъ въ немъ 40 или 50 лѣтъ, тотъ съ трудомъ его узнаеть. Во все продолженіе Невскаго проспекта, отъ Полицейскаго моста до Аничковскаго моста, тянулся посреди улицы бульваръ, какъ теперь на проспектахъ Васильевскаго острова съ переѣздами для пересѣкающихъ улицъ. Хотя на Невскомъ невидно уже было деревянныхъ домовъ, но въ числѣ каменныхъ были еще одноэтажные; сверхъ того виднѣлись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заборы. Изъ бывшихъ въ 1817 году строеній остались только кромѣ Кабинета, Аничковскаго дворца и Имп. Библіотеки, по лѣвой сторонѣ отъ Аничковскаго моста одинъ домъ гр. Строганова, а по правой рядъ домовъ отъ моста до большой Садовой; все прочее было или выстроено вновь, или передѣлано съ поднятіемъ этажей. Михайловской улицы еще не существовало. На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ дворецъ в. к. Елены Павловны, скверъ и всѣ окружающія его зданія, а также малый театръ, красовался огородъ, который примыкалъ къ саду, принадлежащій нынѣ дворцу. Въ этомъ саду, впрочемъ весьма запущенномъ, гуляла публика, но не слишкомъ избранная; изъ сада шла тропинка черезъ небольшой мостикъ въ большой лѣтній садъ, который тоже не отличался особенною чистотою. Цѣпного, да и никакого моста не было. Публика переѣзжала съ той стороны въ садъ на яликѣ. Инженерный Замокъ, прежде называвшійся Михайловскимъ, былъ окруженъ канавами и треугольными каменными брустверами съ отверстіями для пушекъ. Вся площадь передъ нимъ была въ ужасномъ запущеніи, закидана камнями такъ, что оставался одинъ проходъ, и то не совсѣмъ чистый, отъ воротъ до памятника Петра I. Бульвара отъ Лѣтняго сада до Симіоновскаго моста еще не существовало. Здѣсь вообще прохода не было, и мѣсто завалено было бревнами и разными строительными матеріалами. Сущестующій нынѣ вдоль набережной Фонтанки садъ для дѣтей разведенъ уже гораздо позже. Въ новѣйшее время постройки производились съ необычайною быстротою. Дома въ 4, 5 и болѣе этажей отстраивались въ одинъ годъ. Улицы, гдѣ преобладали деревянные строенія съ нескончаемыми заборами, въ нѣсколько лѣтъ обстроились великолѣпными каменными домами со всѣмъ *комфортамъ*, требуемымъ прихотливымъ вѣкомъ.

Такъ же трудно было бы узнать прежнюю Стремянную улицу, гдѣ мы поселились. Она совершенно преобразилась послѣ того времени. Квартира наша состояла изъ 3-хъ чистыхъ комнатъ, передней и кухни. Каждый изъ насъ занялъ по комнатѣ; мнѣ досталась средняя, Лавриновскій помѣстился въ крайней, а Малавка въ первой проходной. Я завелъ себѣ нѣсколько мебели, купилъ очень неудобный диванъ, на которомъ спалъ: онъ былъ и узокъ, и жестокъ, и коротокъ. Ужъ какъ я ухитрился пріобрѣсти его, самъ теперь не понимаю. Я съ трудомъ

на немъ поворачивался, но мало-по-малу къ нему привыкъ и спать какъ блаженный. Должно сказать, что въ то время объ удобной и покойной мебели понятія не имѣли даже въ богатыхъ домахъ. Мягкіе диваны и кресла были еще мало извѣстны. Они принадлежатъ къ изобрѣтеніямъ новѣйшаго времени. Теперь въ каждомъ домѣ найдешь мебель, на которой можно удобно усѣсться. Многіе находятъ, что отцы наши были здоровѣе потому именно, что не имѣли возможности нѣжиться въ покойныхъ и мягкихъ креслахъ. Можно противъ этого поспорить, а можно и согласиться. Здѣсь важнѣе всего привычка. Если привыкъ сидѣть постоянно на жесткомъ, то непріятно покажется въ первое время сидѣть на мягкомъ, что я надъ собою испыталъ, требуя за карточнымъ столомъ непремѣнно жесткаго стула и не позволяя себѣ также сидѣть на мягкихъ креслахъ въ кабинетѣ за рабочимъ столомъ; я напротивъ послѣ мягкаго сидѣнія трудно переходить на жесткое. Я былъ неизбалованъ, роскоши не зналъ и потому могъ довольствоваться чѣмъ Богъ послалъ..... Никогда я не тужилъ о томъ, чего у меня недостаетъ и никогда особенно не радовался, если получалъ что нибудь.... Это очень дурное свойство: оно пріучаетъ къ равнодушію, не возбуждаетъ дѣятельности. Чтобы достичь чего-нибудь, надобно всего помогать, ничѣмъ не быть довольнымъ. Конечно нужно прежде познакомиться съ наслажденіями сего міра, чтобы знать за чѣмъ стремиться. До сихъ поръ я ничего не зналъ, кромѣ пансіонскихъ стѣнъ да антресолей въ домѣ Лубьяновича.... Спалъ я и здѣсь, и тамъ на жесткихъ тюфякахъ, сидѣлъ на табуретахъ или на плетеныхъ стульяхъ; немудрено, что я остался очень доволенъ, когда пріобрѣлъ себѣ диванъ и кожаные стулья; кромѣ того мнѣ отпущено зеркало изъ мебели оставшейся послѣ покойнаго отца и въ бережности сохраненной. На первый разъ этого было достаточно.

Какъ же я стану теперь жить, оставленный на собственный произволъ, безъ опытности въ жизни, съ самыми слабыми денежными средствами, безъ друзей, которые могли бы помочь мнѣ въ нуждѣ? Товарищи мои, съ кѣмъ мнѣ пришлось жить, сами были почти въ такомъ же положеніи какъ и я; но кромѣ того у меня съ ними не было ничего общаго. У нихъ были свои интересы, свой кругъ знакомства; я получилъ кое-какое образованіе, они почти никакого. Мнѣ хотѣлось иногда поговорить, передать мои мысли кому-нибудь другому, кто бы могъ меня выслушать; но товарищи мои были люди совсѣмъ не того разряда, чтобы захотѣли меня понимать. Они притомъ были гораздо старше меня, и разговоръ мой съ ними никакъ ихъ не могъ заинтересовать. Каждый изъ насъ жилъ совершенно отдѣльною жизнію.

Давно я собирался навѣстить въ Ораніенбаумѣ моихъ добрыхъ родныхъ С—ихъ. Радужный пріемъ ихъ въ 1809 году не изгладился еще изъ моей памяти. Съ тѣхъ поръ прошло 8 лѣтъ; во все это время я съ ними не видѣлся, но мы не забывали другъ друга и иногда переписывались. 3-го Мая я нанялъ дрожки и пустился въ путь. День былъ отличный, весна вступила въ свои права, всѣ деревья были въ зелени; воздухъ чистый, теплый, я не могъ надышаться имъ. Въ первый разъ я увидѣлъ себя на свободѣ, полнымъ властелиномъ моей особы, не обязанный гнить въ своей канцеляріи. Передъ мною раскрывалось необъятное пространство, вдали безконечное море. Мнѣ было просторно и такъ хорошо, какъ давно не бывало. Но я чувствовалъ, что чего-то не доставало для полного моего счастья. Я не имѣлъ нужной смѣлости, находилъ, что былъ очень неловокъ. Какъ я тамъ покажусь, какъ меня примутъ! Здоровье мое не слишкомъ было хорошо. Я былъ худъ, желтъ, у меня иногда болѣла грудь; мнѣ казалось, что я недолго буду жить, у меня не доставало энергіи, какое-то уныніе отравляло счастливыя мои минуты. На всемъ моемъ существованіи видѣнъ былъ гнетъ, не дававшій мнѣ развернуться, какъ слѣдовало бы молодому человѣку моихъ лѣтъ. Мнѣ хотѣлось расправить мои члены, но я чувствовалъ, что ихъ что-то сдерживаетъ; всякое непривычное движеніе для проявленія свободы отзывалось болѣзненностію. Въ такомъ настроеніи духа приближался я къ Ораніенбауму. Нетерпѣніе мое съ каждою верстою ослабѣвало, я готовъ былъ даже остановиться. Но лошадь продолжала свой путь, хотя и медленно. Наконецъ я въѣхалъ въ городъ... отыскалъ жилье С—ихъ; вхожу, никого дома нѣтъ. Весь городъ въ этотъ день вздумалъ праздновать наступленіе весны, и составилъ пикникъ на дачѣ Ханькова. Прислуга осматриваетъ меня съ ногъ до головы. Нѣкоторые узнали меня; какъ я выросъ, какъ перемѣнился! Они стали уговаривать меня, чтобъ я тоже отправился на пикникъ, вызываясь проводить. Мнѣ очень не хотѣлось явиться вдругъ въ такое многочисленное и шумное собраніе, гдѣ найду большею частію людей незнакомыхъ; но я еще не обѣдалъ, притомъ мнѣ стыдно было показаться робкимъ. Я принялъ предложеніе, и мы отправились. Городъ небольшой, путь недлинный, мы скоро дошли до мѣста праздника. Всѣ сидѣли за столомъ и обѣдали; вотъ новое непріятное обстоятельство. Какъ войти въ залу при такомъ многочисленномъ собраніи? Я просилъ лакея вызвать во мнѣ кого-нибудь изъ С—кихъ. Чрезъ полминуты прибѣжала ко мнѣ вторая дочь С—ча Душа (какъ называли ее въ семействѣ), схватила меня за руку, мы поцѣловались, и она съ торжествомъ привела меня въ залу и усадила возлѣ себя. За столомъ она занималась только мною, выбирала для меня лучшіе куски, угадывала

мои желанія. Я обратилъ на себя общее вниманіе, но это нimalo ея не тревожило; мнѣ же было какъ-то неловко. Я совѣстился, робѣлъ, говорилъ вполголоса, былъ веразвязенъ, посматривалъ дико на спящихъ за столомъ. Мнѣ въ первый разъ случилось сидѣть воалѣ дѣвицы за столомъ, гдѣ обѣдало многочисленное общество. Всѣ спрашивали, что я за человѣкъ и откуда взялся. Наконецъ обѣдъ кончился, всѣ разсыпались въ разныя стороны; въ саду играла музыка. Я потолковалъ немного съ стариками С—ми, и потомъ Душа взяла меня подѣ руку, и мы обошли съ нею нѣсколько круговъ, вспоминая, что было 8 лѣтъ тому назадъ. Много переменъ произошло съ того времени; я не могъ себя представить, чтобы она была та самая дѣвочка, съ которою мы тогда рѣзались дѣтьми. Я видѣлъ предѣ собою румяную, полную жизни дѣвушку съ прекрасными голубыми глазами. Ей было не съ большимъ 15 лѣтъ. Она вовсе не походила на Петербургскихъ дѣвицъ, утомленныхъ продолжительными бессонницами и безпорядочною городскою жизнью. Въ ней не было ничего свѣтскаго, напятаго; она не привлекала взоровъ граціозностію своихъ движеній; у нея не было заученныхъ взглядовъ; не умѣла рисоваться, но во всемъ, что она дѣлала, было такъ много естественнаго и пріятнаго, что нельзя было ею не любоваться; въ словахъ ея было столько простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинства, что привлекала къ себѣ каждого. Въ ней сохранилось еще что-то дѣтское; но видно было, что умъ ея созрѣлъ и что она умѣла уже чувствовать. Въ продолженіе не болѣе получаса мы совершенно ознакомились и сблизились. Она долго не могла со мною оставаться и должна была уйти къ другимъ. Оставшись одинъ, я сдѣлался неимоверно грустенъ; мною овладѣла тоска, которую не могъ разогнать, не смотря на общее веселье. Вмѣсто того, чтобы, присоединившись къ прочимъ, принять участіе въ удовольствіяхъ пикника, я удалился на край сада и тамъ, стоя на возвышеніи, углубился взоромъ на море. У меня не было ни прошедшаго, ни будущаго; я не радовался настоящему. Какая-то безчувственность овладѣла мною; я чувствовалъ только, что во мнѣ нѣтъ никакой жизни, и эта милая дѣвушка, съ такою ласкою занимавшаяся мною, не могла меня расшевелить. Мнѣ казалось, что я самый жалкій человѣкъ на свѣтѣ, что всѣ смѣются надъ моею неловкостію, что я удивительно смѣшно одѣтъ. На мнѣ былъ коричневый фракъ, сѣроголубые триковые панталоны въ сапоги, желтая жилетка, манжеты и бѣлый галстухъ съ большимъ бантомъ. Хотя я придерживался тогдашней моды, но видѣлъ, что другіе были гораздо меня наряднѣе. Долго я простоялъ тамъ въ безмолвіи; наконецъ Душа меня отыскала. Что ты здѣсь дѣлаешь, зачѣмъ уходишь отъ насъ, развѣ тебѣ скучно съ нами? спросила она. Какъ

можно скучать! Я не помню, чтобъ когда-нибудь въ жизни былъ въ такомъ пріятномъ обществѣ! Да что мнѣ общество... Довольно съ меня и того, что ты со мною. Ну, что говорить пустяки, пойдемъ къ прочимъ; тамъ собираются танцовать, и ты долженъ тоже дѣлать. Она взяла меня подъ руку, мы присоединились къ обществу, и я сталъ съ Душею въ ряды танцующихъ. Хандра моя исчезла, мною никто не занимался, все немного подпало, старики также пустились въ танцы, каждый думалъ о себѣ. Мнѣ стало свободнѣе. Я оглядѣлся, разговаривалъ съ нѣкоторыми незнакомыми мнѣ лицами и ушелъ съ пикника довольный вечеромъ и собою.

Въ семействѣ С . . . ихъ я прогостилъ съ недѣлю, съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе съ нимъ сближаясь. Старшая дочь Лиза не была хороша собою, но имѣла много привлекательности. Характера была нѣсколько меланхолическаго. Она много читала, умъ ея получилъ преждевременную зрѣлость. Она могла сильно чувствовать, но скрывала это; ни одно движеніе, ни одно слово не измѣняло ей. Въ поступкахъ ея было много достоинства; ее всѣ уважали. Даже отецъ, характера вздорнаго, привязывавшійся ко всѣмъ мелочамъ и любившій пошумѣть въ домѣ, чтобъ выказать свою распорядительность, не осмѣливался возвышать своего голоса передъ нею. Она тотчасъ, однимъ словомъ умѣла его останавливать; иногда даже позволяла себѣ дѣлать ему замѣчанія, и онъ хотя сердился, но много не противорѣчилъ. Поворчавъ на нее, онъ обыкновенно удалялся. Ей было около 18 лѣтъ, но она такъ высоко себя поставила и по образованію и по характеру, что весь городъ отзывался о ней съ особеннымъ уваженіемъ. Она и сестра ея Душа составляли украшеніе тамошняго общества. Старикъ отецъ, служившій нѣкогда въ военной службѣ, не имѣлъ никакого образованія, какъ и большая часть офицеровъ его времени. Онъ рано вышелъ въ отставку и поступилъ на службу по выборамъ дворянства. Въ Ораниенбаумѣ онъ прожилъ болѣе 25 лѣтъ въ разныхъ должностяхъ, слѣдовательно сдѣлался кореннымъ жителемъ города. Какъ истинный Славянинъ, онъ былъ очень гостепріименъ, не было у него дня безъ гостей. Съ утра начинали являться постороніе. Завтракъ не сходилъ со стола и непрерывно обновлялся. Каждый день непременно обѣдали человѣка два-три изъ служившихъ въ городѣ или изъ офицеровъ, которые стояли здѣсь съ полкомъ. Иногда пріѣзжали гости изъ Кронштадта, изъ Петергофа, изъ Стрѣльны. Вечеромъ всегда собиралось очень много народа, играли въ карты, до которыхъ хозяинъ былъ охотникъ, и большая часть оставалась ужинать. Надобно было угостить всѣхъ прилично, чего нельзя было сдѣлать безъ большихъ средствъ, а они были весьма ограниченны. Жена С . . . го, самое добродушное су-

щество въ мірѣ, изъ всѣхъ силъ хлопотала, чтобъ всѣ были довольны; для гостей ничего не жалѣли; обѣдъ всегда превкусный, вина выпивалось много, къ чаю подавался ромъ въ изобиліи; хозяинъ и нѣкоторые гости любили пить пуншъ, который тогда былъ въ большой модѣ; безъ пунша не обходился ни одинъ вечеръ. Часто отуманенные спиртомъ, гости завязывали жаркій споръ; хозяинъ былъ большой крикунъ, но ему уступали изъ уваженія къ добродушному приему, что чрезвычайно его баловало, и онъ себя позволялъ болѣе, нежели сколько иногда снести можно было. На другой день онъ рѣдко помнилъ, что происходило наканунѣ и былъ по прежнему привѣтливъ. Надобно удивляться этому роду жизни. С . . . ой занималъ неважную должность уѣзднаго казначея. Содержаніе получалъ небольшое, но ему помогали помѣщики и купцы въ городѣ; конечно были и другіе источники. Часто для дома брали въ долгъ, часть уплачивалась по временамъ, но всего заплатить нельзя было. Купцы и лавочники, уважая хозяйку и дочерей ея, не бывали слишкомъ настойчивы и многіе долги оставили даже безъ взысканія. С . . . ой былъ вообще скупъ на выдачу наличныхъ денегъ и почти ничего не давалъ на наряды своего семейства. Надобно было какъ-нибудь изворачиваться, и женская находчивость умѣла выпутываться изъ этого непріятнаго положенія. Дамы одѣты были прилично. С . . . ой видимо гордился своими дочерьми, но ничего для нихъ не дѣлалъ. Оставивъ ихъ воспитаніе въ совершенномъ небреженіи, онъ мало заботился о нихъ и потомъ. Счастливая ихъ натура, развившаяся на свободѣ и въ столкновеніи съ нѣкоторыми умными людьми, которые снабжали ихъ книгами и другими пособіями, сдѣлала для нихъ гораздо болѣе, нежели сколько произвели бы самыя лучшіе институты и гувернантки. Она украсила ихъ сердце такими качествами, которыя трудно встрѣтить въ дѣвицахъ образованныхъ по всѣмъ правиламъ принятаго воспитанія. Не было человѣка въ городѣ, который не сказалъ бы о нихъ всего лучшаго, ни одна женщина не осмѣлилась бы позволить себѣ какой-нибудь насчетъ ихъ насмѣшки или замѣчанія, ни одинъ молодой человѣкъ не рѣшился бы сказать имъ неделикатность; многіе пожилые люди изъ морскихъ офицеровъ и изъ служившихъ въ гвардіи желали быть съ ними знакомы и находили удовольствіе въ ихъ обществѣ. Онъ былъ всегда очень скромны, хотя и разговорчивы и свободны въ обращеніи, не отказывались отъ приглашеній, если имъ случайно приходилось провести время въ обществѣ мужчинъ; онъ увѣрены были и въ нихъ, и въ себѣ. Иногда составлялись пикники, на которыхъ родители не могли участвовать. Онъ ѣздили одаѣ, все окружало ихъ тамъ почтеніемъ и внимательностію. Никто не подвергалъ ихъ осужденію, и зависть никогда не тер-

зала ихъ имени. Были люди истинно имъ преданные и готовые на всѣ пожертвованія. Одинъ безрукій старецъ изъ военныхъ офицеровъ, не имѣя у себя близкихъ наслѣдниковъ, подарилъ Душѣ свой небольшой домъ въ Ораніенбаумѣ, который впоследствии поддержалъ ее въ существованіи. Многіе наперерывъ старались исполнять ихъ порученія, и онѣ пользовались этимъ съ особеннымъ удовольствіемъ, употребляя это вниманіе на пособіе многимъ лицамъ. У нихъ это впоследствии обратилось въ нѣкоторую страсть, которая часто утомляла просимыхъ; но самое бѣльшее пожертвованіе приносили имъ тѣ, которые тяготились обращеніемъ съ ними отца ихъ, весьма часто не деликатнаго въ выраженіяхъ своихъ, такъ что нѣкоторые хотѣли даже прекратить знакомство, но уступали старику, чтобъ только не лишиться пріятнаго общества его дочерей.

Ораніенбаумъ небольшой городокъ, бывшій прежде уѣзднымъ, а потомъ съ поступленіемъ его въ вѣдомство в. к. Елены Павловны и съ переводомъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ въ Петергофъ обратившійся въ заштатный, состоитъ изъ одной только улицы, съ двумя или тремя небольшими переулками къ морскому берегу. Насмѣшники рассказывали, что когда часовой у заставы чихнетъ, то другой на противоположномъ концѣ города желаетъ ему здравствовать. Не смотря на то, городъ былъ очень оживленъ. Кромѣ уѣздныхъ властей находился тамъ сперва казенный конскій заводъ съ начальствомъ, а потомъ Волынской гвардейскій полкъ; состояли медки и другіе члены при морскихъ госпиталяхъ, здѣсь учрежденныхъ для больныхъ, которымъ нуженъ хорошій воздухъ. Многіе морскіе офицеры выстроили себѣ въ городѣ и въ окрестностяхъ дома и дачи и часто сюда пріѣзжали; Кронштадтъ имѣлъ частыя постоянныя сношенія съ Ораніенбаумомъ, куда передавались въ его казначейство казенныя суммы, а кромѣ того и Петергофъ, составлявшій тогда слободу, вносилъ всѣ откупныя и другія суммы въ тоже казначейство. Ораніенбаумъ такимъ образомъ постоянно наполнялся пріѣзжими. Многіе изъ нихъ были знакомы съ домомъ С.....го. Жившіе въ городѣ имѣли пріятныя семейства и были гостепріимны; часто другъ у друга собирались или составляли общія прогулки. Въ Ораніенбаумѣ при дворцѣ, выстроенномъ еще при кн. Меншиковѣ, которому Петръ I-й подарилъ это мѣсто, находился прекрасный садъ, всегда содержимый въ чистотѣ и наполненный цвѣтами, а сверхъ того на горѣ былъ другой садъ, довольно запущенный, весьма обширный и мало посѣщаемый. Въ этомъ послѣднемъ саду, почти на концѣ его, выстроенъ имп. Екатериною II прелестный одноэтажный домикъ въ Китайскомъ вкусѣ. Онъ отличался прекрасными штучными полами и стѣнною живописью, изображавшею

разныхъ богинь Олимпа въ заманчивыхъ для глазъ положеніяхъ. При входѣ, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ сада, красовался такъ называемый Японскій дворецъ, возлѣ котораго устроенъ былъ телеграфъ, состоявшій изъ большихъ черныхъ шаровъ, которые поднимались по длинному шесту для переговоровъ съ Кронштадтомъ, гдѣ былъ подобный же телеграфъ. Какія тайны они другъ другу сообщали, трудно сказать, но кажется въ телеграфъ большой надобности не было: Кронштадтъ скорѣе могъ сообщать свои новости моремъ, нежели черезъ Ораніенбаумъ. Въ залахъ этого дворца до сихъ поръ сохраняются фарфоровые солдатики, которыми Петръ III забавлялся, копируя Фридриха II. Сверхъ того всѣ стѣны обставлены фарфоровыми изображеніями Греческихъ боговъ и богинь. Вообще домъ былъ запущенъ; съ задней его стороны видны еще остатки бывшей горы, съ которой придворные катались на особыхъ колесницахъ; самыя колесницы сохранились и показываются любопытнымъ; мѣсто, гдѣ устроена была гора, поросло бурьяномъ, а въ каменной стѣнѣ, служившей поддержкою горѣ, водились ящерицы и змѣи. Любопытно бы знать, въ какомъ положеніи все это находится нынѣ. Изъ Ораніенбаума видъ прелестный на море. Противъ него въ 7 верстахъ Кронштадтъ съ лѣсомъ мачтъ, купеческихъ кораблей, далѣе, на краю острова, Толбухинскій маякъ. а за нимъ безграничное море. Въ хорошую погоду истинное наслажденіе любоваться множествомъ парусныхъ судовъ, снующихъ взадъ и впередъ по Финскому заливу. Съ учрежденіемъ пароходства, парусъ уступилъ мѣсто дыму, который, въ безвѣтренную погоду, непрерывно стелется надъ моремъ. Эта картина вовсе не такъ интересна. Отъ Петергофа до Ораніенбаума и потомъ отъ сего послѣдняго города по берегу далѣе къ морю, тянется рядъ дачъ и колоній, гдѣ Петербургскіе жители укрываются на лѣто отъ душливаго городского воздуха. Съ ходомъ времени дачи начали пустѣть, оставленные своими владѣльцами; другія проданы въ такія руки, которыя могли дать имъ употребленіе болѣе пригодное для современной потребности. Нѣкоторыя изъ этихъ дачъ оставили во мнѣ самое пріятное воспоминаніе. И такъ былъ счастливъ, гуляя тамъ съ милыми моими кузинами.

Недѣля прошла для меня непримѣтно. Обѣ сестрицы не оставляли меня ни на минуту. Мы втроемъ ходили по окрестнымъ мѣстамъ, садились въ тѣни и передавали другъ другу всѣ мысли и чувства. Я любилъ ихъ всею силою души; онѣ платили мнѣ тѣмъ же; но ни одно нескромное слово не нарушало приличій; онѣ имѣли ко мнѣ полную довѣренность, и я вполнѣ ее оправдывалъ. Старшая не позволяла себѣ увлеченія, говорила всегда основательно, любила философствовать и предаваться мечтательности, что давало нѣкоторую занимательность

разговору; вторая напротивъ была живѣе, рѣзвѣе, она меньше говорила и не была охотницею до серьезныхъ разсужденій; за то всякое слово ея дышало простотою, выражало непритворное чувство; въ ней не было ни малѣйшей хитрости или желанія нравиться. Вечера проводили мы иногда въ другихъ домахъ, куда насъ вмѣстѣ приглашали, и я скоро познакомился съ цѣлымъ городомъ. Но пора было думать о возвращеніи въ Петербургъ. Съ грустію въ сердцѣ оставилъ я это доброе семейство, къ которому привязался всѣмъ сердцемъ, не испытаннымъ до того никакихъ нѣжныхъ ощущеній.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я ни о чемъ больше не думалъ, какъ объ Ораніенбаумѣ. Каждому хотѣлось мнѣ передать мои мысли и чувства, но не смѣлъ выѣрить ихъ никому: я боялся насмѣшекъ. У меня не было друзей, съ которыми могъ бы быть откровеннымъ. Я былъ окруженъ людьми холодными, положительными, которые ничѣмъ болѣе не занимались, какъ службою и картами. Мы не могли любить другъ друга. Ни воспитаніе, ни лѣта, ни образъ мыслей, ничто не могло соединять насъ. Каждый вращался въ своемъ кругу; мы сходились, расходились, и никто не зналъ и не интересовался знать, гдѣ кто былъ и что дѣлалъ. Мы не повѣряли другъ другу ничего. Я былъ слишкомъ молодъ, чтобъ требовать какой-либо довѣренности и самъ не имѣлъ охоты повѣрять другому свои тайны. Въ этомъ обществѣ я еще живѣе почувствовалъ, сколько потерялъ, разставшись съ С.....ми и какъ грустно мое одиночество. Если иногда и забывалъ свою грусть въ кругу моихъ школьныхъ товарищей, которыхъ по временамъ посѣщалъ, или за картами, то въ минуты досуговъ, на службѣ, ночью во время безсонницы я бывалъ въ самомъ печальномъ настроеніи духа. Я досталъ себѣ новую Елоизу Руссо и читалъ ее съ жадностію, представляя себя на мѣстѣ Сень-Пре. Я гордился вниманіемъ ко мнѣ моихъ кузинъ, а особенно второй, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что я сдѣлался лучше, благороднѣе, выше. Изрѣдка при случаѣ я писалъ къ нимъ, но о самыхъ обыкновенныхъ, житейскихъ вещахъ, больше для того, чтобъ дать о себѣ знать и не показаться невнимательнымъ. Онѣ мнѣ отвѣчали въ такомъ же тонѣ, звали къ себѣ и сообщали нѣкоторыя Ораніенбаумскія новости. Я страдалъ, что не могъ часто ихъ видѣть: онѣ очень рѣдко, почти никогда не ѣздили въ Петербургъ; мнѣ невозможно было часто отлучаться отъ службы, хотя я сознавалъ, что не приносилъ ей никакой пользы, а ѣздить на короткое время, то-есть, на одинъ или на два дня я не могъ себѣ позволить: тогда сообщенія съ Ораніенбаумомъ были затруднительны; иначе нельзя было туда попасть, какъ черезъ Кронштадтъ, или нанять экипажъ въ Петербургъ. Въ первомъ

случаѣ надобно было отправляться на катеръ (пароходовъ еще не было), на которомъ можно было при непогодѣ пребыть на морѣ цѣлые полдня, что составляло истинное мученіе при тѣснотѣ отъ множества иногда пассажировъ, при неподвижности, на которую они были осуждены во время путешествія и наконецъ, при качкѣ, когда море было непокойно. Да и по прїѣздѣ въ Кронштадтъ нельзя было тотчасъ же отправиться въ Ораніенбаумъ, а должно было ожидать очередного почтового катера, который отправлялся только вечеромъ, и такимъ образомъ для совершенія этой поѣздки нужно было употребить почти цѣлый день. Правда, расходы такого путешествія были не велики, но я не любилъ этотъ способъ отправленія и только одинъ разъ рѣшился ѣхать водою. Нанимать же экипажи для поѣздки сухимъ путемъ я не могъ: это стоило очень дорого, и у меня не было столько денегъ, чтобъ часто употреблять на этотъ предметъ отъ 30 до 35 р. асс. Такую роскошь можно было себѣ позволить не болѣе двухъ разъ въ годъ. Впослѣдствіи сообщенія съ Ораніенбаумомъ до того были облегчены, что можно было за ничтожную сумму, не болѣе 2-хъ рублей сер., сдѣлать путешествіе туда и обратно безъ всякой остановки въ теченіе одного дня. Мнѣ оставалось жалѣть, что въ молодое мое время подобныя удобства не существовали: я бы конечно пользовался ими каждые праздники. Зимой поѣздки въ Ораніенбаумъ совершались легче. Туда отправлялись небольшія кибитки за недорогою цѣну, и въ Ораніенбаумъ можно было найти во всякое время порожняковъ. Я всегда ѣздилъ туда передъ праздникомъ Р. Х. и проводилъ тамъ съ недѣлю.

Скучно тянулись дни мои въ Петербургѣ. Товарищи мои навели на меня тоску. Малявка былъ человѣкъ болѣзненный, вѣчно сердитый, никуда почти не выходившій изъ дому; онъ непрерывно кашлялъ и ворчалъ, что ему не даютъ покоя. Такъ какъ его комната была проходная, то онъ всегда почти былъ въ дурномъ расположеніи: ему дѣйствительно мѣшали. Мы избѣгали его разговоровъ, ожидая какихъ-нибудь непріятностей отъ него. Другой товарищъ мой Лавриновскій, человѣкъ съ претензіею на свѣтскость, но безъ характера и безъ образованія. Онъ по крайней мѣрѣ былъ ласковъ въ сношеніяхъ. Его рѣдко видѣли мы дома; онъ каждый вечеръ уходилъ со двора, игралъ мастерски въ карты, часто выигрывалъ, щеголялъ нарядами и слылъ въ кругу нашемъ за счастливца. Вскорѣ присоединился къ намъ новый товарищъ, нѣкто Лакерда, кандидатъ Московскаго Университета изъ Кіевскихъ уроженцовъ, человѣкъ мыслящій, съ душевною тепло-

тою, но мало видѣвшій свѣтъ, слабый характеромъ и легковѣрный. Онъ поселился въ моей комнатѣ. Я не могу припомнить себѣ, какимъ образомъ согласились мы принять его въ свои товарищи, когда и безъ него было намъ тѣсно и неудобно; но въ то время мы были не слишкомъ разборчивы, и конечно перспектива, что при лишнемъ товарищѣ будетъ у насъ меньше выходить расхода побудила насъ принять его въ видахъ экономическихъ. Дагерда нѣсколько оживилъ мое одиночество: онъ былъ очень симпатиченъ, и съ нимъ можно было поболтать о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ. Мы скоро выучили его играть въ карты, и онъ предался игрѣ со страстію. У насъ явились знакомые, тоже большіе любители картъ и просиживали за игрою ночи напролетъ. Я принималъ мало участія въ игрѣ; игралъ только въ коммерческія, а когда принимались за банкъ, то я обыкновенно удалялся и ложился спать въ той самой комнатѣ, гдѣ играли. Ночью я просыпался нѣсколько разъ отъ шумныхъ восклицаній торжествующихъ или несчастныхъ игроковъ: они не уважали моего покоя. Случалось, что, просыпаясь, я уже не видѣлъ свѣтъ, а ярко свѣтило солнце, и лучи его смѣшивались съ мѣловою пылью отъ непрерывнаго вытиранія стола; тогда я вскакивалъ съ дивана, промывалъ глаза, пилъ съ играющими кофе или чай и отправлялся на службу, оставляя ихъ доигрывать. Для меня остается непонятнымъ, какимъ образомъ я самъ не сдѣлался записнымъ игрокомъ при такой несчастной обстановкѣ въ первые годы моей молодости. Меня что-то удерживало кинуться въ этотъ омутъ. Я предпочиталъ игру, требующую разсужденій, чтобъ можно было положиться на свои силы, а не зависѣть отъ случайностей. Любимая моя игра была бостонъ, гдѣ я могъ управлять игрою; я вскорѣ сдѣлался хорошимъ игрокомъ, что доставило мнѣ возможность участвовать въ партіяхъ, не опасаясь значительнаго проигрыша; напротивъ, я большею частію оставался въ выигрышѣ. Изъ худшаго я выбралъ лучшее. Если мнѣ уже суждено было терять много времени на карты, то по крайней мѣрѣ я былъ увѣренъ, что игра меня не разстроитъ и даже иногда подкрѣпитъ мои слабые денежные способы. Къ намъ приходили иногда и нѣкоторые мои школьные товарищи, охотники поиграть. Для другихъ игра наша казалась мала. Вотъ какимъ образомъ проходило у меня время!

Изъ числа моихъ прежнихъ товарищей я больше всѣхъ любилъ Вальховскаго, попавшаго въ 1811 году въ Лицей. Эта была старинная дружба, которая поддерживалась даже перепискою. Онъ вышелъ изъ Лицея въ Іюнь 1817 года, получивъ съ кн. Горчаковымъ, нынѣшнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, золотую медаль. Вальховскій поступилъ офицеромъ въ гвардейскій генеральный штабъ, а кн. Гор-

чаковъ началъ службу 9 классомъ по дипломатической части. Первый отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ, и вскорѣ дали ему занятіе, которое мало оставляло ему свободнаго времени. Онъ очень рѣдко заходилъ ко мнѣ. Я былъ раза два у него въ штабѣ. Мы почти никогда не могли сойтись подольше потолковать другъ съ другомъ. Онъ притомъ былъ большой нелюдимъ, убѣгалъ общества, былъ очень застѣнчивъ и безпрерывно краснѣлъ. Я начиналъ отставать отъ него. Онъ весь преданъ службѣ, шелъ довольно быстро, попалъ потомъ на Кавказъ, получилъ должность оберъ-квартирмейстера, дошелъ до генеральскаго чина, отличался на войнѣ, получилъ много орденовъ; но вскорѣ его не взлюбилъ Паскевичъ, услышавъ, что нѣкоторые успѣхи въ войнѣ приписываютъ Вальховскому. Онъ лишилъ его мѣста оберъ-квартирмейстера. Вальховскій пріѣхалъ въ Петербургъ, сталъ искать какого-нибудь вѣзаченія и получилъ его генеральнымъ консуломъ въ Александрію, въ Египетъ. Въ это время открылась Польская кампанія, и Вальховскаго вмѣсто Египта отправили въ Польшу подъ начальство и въ распоряженіе Дибича, но едва онъ туда пріѣхалъ, какъ Дибичъ вскорѣ умеръ, и на мѣсто его назначенъ Паскевичъ, недоброжелатель Вальховскаго. Трудно сему послѣднему было оставаться въ Польской арміи. Онъ снова сталъ хлопотать о переводѣ его куда-нибудь и къ счастью получилъ при баронѣ Розенѣ должность начальника штаба Кавказскаго корпуса. Здѣсь онъ получилъ новыя отличія и сильно пошелъ въ гору; но въ пріѣздѣ на Кавказъ императора Николая счастье его оставило. Императоръ нашелъ много злоупотребленій при управленіи барона Розена; съ зятя его князя Дадіана, командовавшаго тамъ полкомъ, велѣлъ публично сорвать флигель-адъютанскіе эпюлеты за употребленіе нижнихъ чиновъ на свои работы и другіе безпорядки, Вальховскаго лишилъ мѣста начальника штаба и назначилъ бригаднымъ командиромъ въ войска, въ Южной Россіи стоявшія. Это былъ жестокій для него ударъ и совершенная царская немилость. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ похлопотать, нельзя ли какъ-нибудь поправить обстоятельства; старался оправдаться тѣмъ, что онъ, какъ подчиненное лицо, не въ правѣ былъ вмѣшиваться въ распоряженія корпуснаго командира, а тѣмъ менѣе противодѣйствовать ему; но военный министръ кн. Чернышовъ объявилъ ему, что государь и имени его слышать не хочетъ. Такимъ образомъ Вальховскій, не успѣвъ ни въ чемъ, долженъ былъ отправиться къ своей командѣ и тамъ, захворавъ горячкою, вскорѣ умеръ 40 съ небольшимъ лѣтъ отъ роду. Въ бытность его въ Петербургѣ онъ иногда заходилъ ко мнѣ, всегда также скромный, застѣнчивый и скучный. Быстрыя каріеры рѣдко удаются, я это замѣтилъ на многихъ личностяхъ.

Холостая компанія, въ которой я непрерывно, вертѣлся начинала мнѣ сильно надоедать. Я не былъ знакомъ ни съ однимъ семейнымъ домомъ. Изъ дамъ, посѣщавшихъ домъ Лубьяновича, самая значительная была Санкина, о которой я выше упоминалъ. Теперь мы нѣсколько сблизились; я сдѣлался смѣлѣе, она не казалась мнѣ такою уже страшною какъ прежде. Санкина была нѣкогда красавица, и это было замѣтно по чертамъ ея не совсѣмъ еще увядшимъ. Мужъ, ея служившій въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, глупая и чванная особа, всѣмъ надоедалъ своею дерзостію. Ему однакожъ это прощали изъ уваженія къ женѣ, которая старалась каждаго приласкать. Она имѣла на то уважительныя причины. У нея были три дочери, взрослые уже дѣвицы съ большими претензіями и очень дурныя собою. Санкины удостоивали меня своимъ вниманіемъ и въ извѣстные семейные дни именинъ и рожденій приглашали къ себѣ. Я не слишкомъ жаловалъ это семейство. На меня смотрѣли тамъ нѣсколько свысока, и этотъ тонъ усиливалъ мою антипатію. Но я бывалъ у нихъ почти каждый разъ, когда у нихъ собирались гости. Съ дочерьми я не сближался; я не умѣлъ съ ними говорить, и вечеръ мой проходилъ за бостономъ. Иногда случалось мнѣ съ дѣвицами танцевать, и я особенно любилъ вальсировать съ одною изъ нихъ, которая отличалась въ этомъ танцѣ; все это происходило молча, разговора у насъ не было. Вскорѣ я прекратилъ мои къ нимъ посѣщенія. Они вовсе меня не интересовали. Гораздо охотнѣе бывалъ я у Любецкихъ, другое семейство изъ числа знакомыхъ Лубьяновича и имъ покровительствуемыхъ. Тамъ правилась мнѣ младшая дочь, милая дѣвушка лѣтъ 17-ти, которая была очень ласкова со мною, не смотря на строгій глазъ матери, не оставлявшій ее ни минуты безъ надзора. Тѣмъ пріятнѣе были для насъ случайныя свиданія на единѣ, въ которыя мы позволяли себѣ иногда невольныя увлеченія, не выходя впрочемъ изъ границъ приличія. Я рѣдко бывалъ у нихъ: онѣ по слабымъ своимъ средствамъ не могли позволять себѣ частыхъ пріемовъ, но раза два въ годъ у нихъ танцовали. Вниманіе ко мнѣ молодой дѣвушки не оставляло впрочемъ въ сердцѣ моемъ глубокихъ впечатлѣній, но я пользовался всѣми случаями встрѣтиться съ нею. Она оживляла мои скучные и томительные дни, въ которые ни одно живое существо не принимало во мнѣ участія. Сочувствіе доброй, ласковой дѣвушки всегда такъ благотворно дѣйствуетъ на молодое сердце.

Въ числѣ моихъ знакомыхъ не было ни одного, который жилъ бы въ семействѣ; если же и были такіе, то они или не могли или не спѣшили приглашать меня къ себѣ... Мнѣ оставалось самому хлопотать о себѣ; но войти куда-нибудь въ домъ не было такъ легко: для этого нужно было найти благопріятный случай, а сверхъ того зарекомендо-

вать себя съ хорошей стороны. Мнѣ въ особенности трудно было сдѣлать себѣ хорошія знакомства, потому, что я все еще не могъ отстать отъ своей робости и неловкости; притомъ надобно было сперва пріобрѣсть нѣкоторыя свѣтскія формы, чтобъ умѣть войти и занять собою хозяевъ хотя на нѣсколько минутъ. Съ дамами я рѣшительно говорить не умѣлъ... Я считалъ невѣжливостію спрашивать ихъ о чемъ-нибудь; я только отвѣчалъ на вопросы, которые мнѣ предлагаемы были; но такъ какъ фигура моя не слишкомъ ихъ интересовала, то онѣ не брали на себя труда занимать меня. Я оставался всегда въ сторонѣ. Иногда случалось попадать въ какой-нибудь домъ на вечеръ, гдѣ танцуютъ. Не вездѣ было достаточно кавалеровъ, и потому приводили людей незнакомыхъ, которые и отплясывали со всѣмъ усердіемъ людей приившихъ на себя эту обязанность; но этимъ вечеромъ часто и ограничивалось знакомство съ домомъ. Объ утреннихъ визитахъ для поддержания знакомства тогда я не имѣлъ понятія, да что-то и не было это въ обычаѣ. Иному господину или барынѣ весьма бы странно показалось, если подобный танцоръ явился бы съ визитомъ. Каждый въроятно бы подумалъ, что это слишкомъ нахально съ его стороны пріѣзжать, когда его не просятъ. Обыкновенно знакомились сошедшися гдѣ-нибудь въ домѣ послѣ трехъ-четырехъ свиданій, послѣ пріятнаго разговора, наконецъ послѣ удостовѣреній общихъ знакомыхъ о достоинствахъ человека, котораго желаютъ принять у себя. Прежде нельзя было такъ легко познакомиться, какъ въ послѣдующее время, когда достаточно было быть представленнымъ. Если гдѣ либо собирались на вечеръ или на балъ, то каждый имѣлъ право подходить къ любой дамѣ, не ожидая, чтобъ его прежде представили: за благонадежность и приличность господина ручалось уже то, что онъ находился въ одномъ домѣ съ дамою; иначе его бы не приняли; слѣдовательно дама не имѣла никакого основанія опасаться, что подходящій къ ней кавалеръ можетъ ее компрометировать. Подобныя представленія сдѣлались необходимыми въ новѣйшее время, можетъ быть, потому, что въ домѣ стали являться личности безъ большого разбору, а лишь бы наполнили залу, что пужно для тщеславія хозяина; но прежде съ трудомъ можно было попасть въ домъ, не бывши хотя нѣсколько извѣстнымъ хозяину по разнымъ родственнымъ или общественнымъ отношеніямъ.

Зимою на Рождество я отправился въ мой милый Ораніенбаумъ. Насилу-то вырвался изъ Петербурга! Въ Ораніенбаумѣ веселились тогда на славу. Тамъ былъ клубъ, гдѣ давались балы. Кавалеровъ наѣзжало множество; изъ Кронштадта морскіе офицеры и изъ Петергофа офицеры лейбъ-драгунскаго, выпѣ конно-гренадерскаго, полка; пріѣзжали даже изъ Стрѣльвы за 17 верстъ офицеры улапскаго полка.

Всѣ держали себя очень прилично, не происходило ни одной непріятной исторіи; кавалеры были очень вѣжливы и осторожны съ дамами. Танцевали до упаду; не было той чопорности, которая холодитъ отношенія между танцующими, но и не было особеннаго разгула, который позволяло себѣ послѣдующее поколѣніе, если попадало куда-нибудь на общественный балъ. Впрочемъ за входъ въ клубъ въ Ораніенбаумѣ ничего не платили: каждый имѣлъ право войти, если былъ представленъ членомъ. На эти балы собиралось очень много дамъ, какъ Ораніенбаумскихъ жительницъ, такъ и пріѣзжихъ. Между первыми болѣе всѣхъ отличались мои кузины. Ихъ ангажировали нарасхватъ, что мнѣ очень досадно было. Я не могъ равнодушно смотрѣть, какъ съ ними любезничали; особенно Душа сильно возбуждала во мнѣ чувство ревности, но сходясь со мною въ танцахъ и пожимая мнѣ руку: она этимъ доказывала, что мнѣ опасаться нечего. Кромѣ клуба публика собиралась и въ частныхъ домахъ; вездѣ танцевали, гдѣ только можно было. Въ числѣ хорошенькихъ дѣвицъ были тогда дочери доктора морскаго вѣдомства Розберга (одна вышла замужъ, при живой женѣ, за Филимонова, литератора и стихотворца, который неизвѣстно какимъ образомъ устроилъ это дѣло; другая за Полевого, драматическаго писателя, журналиста и историка) и дочь нѣкоего Юрьева, вышедшая замужъ за Бунина, древняго моряка и произведшая трехъ дочерей извѣстныхъ въ Петербургѣ пѣвицъ (одна теперь за Гирсомъ, другая за Павловымъ). Мы сходились почти каждый день, гуляли, играли, дурачились. Прошла и эта счастливая недѣля, надобно было возвращаться въ Петербургъ. О серьезномъ я мало думалъ; у меня не было никакихъ плановъ; одно настоящее меня занимало и если я проводилъ его пріятно, то считалъ, что достигалъ цѣли жизни, больше ничего мнѣ не нужно было.

По пріѣздѣ въ Петербургъ время потянулось для меня своимъ обычнымъ скучнымъ порядкомъ. По службѣ моей не проходило ничего замѣчательнаго. Она меня не интересовала, родъ занятій моихъ былъ самый пошлый: то переписывалъ бумаги, то занимался составленіемъ небольшихъ записокъ, которыя не шли въ дѣло.... Вообще на меня, какъ на человѣка бесполезнаго, мало обращали вниманія, и я пользовался этимъ и не напрашивался на работу. Лубьяновичъ никогда не интересовался тѣмъ, что я дѣлаю въ канцеляріи; о службѣ моей разговора не было. Мнѣ назначили ничтожное жалованье, слѣдовательно не изъ чего было хлопотать и трудиться. Я ходилъ на службу по чувству долга, которое рано во мнѣ развилось и на всю жизнь сохранилось. Мнѣ скоро однакожъ прибавили къ жалованью 200 р., и я сталъ получать 600 р. Черезъ годъ или около того времени еще накинули 150 р. Я могъ издерживать своихъ отъ 800 до 1000 р.

Вотъ все, что я имѣлъ. Съ этимъ далеко не уйдешь. Изъ этихъ денегъ я не могъ удѣлять много на наслажденія и долженъ былъ ограничиться однимъ самымъ необходимымъ, но и на то еще не доставало. Къ счастью моему я не имѣлъ никакого понятія объ общественныхъ удовольствіяхъ. Я почти никогда не ходилъ въ театръ, нигдѣ не обѣдалъ въ трактирахъ или табльдотахъ; если же иногда заходилъ въ кондитерскіи, то съ цѣлью прочесть какой нибудь листокъ. Тогда въ цѣломъ Петербургѣ было только три кондитерскія, очень бѣдно впрочемъ снабженныя журналами и газетами. Одна, *Ларедда*, на концѣ Невскаго проспекта въ домѣ, на мѣстѣ котораго воздвигнуто зданіе военнаго вѣдомства; другая, *Доминика*, въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ почти въ подвалѣ, гдѣ теперь домъ Голландской церкви, а третья *Молинари*, гдѣ теперь кондитерская, кажется, Амато, противъ Аничковскаго дворца. Въ этихъ заведеніяхъ завтраковъ не было, а посѣтителі, которыхъ число было весьма ограничено, могли спрашивать себѣ только кофе, шоколадъ, баваруазъ, глинтвейнъ и мороженое. На прочихъ улицахъ, кромѣ Невскаго проспекта, не существовало даже конфектныхъ лавокъ. Соблазна, стало-быть, было мало. Одѣвался я какъ можно проще, платя всегда исправно портному; долговъ у меня никогда не было; я слылъ вообще аккуратнымъ молодымъ человѣкомъ. Надобно было какъ нибудь изворачиваться своими слабыми средствами; иначе легко было растеряться. Я избѣгалъ частныхъ сношеній съ моими школьными товарищами, которые не знали счета деньгамъ и вѣчно были въ долгу при всемъ хорошемъ состояніи; но причиную отдаленія моего отъ нихъ были не одни деньги, а главное то, что они всѣ были военные. Тогда дворяне избѣгали статской службы, считая ее унизительною для человѣка хорошей фамиліи. Въ статскую службу попадали только по необходимости, или по семейнымъ обстоятельствамъ или по болѣзненному положенію, и несчастные, которымъ приходилось ходить во фракъ, обыкновенно говаривали, что они числятся только въ такомъ-то вѣдомствѣ, но на службу не бываютъ, чтобъ знакомые не сочли ихъ какими нибудь крючками, подъячими. Между статскими и военными существовалъ какой-то антагонизмъ. Первые должны были всегда уступать послѣднимъ. Военная служба дѣйствительно представляла много преимуществъ передъ статскою. Особенно въ гвардіи молодые люди возвышались очень скоро; можно было достигнуть чина полковника въ 10 лѣтъ. Поступали въ гвардію безъ экзамена; отъ поступающихъ ничего болѣе не требовали кромѣ фронта. Самое трудное для нихъ дѣло было прослужить въ юнкерахъ три года и иногда болѣе, смотря по ваканціи въ полку; нѣкоторые не выдерживали этого искуса и переходили въ армію офицерами, лишь бы

поскорѣ надѣтъ эполеты. Офицеры въ гвардіи сильно важничали, на статскихъ смотрѣли съ какимъ-то презрѣніемъ; ихъ называли фрячниками, рябчиками; сами статскіе съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ увивались около военныхъ, считая особенно себя честию быть съ ними въ знакомствѣ и показываться вмѣстѣ съ ними въ публичныхъ мѣстахъ. На балахъ статскіе рѣшительно исчезали передъ военными; дамы съ гримасами принимали предложенія ихъ танцовать съ ними и считали это немного для себя унижительнымъ, когда на вечерѣ случилось много военныхъ. Съ офицеромъ какъ-то лучше танцуется: онъ и смѣлѣе, и развязнѣе, и виднѣе. Дорого платили военные за эти преимущества..... Чтобы поддержать сынковъ въ гвардіи, отцы жертвовали на нихъ половиною и болѣе своихъ доходовъ, сами часто отказывали себя въ необходимомъ; а сынки, пощеголявъ нѣсколько лѣтъ въ блестящемъ мундирѣ и надѣлавъ много долговъ, должны были выходить въ отставку по разнымъ случайностямъ службы или по домашнимъ обстоятельствамъ съ тѣмъ, чтобы или заняться поправленіемъ разстроеннаго хозяйства или поступить на службу по другому вѣдомству, а они по большей части оказывались ни на то, ни на другое неспособными..... Какъ-то грустно было смотрѣть на иного полковника или генерала ѣдущаго передъ фронтомъ, надувши страшно губы и съ важностію прибоченясь, что эта личность потеряла лучшіе годы своей жизни, чтобы выучиться одной военной муштровкѣ и сдѣлаться негодною для всякаго другого дѣла. Но они отдавали дань вѣку... Послѣ знаменитой нашей войны съ Французами, военные сильно поднялись во мнѣніи общественномъ: они спасители наши, они освободители Европы! Большая часть офицеровъ нанюхалась Парижскаго воздуха, воротилась изъ за границы съ изящными манерами, совершенными Французами. Они давали тонъ въ полкахъ, и вновь поступающая молодежь брала примѣръ съ нихъ въ щегольствѣ и фанфаронствѣ. Нѣкоторые полки употребляли всѣ усилія, чтобы сдѣлаться образцомъ утонченной ловкости и изящныхъ манеръ. Преображенскій полкъ соперничалъ въ этомъ отношеніи съ Семеновскимъ, который одно время при командирѣ Потемкинѣ перещеголялъ его. Кавалергардскій боролся съ конно-гвардейскимъ... Офицеры строго смотрѣли другъ за другомъ, чтобы не вышло между ими чего-нибудь дурного тона. Малѣйшая оплошность въ этомъ отношеніи служила предлогомъ къ тому, чтобы выжить неосторожнаго изъ полка. Въ прочихъ гвардейскихъ полкахъ на это смотрѣли съ меньшею строгостію, но военный того времени духъ требовалъ въ равной же степени исполненія принятыхъ условій, и никто не долженъ былъ отъ этого уклониться. Фанфаронство забралось и въ армію, особенно въ кавалерійскіе полки..... Если въ общество офице-

ровъ попадали статскіе, то послѣдніе видимо терялись; военные обходились съ ними съ видомъ покровительства, давая имъ на каждомъ шагу чувствовать свое превосходство. Бѣда, если офицеръ раскланяется на улицѣ съ господиномъ худо одѣтымъ, напримѣръ, въ фуражкѣ, вмѣсто шляпы или не въ модной шинелѣ. Настоящій гвардеецъ хорошаго тона никогда не пойдетъ въ ложу 2 яруса, гдѣ помѣстилось его семейство; никто не увидитъ его на Невскомъ проспектѣ подъ руку съ дамою, хотя бы съ родною сестрою, если та не одѣта по послѣдней модѣ и не въ нарядномъ платьѣ. Но независимо отъ этихъ условій высшаго тона, въ прочихъ военныхъ кругахъ также развито было извѣстнаго рода тщеславіе, которое мѣшало имъ сходиться съ лицами другихъ сословій и заставляло ихъ исключительно вертѣться въ своемъ кругу и такимъ образомъ разъединяло ихъ съ обществомъ. Военные поступали въ службу ничему не выучившись; весьма немногіе кое-что читали изъ чисто-литературныхъ произведеній; вся жизнь ихъ проходила въ занятіяхъ, которыя ихъ ни къ чему не вели, и они не имѣли рѣшительно ни о чемъ понятія, не могли принимать на себя никакихъ общественныхъ обязанностей, а если принимали, то исполняли ихъ самымъ сквернымъ образомъ. Военные и статскіе взаимно другъ друга избѣгали. Первые боялись себя компрометировать сношеніемъ съ людьми, которыхъ могутъ принять за приказовыхъ, а вторые не желали соваться въ общество, гдѣ они скучали, не имѣя съ нимъ ничего общаго. Бывая иногда у военныхъ моихъ товарищей, я почти никогда не встрѣчалъ тамъ дѣльныхъ молодыхъ людей изъ статскихъ; если же иногда и подвергивались орачники, то такія ничтожныя личности, что становилось за нихъ стыдно... Это были по большей части товарищи кутежей, и къ сожалѣнію на счетъ своихъ военныхъ пріятелей. Я уклонялся отъ посѣщенія ихъ и потому, чтобъ они ко мнѣ не являлись. Нашъ родъ жизни не могъ имъ нравиться: онъ былъ слишкомъ скромнень и не такъ размахистъ, какъ имъ было нужно.

У военныхъ было впрочемъ нѣкоторое основаніе не жаловаться статскихъ. При Екатеринѣ и Павлѣ существовалъ законъ, который обязывалъ дворянъ служить непременно въ военной службѣ. Въ гражданскую дозволялось поступать весьма немногимъ, въ Иностранную Коллегію для дипломатическихъ должностей. Съ образованіемъ при Александрѣ министерствъ это запрещеніе ослабѣло; но все еще мало было желающихъ служить въ департаментахъ. Для этого нужно было извѣстное приготовленіе, а дворяне вообще не любили учиться. По необходимости нужныя люди набирались изъ духовнаго званія и другихъ сословій, знакомыхъ съ грамотою. Это люди вышли въ чины, сдѣлались начальниками, но съ возвышеніемъ своимъ они не пріобрѣтали

привлекательныхъ формъ; напротивъ, получая съ каждымъ повышеіемъ больше власти, становились еще грубѣе и позволяли себѣ въ сношеніяхъ своихъ съ подчиненными быть дерзкими. Большая часть сихъ послѣднихъ, находясь въ постоянномъ загонѣ съ самаго малолѣтства, терпѣла, изгибалась и молчала; это давало еще болѣе силы начальникамъ. Если къ такому начальнику попадалъ юноша порядочнаго воспитанія и непривыкшій къ дурному обращенію, то черезъ нѣкоторое время терялъ терпѣніе и долженъ былъ перемѣнять службу, что было нелегко. Притомъ у этихъ начальниковъ было убѣжденіе, вынесенное ими изъ собственнаго опыта, что каждый поступающій на службу долженъ потереть лямку и получать повышенія не иначе, какъ послуживъ подолѣе въ низшихъ должностяхъ и чинахъ. Они не допускали возможности сдѣлать начальникомъ младшаго по службѣ и подчинить ему старшихъ, какія бы способности онъ ни выказывалъ; однимъ словомъ, находили нужнымъ держать чиновниковъ въ черномъ тѣлѣ, чтобъ они не зазнавались. Этой системы придерживались вездѣ. Она преобладала и въ экспедиціи, гдѣ я служилъ. Гдѣ царствуетъ рутинна, тамъ иначе и не можетъ быть. Чтобъ быть сколько-нибудь полезнымъ чиновникомъ для управленія, надобно заучить въ подробности весь порядокъ движенія дѣлъ и установленныя формы, что скоро не дѣлается. Повтому старые чиновники, опытные уже рутинѣры, неблагоприятно отзываются о новичкахъ, которые не обращаютъ вниманія на эти формы и при каждомъ упущеніи ихъ дѣлаютъ имъ жесткія замѣчанія... Много нужно было терпѣнія, чтобъ перенести всѣ оскорбленія, которыми старшіе щедро награждали младшихъ за служебныя неисправности, пока время не выдвигало сихъ послѣднихъ на дорогу, гдѣ сами они начинали уже распоряжаться; но и тутъ стояла еще надъ ними гроза высшихъ начальниковъ, которые также не слишкомъ церемонились съ подчиненными. Если кого-нибудь изъ молодыхъ дворянъ хорошаго воспитанія судьба бросала въ статскую службу, то онъ долженъ былъ приготовиться къ разнымъ униженіямъ и закалить себя противъ всѣхъ нападокъ со стороны всякаго рода начальниковъ, которые рѣдко давали пощадку. Мало по малу онъ привыкалъ къ такому обращенію и уже не считалъ для себя обиднымъ, если и выслушивалъ какое-нибудь жесткое слово... Часто случалось слышать отзывы про начальниковъ, что они добрейшіе люди, хотя въ минуту горячности и позволяютъ себѣ всякія дерзости... «Ну что за бѣда такая, если и побранятъ! Голова не отвалится! За то въ другое время, при хорошемъ расположеніи духа, они все сдѣлать рады». Общество знало о существованіи такого порядка въ гражданской администраціи, и потому молодежь изъ хорошей фамиліи, привыкшая къ деликатному обращенію,

неохотно шла въ статскую службу, а если кто и рѣшался на это, то заслуживалъ названія бѣдняка, который осужденъ на вѣчныя непріятности. Исключенія были рѣдки... Во всѣхъ почти управленіяхъ начальники отличались грубымъ обращеніемъ съ подчиненными. Все это не могло возвысить статскихъ чиновниковъ въ мнѣніи общества, хотя впрочемъ и военные командиры тогдашняго времени не могли похвалиться изящнымъ обхожденіемъ съ подчиненными офицерами; но между военными гораздо раньше развился духъ чести, такъ что командиры должны были держать себя нѣсколько осторожнѣе, потому что иногда насккивали на упрямцевъ, которые не спускали имъ дерзости, какъ это случалось даже съ в. к. Константиномъ Павловичемъ, позволявшимъ себѣ весьма грубыя выходки съ офицерами.

Статскимъ часто приходилось выслушивать отъ военныхъ довольно обидныя на счетъ свой замѣчанія, и хотя они выказывали недостатокъ хорошаго воспитанія офицеровъ, тѣмъ не менѣе подобныя замѣчанія были отголоскомъ существовавшаго въ обществѣ мнѣнія, которое сильно поддерживалось прекраснымъ поломъ. Мнѣ случилось однажды въ гостяхъ у товарищей наскочить на непріятность по случаю весьма обидныхъ сужденій одного лейбъ-уланскаго офицера о статскихъ чиновникахъ. Я доказывалъ, что каждый полезенъ на своемъ мѣстѣ и всѣ сотворенныя Богомъ животныя, какъ бы они неважны ни были, существуютъ для извѣстной цѣли; при этомъ привелъ въ примѣръ вола и осла, доказывая, что то и другое животное равно полезно для человека, но имѣлъ неосторожность сравнить военнаго съ осломъ. Я долженъ признаться, что споръ нѣсколько возбудилъ меня.... Нѣсколько секундъ продолжалось общее молчаніе, и офицеръ, тоже изъ моихъ товарищей (Лизогубъ) обратился ко мнѣ довольно серьезно и къ счастію очень спокойно сказалъ мнѣ, что за такое неприличіе въ сравненіи слѣдовало бы поступить со мною соотвѣтственно оскорбленію, но такъ какъ онъ привыкъ уважать меня какъ отличнаго воспитанника въ пансіонѣ, то онъ оставляетъ это безъ послѣдствій, советуя быть на будущее время осторожнѣе. Я очень доволенъ былъ тѣмъ, что мое званіе отличнаго послужило мнѣ къ чему-нибудь... Я извинился, и дѣло прекратилось.

Въ Іюнь 1819 года Лубьяновичъ уѣхалъ въ свою Новоладожскую деревню отдохнуть отъ служебныхъ занятій. 5 го Іюля онъ пошелъ въ баню, и тамъ поразилъ его апоплексическій ударъ, отъ котораго онъ въ ту же минуту скончался. Прискакалъ оттуда гонецъ и сообщилъ намъ это печальное извѣстіе. Я долго не могъ вѣрить этому событію; мнѣ казалось, что посланный слишкомъ поторопился и что съ Лубьяновичемъ могъ сдѣлаться только обморокъ, а люди вообразили, что онъ

уже и умеръ, поскорѣ его послали... Но извѣстіе, къ несчастію, было вѣрно. Я осиротѣлъ вполне, въ душѣ моей родилось безпокойство, какъ буду жить впередъ, кто меня въ нуждѣ поддержитъ, какимъ образомъ я буду распоряжаться собою... Я ни о чемъ не имѣлъ понятія, не было никакого знанія жизни; у меня не было такихъ знакомыхъ, которые помогли бы мнѣ совѣтами и участіемъ. Правда, былъ еще второй опекунъ сенаторъ Политковскій, но я его вовсе не зналъ, никогда у него не бывалъ, да онъ совсѣмъ и не занимался нашими дѣлами. Не знаю даже, зачѣмъ онъ числился опекуномъ. Тѣло покойнаго Лубьяновича привезли въ Петербургъ и похоронили на Большой Охтѣ близъ самой церкви. Подчиненные понесли въ немъ большую утрату; они его любили; по подпискѣ собрали значительную сумму на памятникъ, который и поставили надъ могилою съ надписью: «Начальнику отъ подчиненныхъ». Каждый годъ два раза: 5 Іюля, въ день кончины, и 13 Сентября, въ день именинъ его, всѣ чиновники экспедиціи собирались въ церковь, служили панахиду и день оканчивали доброю попойкою. Это продолжалось лѣтъ 10, если не болѣе; но потомъ, когда понадобилось расширить церковь, памятникъ сняли, и могила вошла во внутренность церкви. Съ этого времени прекратились поминовенія; многіе прежніе сослуживцы и подчиненные покойнаго въ свою очередь отправились къ праотцамъ, кругъ почитателей его началъ рѣдѣть; многіе охладѣли къ дѣлу, увлекшись новыми интересами, и забыли о своемъ прежнемъ начальникѣ, какъ забывается все на свѣтѣ... Они стали болѣе внимательны къ живымъ своимъ начальникамъ, отъ которыхъ ожидали больше существеннаго, нежели сколько можно получить отъ поминовенія умершихъ. Каждый думаетъ о выгодахъ настоящихъ... чтó ему до мертвыхъ!

На мѣсто Лубьяновича министръ графъ Гурьевъ никого не назначалъ, а раздѣлилъ экспедицію на два отдѣленія, поручивъ каждую управленію старшихъ совѣтниковъ Миллера и Розенберга, независимо другъ отъ друга. Миллеръ былъ человекъ весьма ограниченныхъ способностей, характера мягкаго, нерѣшительнаго, мелочнаго. Розенбергъ напротивъ былъ настойчивъ, упрямъ, зналъ хорошо свою часть. Оба совѣтника не любили другъ друга, и каждый старался попасть въ управляющіе экспедиціею, для чего употребляли всѣ интриги. Миллеръ, какъ старшій по службѣ, считалъ себя больше въ правѣ на получение этого назначенія; Розенбергъ надѣялся болѣе на свои преимущества другого рода. Оба они были трудолюбивы, какъ свойственно Нѣмцамъ; но проходило много времени, а ни того, ни другого не назначали. Въ 1821 году экспедиція преобразована была въ Департаментъ Государственнаго Казначейства и послѣдовалъ новый штатъ. Директоромъ

назначенъ Розенбергъ, а Миллера сдѣлали управляющимъ Комерческимъ Банкомъ. Такимъ образомъ соперники разошлись, оставшись оба довольны своимъ назначеніемъ. При этомъ преобразованіи правителемъ канцеляріи на мѣсто Рыбакова сдѣланъ Лавриновскій, а меня назначили секретаремъ; я сталъ получать 1500 р. асс. жалованья и вошелъ, такъ сказать, въ составъ порядочныхъ чиновниковъ. Розенбергъ знавалъ моего отца и если между ими не было особенной дружбы, то сохранялись всегда отношенія давнишнихъ сослуживцевъ; поэтому онъ принималъ и во мнѣ нѣкоторое участіе, хотя старался этого не показывать. Онъ былъ горбатъ, довольно золъ и мстителенъ. По своей физической конструкціи, избѣгая общественности, онъ не могъ пріобрѣсти пріятныхъ формъ, которыя нѣсколько смягчаютъ жесткость натуры и даютъ сношеніямъ между начальникомъ и подчиненными характеръ не столько суровый. Онъ былъ взыскателенъ и строгъ, все время посвящалъ службѣ и требовалъ отъ другихъ такой же дѣятельности. На службу въ Департаментъ являлся аккуратно въ 8 часовъ утра и сейчасъ требовалъ то того, то другого чиновника; поэтому всѣ должны были приходить къ этому времени. Многимъ это было не повкусу, нѣкоторые чиновники жили очень далеко отъ Департамента; зимою приходилось вставать при свѣчахъ, чтобъ успѣть собраться и прибыть на службу въ заведенный часъ; на улицахъ было еще темно, а они должны были пускаться въ путь и пѣшкомъ; извозчики еще не выѣзжали на улицы. Когда спрошеннаго въ наличности не оказывалось, тогда ему сильно доставалось за нерадѣніе. Это страшно тяготило чиновниковъ. Розенберга не любили и боялись; надобно однакожь отдать ему справедливость: онъ никого не обижалъ по службѣ и воздавалъ каждому должное. Не имѣя въ жизни никакого развлеченія, онъ любилъ слушать рассказы о родѣ жизни своихъ подчиненныхъ; онъ зналъ, кто какъ живетъ, гдѣ бываетъ, чѣмъ занимается. Это его занимало до крайности, и надобно было удивляться, отъ кого онъ получаетъ всѣ эти свѣдѣнія. Съ чиновниками онъ былъ вообще сухъ, никогда не позволялъ себѣ шутокъ; въ торжественные праздники принималъ всѣхъ, но почти ни съ кѣмъ не пускался въ разговоры; приходящій отвѣшивалъ почтительный поклонъ, бормоталъ свое поздравленіе и уходилъ, оставляя свое мѣсто другому. Ничего не было тягостнѣе этихъ поздравленій, а избѣжать ихъ было невозможно: Розенбергъ непременно замѣтилъ бы невниманіе отсутствующаго. Тогда не существовало еще отличнаго обычая, введеннаго въ послѣдующее время, записываться въ книгѣ или на особомъ листѣ.

На обязанности моей не было никакого особеннаго дѣла, а я исполнялъ то, что поручалось по усмотрѣнію директора. Онъ занялъ

меня перепискою съ губернаторами о взысканіи недоимокъ и другихъ казенныхъ долговъ. Дѣло это сначала было довольно разнообразно по различію случаевъ требовавшихъ подобныхъ сношеній съ начальниками губерній, но мало-по-малу оно мнѣ пріѣлось до такой степени, что я искалъ возможности отъ этого дѣла избавиться. Притомъ заговорило во мнѣ и честолюбіе. Я начиналъ сильно скучать своею службою и задумалъ подняться. Открылось мѣсто начальника отдѣленія въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ. Я рѣшился обратиться съ просьбою къ Розенбергу, похлопотать за меня у министра. Это ему очень не понравилось, но онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу. Онъ дѣйствительно говорилъ гр. Гурьеву, который отозвался, что опредѣленіе меня зависить отъ директора того Департамента Дубенскаго, и что мнѣ слѣдуетъ къ нему обратиться. Хотя я и затѣялъ переходить въ тотъ Департаментъ, но, зная капризный и непріятный характеръ Дубенскаго, я не имѣлъ большого стремленія служить подъ его начальствомъ. Однако я долженъ былъ по указанію министра къ нему отправиться. Дубенскій сказалъ мнѣ, что если министру угодно будетъ меня назначить, то онъ противъ этого спорить не станетъ, но что на это мѣсто у него есть свои чиновники. Отвѣтъ вполне основательный! Я раскланялся и ушелъ частію довольный отказомъ. Было бы рискованно перемѣнять мѣсто служенія безъ увѣренности, что перемѣна эта будетъ для меня полезна. Мнѣ хотѣлось этимъ исканіемъ мѣста выказать Розенбергу, что мѣсто секретаря вовсе меня не удовлетворяетъ. Онъ понялъ мои требованія и при первой возможности поспѣшилъ ихъ удовлетворить. Но дѣло все-таки дѣлалось нескоро, и я долженъ былъ нѣсколько потерпѣть.

По разобраніи бумагъ покойнаго Лубьяновича оказалось, что онъ успѣлъ составить намъ изъ отцовской аренды капиталъ до 27 тысячъ ассиг.. Это было даже слишкомъ много за расходами въ теченіе почти 10 лѣтъ на наше содержаніе и воспитаніе. Онъ былъ бережливъ, и по заботливости своей ему хотѣлось оставить намъ средства просуществовать въ первые годы нашей молодости, безъ особой крайней нужды. Капиталъ этотъ состоялъ частію въ билетахъ сохранной казны, а частію въ заемныхъ письмахъ. Не успѣлъ я принять эти документы въ свое распоряженіе, какъ явился ко мнѣ повѣренный отъ Пшеничнаго, директора исполнительнаго департамента, съ предложеніемъ, не желаю ли я отдать хранящійся въ опекунск. со-вѣтъ капиталъ въ долгъ князю N. N. за 10%. Я хорошенько не могъ еще сообразиться, что мнѣ дѣлать съ деньгами; посоветоваться было не съ кѣмъ, но подумавъ, что сохранная казна даетъ только 5%,

а тутъ предлагается мнѣ 10%, что удваиваетъ способы къ жизни, я рѣшился отдать князю N. N. всѣ деньги за исключеніемъ нѣкоторой суммы, оставленной мною на свои расходы. Всего отдано 14 тысячъ рубл. По заемнымъ письмамъ должниками были: кн. Урусовъ, старинный пріятель моего отца и въ домѣ котораго мы жили, 9000 р. и г-жа Можайская 3000 р. Князь N. N. исправно платилъ свои проценты до самой своей смерти, что продолжалось лѣтъ 7 или 8; но послѣ смерти, наслѣдникъ его сенаторъ князь N. N. объявилъ кредиторамъ, что оставшееся послѣ отца имѣніе находится въ крайнемъ разстройствѣ и что по суммѣ всѣхъ долговъ кредиторы могутъ получить только по 13 коп. на рубль. Это объявлено было имъ въ общемъ собраніи, въ которомъ и я присутствовалъ. Кредиторы завопили противъ этого страшнымъ образомъ и, основываясь на томъ, что наслѣдникъ немедленно по смерти отца отправился въ Орловскую губернію, въ одно изъ значительныхъ имѣній, гдѣ жилъ покойникъ, вскрылъ всѣ сундуки и вступилъ въ управленіе имѣніемъ и что такимъ образомъ онъ принялъ на себя уплату всѣхъ отцовскихъ долговъ, требовали полной уплаты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того было вторичное собраніе, въ которомъ объявлено кредиторамъ, что они получаютъ по 50 к. на рубль, но и это не могло удовлетворить ихъ: они крѣпко упирались на законъ, что наслѣдникъ прежде вступленія во владѣніе имѣніемъ обязанъ привести въ извѣстность количество долговъ и объявить, вступаетъ ли или нѣтъ въ права наслѣдства, чего князь N. N. не сдѣлалъ, а прямо вступилъ въ распоряженіе имѣніемъ. Тогда, по прошествіи уже значительнаго времени, учреждена была съ высочайшаго разрѣшенія коммиссія, которой поручено разобрать всѣ претензіи, привести въ извѣстность состояніе имѣнія князя и удовлетворить кредиторовъ его. Коммиссія дѣйствовала по возможности добросовѣстно. Однимъ изъ дѣятельныхъ ея членовъ былъ статсъ-секретарь Андрей Логиновичъ Гофманъ. Она должна была бороться съ разными препятствіями. Напримѣръ: въ числѣ кредиторовъ умершаго князя находилась дочь его въ суммѣ 300 тысячъ рублей; но это былъ не настоящій долгъ, а выдано было только заемное письмо на имя дочери; коммиссія же, зная свойство этого долга, поставила его въ числѣ тѣхъ, которые подлежатъ удовлетворенію послѣ правильныхъ долговъ; между тѣмъ дочь не переставала домогаться о полученіи сполна всей претензіи и жаловались на коммиссію, что она не платитъ имъ сейчасъ этого долга. Просили о томъ Императрицу, которая, принимая участіе въ дочери покойнаго князя, общалась ей помочь, говорила объ этомъ съ графомъ Орловымъ и заставляла его хлопотать въ коммиссію; но Гофманъ стоялъ твердо на томъ, что истцы не

имѣють никакого права домогаться о немедленномъ удовлетвореніи наравнѣ съ прочими кредиторами. Такой отказъ крѣпко не понравился гр. Орлову, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Императрицѣ, но императоръ Николай Павловичъ вполне одобрилъ такое заключеніе комиссіи и получилъ хорошее мнѣніе о Гофманѣ, что въ послѣдствіи имѣло вліяніе на дальнѣйшую службу Гофмана. Комиссія приняла правиломъ удовлетворять преимущественно тѣ правильныя претензіи, по которымъ будетъ со стороны кредиторовъ уступка. И мнѣ предложено было сдѣлать такую уступку. Подумавъ немного, я рѣшился уступить проценты за все прошедшее время, что пришлось лѣтъ за 6 или 7, да сверхъ того согласился разсрочить долгъ на 7 лѣтъ, что дѣлали и другіе кредиторы. Такимъ образомъ капиталъ мой у князя N. N. мало-по-малу исчезъ: получая деньги по частямъ небольшими суммами, я ихъ по необходимости тратилъ на текущія нужды, которыя всегда являлись. Спекуляція вышла очень неудачная! Не лучше вышло и съ деньгами, которыя должны были кн. Урусовъ и Можайская. Я съ большимъ трудомъ и очень нескоро выручилъ ихъ отъ должниковъ и также частями. Ходьба за ними составляла истинное мое мученіе; часто я не заставлялъ должниковъ дома, а если и заставлялъ, то они начинали распѣвать Іереміады о своихъ затрудненіяхъ, просили подождать, назначали сроки, въ которые также не платили. Однимъ словомъ, я по опыту узналъ, что значить имѣть въ долгу деньги въ частныхъ рукахъ.

Вскорѣ послѣ смерти Лубьяновича, пріѣхалъ изъ Москвы мой братъ, кончивъ тамъ ученіе. Для него не было уже помѣщенія въ занимаемой нами квартирѣ: и безъ того было тѣсно. Мы съ братомъ наняли себѣ особую квартиру въ Шестилавочной улицѣ. Квартира попалась чистенькая; три свѣтлыя комнаты, кромѣ помѣщенія для прислуги; мы ею были очень довольны, купили нѣсколько мебели, но все далеко было отъ необходимаго комфорта. Пріемовъ у насъ никакихъ не было. Я очень былъ радъ, что отдѣлался отъ неутомимыхъ картежныхъ игроковъ, которые такъ много стѣсняли меня на прежней квартирѣ. Наступили болѣе спокойные дни. Но я сильно скучалъ; здоровье мое было слабое; у меня все болѣла грудь; я много кашлялъ, душевное расположеніе было самое мрачное; мнѣ казалось, что я скоро умру. Развлеченія у меня не было; я проводилъ время почти всегда одинъ съ вѣчными моими грустными мыслями. Нигдѣ я не встрѣчалъ участія, я не бывалъ ни въ одномъ семейномъ домѣ, гдѣ могъ бы проводить время за-просто, безъ церемоній и гдѣ видѣлъ бы ласку и радушіе хозяевъ. Большую часть дня я проводилъ или за книгою, если случалось доставать что-нибудь для чтенія, или шатаюсь по ули-

цамъ. Меня мысль постоянно уносила въ Ораніенбаумъ, гдѣ я чувствовалъ, что живу. Тамъ меня искренно любили, и я самъ любилъ со всею горячностію молодого сердца. Я не оставлялъ пользоваться всѣми случаями отправиться туда, хотя съ новыми служебными обязанностями моими это было нѣсколько труднѣе прежняго. Надобно было отпрашиваться у самого Розенберга, но я не могъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, хотя бы это стоило мнѣ нѣкоторыхъ пожертвованій. Чтѣ за бѣда, если и потеряю что-нибудь по службѣ! Начальники неохотно отпускають подчиненныхъ, которые постоянно вертятся на ихъ глазахъ и объ нихъ составляютъ себѣ невыгодное понятіе, находя, что они любятъ лучше гулять, нежели трудиться. Въ Ораніенбаумѣ я перерождался, болѣе и болѣе прпвязываясь къ моимъ кузинамъ. Время шло тамъ для меня съ неумолимою быстротою; мы выдумывали разнаго рода поѣздки, гулянья, собирались большими обществомъ; меня забавляли всѣми способами. Въ числѣ посѣтителей семейства С...ихъ былъ нѣкто Бунинъ, инспекторъ тамошнихъ колоній (я упомянулъ о немъ выше). Онъ былъ большой балагуръ, артистъ (впрочемъ плохой) на всѣхъ возможныхъ инструментахъ, любитель покутить и затѣйникъ на всѣ штуки. Онъ много оживлялъ общество, хотя былъ уже немолодыхъ лѣтъ. Однажды онъ пригласилъ гусарскаго полковника Дуванова, начальника тамошняго казеннаго копскаго завода, одного прѣхавшаго къ Дуванову гусарскаго штабъ-офицера и меня въ Кронштадтъ. Достали большой катеръ, отправились. Бунинъ привезъ насъ къ своимъ знакомымъ Нордштейнъ, представилъ насъ дамамъ, и вскорѣ подавъ былъ намъ завтракъ съ порядочнымъ количествомъ бутылокъ вина. Посидѣвъ у нихъ нѣкоторое время, мы пошли погулять по городу и потомъ зашли въ клубъ, гдѣ отобѣдали, при чемъ выпито было пропасть вина всякаго рода. Бунинъ былъ сильно на веселѣ, одинъ изъ гусаровъ не уступалъ ему; я держался и сохранилъ весь рассудокъ. Пора было думать о возвращеніи въ Ораніенбаумъ. Добрались до своего катера и усѣлись. Проѣзжая мимо кууческихъ судовъ, Бунинъ увидѣлъ на одномъ изъ ихъ Англичанина и сталъ съ нимъ разговаривать. Англичанинъ очень любезно отвѣчалъ ему, и черезъ нѣсколько секундъ катеръ нашъ сталъ приставать къ судну. Мы сначала не поняли, чтѣ это значитъ, но вскорѣ объяснилось, что Англичанинъ просилъ всѣхъ насъ пойти къ нему на судно. Мы вскарабкались. Хозяинъ велѣлъ подать портеру, послѣ чего принялся угощать насъ пуншемъ. Бунинъ былъ въ полномъ разгулѣ, болталъ безъ умолку, обнимался и цѣловался съ хозяиномъ. Я началъ потрушивать, чтобъ не случилось чего недобраго, когда мы перепьемся, и сталъ упрашивать другого гусара, довольно еще трезваго,

употребить усиліе, чтобъ извлечь Бунина изъ этой западни. Напрасныя хлопоты!... Англичанинъ заперъ дверь и сказалъ, что онъ насъ не выпуститъ, пока мы не выпьемъ пуншу. Бунинъ продолжалъ пить и посмѣивался надъ нами. Наконецъ я вооружился храбростію, сильно напалъ на Англичанина, строго потребовалъ, чтобъ отперъ дверь и съ большимъ трудомъ успѣлъ убѣдить своихъ товарищей сойти въ катеръ. При отправленіи съ пристани къ намъ попросились какія-то двѣ пассажирки, которыхъ мы съ собою взяли для отвоза въ Ораніенбаумъ. Все время, чтò мы кутили у Англичанина, онъ насъ дожидались. Взявъ Бунина подъ руки, мы спустили его въ катеръ, тронулись съ мѣста,—поплыли. Бунинъ все время не успокоивался; наконецъ ему вадумалось сѣсть на руль и управлять катеромъ; онъ сталъ гнать съ мѣста рулевого и какъ мы ни упрашивали его сидѣть смирно, но онъ не унимался. Тогда мы рѣшились взять его въ руки. Жевщины стали плавать. Чтобъ успокоить ихъ и себя, мы повалили Бунина на дно катера, прижали его колѣнами и руками, и въ такомъ положеніи привезли его въ Ораніенбаумъ. На другой день Бунинъ, встрѣтившись со мною, извинялся, что надѣлалъ намъ собою много хлопотъ. Бунинъ любилъ всякаго рода праздники съ попойками, и при такомъ образѣ жизни онъ умеръ въ глубокой старости, пользовавшись всегда цвѣтущимъ здоровьемъ! Моряки славятся долголѣтностію. Бунинъ хотя тоже бывшій морякъ, но давно оставилъ службу; за всѣмъ тѣмъ онъ пережилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и на какомъ-то морскомъ юбилей, куда и онъ былъ приглашенъ, пили за его здоровье, какъ за старшаго между обѣдавшими.

Въ Ораніенбаумѣ я познакомился съ его сестрою Анной Петровной Буниной, извѣстною нашей стихотворицею начала нынѣшняго столѣтія. Мнѣ случилось разъ ѣхать съ нею на небольшомъ катерѣ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Она передана была подъ мое покровительство. Вѣтеръ былъ противный и довольно рѣзкій, качка порядочная. Мы плыли очень долго, чтобъ выдти на вѣтеръ, и вмѣсто веселья употребить паруса. Бунина очень трусила, я тоже былъ не изъ храбрыхъ; мы оба сильно дрожали частію отъ порывистаго вѣтра, а частію отъ безпокойства. Когда стали ставить паруса, катеръ начало сильно качать. Бунина внѣ себя отъ страха стала упрашивать матросовъ всѣми святыми употребить всю осторожность при этомъ маневрѣ, чтобъ катеръ не опрокинуло. «Вѣдь у васъ есть жевы, дѣти!... Поберегите хоть себя для нихъ», кричала она имъ. Парусы были поставлены, и дальнѣйшее наше путешествіе совершилось безъ особенныхъ приключеній. Послѣ того мы съ нею нигдѣ не встрѣчались.

Въ числѣ гостей прїѣхавшихъ къ С. имъ были двѣ дѣвицы Карцовы, дочери предсѣдателя какой-то палаты въ Петербургѣ, уже давно умершаго. Я съ ними слегка познакомился, но уже этого было достаточно, чтобъ сблизиться съ ними въ Петербургѣ: онѣ будутъ мнѣ напоминать Ораніенбаумъ... Дѣйствительно по прїѣздѣ домой я поспѣшилъ явиться къ нимъ. Онѣ считались въ какомъ-то дальнемъ родствѣ съ С. ими. Я тоже родственникъ.....: прекрасный случай къ знакомству. Въ прежнее время родственники не чуждались другъ друга. «Я передъ родней ползкомъ, сыщу ее на днѣ морскомъ», сказала Грибоѣдовъ про Москвичей, долѣе другихъ сохранившихъ старинные обычаи..... Въ послѣдующій, болѣе образованный вѣкъ, родственники часто злѣйшіе враги между собою, и иногда слышпшь такіе ужасные отзывы о братьяхъ, дядяхъ, даже отцахъ и матеряхъ, что удивляешься, какъ языкъ поворачивается. Карцовы жили въ своемъ домѣ въ Коломнѣ совершенно однѣ; ихъ всего было четыре, три изъ нихъ дома, а одна младшая еще въ Институтѣ. Состояніе ихъ было совершенно разстроенное, такъ что для поправленія своихъ обстоятельствъ и уплаты долговъ онѣ собирались продать домъ, что потомъ и сдѣлали. Но вслѣдствіе ли привычекъ нѣкогда состоятельной семьи, или дурного воспитанія, эти дѣвицы бредили гуляньями, танцами, нарядами. Съ перваго же моего у нихъ появленія, когда меня встрѣтили съ чопорностію свѣтскихъ барышень, я увидѣлъ, что я не ихъ поля ягода... Онѣ меня закидали бонтовыми фразами, которыя я сначала принялъ за выраженія лучшаго круга и мною еще недостижимаго общества, но потомъ ясно уразумѣлъ въ настоящемъ ихъ значеніи, то-есть за желаніе блеснуть передо мною заученною ловкостію. Какъ я ни силился вторить имъ въ этомъ отношеніи, все выходило какъ-то нескладно. Очевидно было, что я не способенъ заинтересовать собою этихъ барышень, а онѣ ни въ какомъ случаѣ не могли выполнить моихъ ожиданій найти въ ихъ обществѣ искренность, откровенность и безцеремонность. Я однакожъ не ограничился первымъ визитомъ и по временамъ заходилъ къ нимъ, но впечатлѣнія перваго дня не измѣнились. Вскорѣ дѣвицы разсѣялись: три вышли замужъ, а одна попала куда-то въ гувернантки. Такимъ образомъ кончилось наше знакомство.... У меня снова не осталось ни одного дома, гдѣ я бы могъ душу отвести.

По старой памяти я посѣщалъ вдову Лубьяновича. Къ ней по Воскресеньямъ являлись нѣкоторые къ обѣду. Въ другіе дни пріемовъ не было, да и обѣдовъ не готовили...: она ѣла что попало. У нея было нѣсколько родственниковъ: замужняя сестра съ дѣтьми и братъ съ двумя сыновьями. Всѣ они вовсе ее не любили и ждали съ нетер-

пѣніемъ, когда она умереть, чтобъ получить наслѣдство. Сестра таки дождалась. Иногда я посѣщалъ Любецкихъ; я ихъ любилъ за доброту и простое обхожденіе, но печальное происшествіе въ ихъ семействѣ разъединило насъ. Сынъ старушки по покровительству Лубьяновича, отправленъ былъ для воспитанія въ Москву въ благородный пансіонъ. Онъ учился дурно. Вышедъ оттуда, онъ поступилъ на службу въ Департаментъ Госуд. Казначейства; жалованье, разумѣется, положено было ему маленькое... Онъ между тѣмъ еще въ Москвѣ съ товарищами узналъ прелести жизни. Мать не могла давать ничего ему на содержаніе; онъ сталъ пріискивать средства жить получше и не находилъ ничего другаго, какъ брать жалованье впередъ и занимать деньги, гдѣ случится. Наконецъ юноша рѣшился вступить на службу по полиціи, надѣясь тамъ поправить свои обстоятельства. Убѣжденія матери не подѣйствовали; онъ стоялъ упорно на своемъ. Нечего было дѣлать; она собралась съ силами и обмундировала его. На первое время въ полиціи, по принятому тамъ правилу, жалованья ему не назначили и особенной должности не дали, а поручили ему наблюденіе за арестантами при производствѣ ими общественныхъ работъ. Онъ постоянно долженъ былъ находиться на улицахъ. Всего менѣе онъ ожидалъ подобныхъ занятій. Онъ тщательно пряталъ свою фигуру, когда проходилъ какой нибудь знакомый. Прошло мѣсяца два..... Юноша не выдержалъ. Положеніе его было до того для него невыносимо, что онъ рѣшился бросить полицейскую службу; попросился въ отставку и получилъ ее..... Чтѣ ему оставалось дѣлать? Надобно было искать мѣста. Долго перебивался онъ кое-какъ; нигуда пріютиться не могъ; наконецъ явился къ прежнему начальству въ Департаментъ и просилъ объ опредѣленіи туда снова на службу. Изъ уваженія къ матери, которую нѣкоторые начальники Департамента знали по отношеніямъ къ дому Лубьяновича, молодой человѣкъ былъ принятъ, но съ уменьшеннымъ противъ прежняго жалованьемъ... Я снабдилъ его нѣкоторымъ платьемъ, другіе также помогли ему въ чемъ могли; но все этого было мало... Онъ просилъ какого нибудь изъ казны пособія, но въ этомъ было ему отказано. Жилъ онъ не съ матерью, а недалеко отъ Департамента. Въ одно утро, часу въ 6-мъ разбудилъ меня экзекуторъ Департамента, прибѣжавшій ко мнѣ въ попыхахъ съ извѣстіемъ, что Любецкій застрѣлился. Я поспѣшно одѣлся и побѣжалъ на его квартиру. Молодой человѣкъ лежалъ на полу окровавленный и безъ дыханія. Передъ нимъ стоялъ столикъ, на которомъ онъ установилъ складное зеркало и, смотрѣвшійся въ него, вставилъ себя въ ротъ пистолетъ. Пуля пробила ему сзади черепъ и вылетѣвъ ударилась въ стѣну. Я принялъ на себя непріятную обязанность извѣ-

стить объ этомъ его родныхъ и заняться его погребеніемъ. На другой день мать съ дочерью пріѣхали съ нимъ проститься, и трупъ несчастнаго былъ вывезенъ на отведенное для самоубійцъ мѣсто безъ всякаго церковнаго обряда и церемоніи. Я предвидѣлъ эту катастрофу и, замѣчая паденіе духа юноши, сильно хлопоталъ у начальства о назначеніи ему изъ казны пособія, говоря, что онъ способенъ лишиться себя жизни, если ему не помогутъ. На это мнѣ отвѣчали: «Э, повѣрьте. Кто грозитъ застрѣлиться, тотъ никогда этого не сдѣлаетъ». Мое предсказаніе сбылось! Послѣ этого происшествія Любецкіе, получившіе еще прежде въ управленіе школу дѣтскаго пріюта на Васильевскомъ острову, исключительно посвятили себя этому дѣлу и мало показывались въ обществѣ. Я къ нимъ заѣзжалъ, но очень рѣдко.

Тоска не переставала преслѣдовать меня. Ничто не радовало меня въ жизни. Одинъ, вѣчно одинъ! Это одиночество питалось только мыслию о моей доброй Душѣ, которую я съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе любилъ. Я мечталъ о ней и днемъ, и ночью, и на службѣ, и въ гостяхъ, если случалось куда-нибудь попадать. Это меня оживляло, облагораживало. Я неспособенъ былъ ни къ какому дурному поступку; мнѣ казалось, что она слѣдитъ за всѣми моими движеніями; какимъ же образомъ я рѣшусь сдѣлать что-нибудь гадкое?.. Уваженіе ея было для меня дороже всего на свѣтѣ: она была моимъ ангеломъ-хранителемъ. Я видѣлъ, что она меня любила, она.... существо такое чистое, такое изящное не могла бы любить человѣка съ порочными и грязными стремленіями. Думая о ней, я возвышался духомъ; мнѣ представлялось, что она сошла съ неба нарочно, чтобъ украсить мою жизнь, что въ ней нѣтъ ничего общаго съ прочимъ человѣчествомъ. Я воображалъ ее соединеніемъ всѣхъ совершенствъ природы. Долго я находился въ этомъ настроеніи чувствъ, и эту эпоху жизни считаю самою лучшею и благороднѣйшею. Она оставила слѣдъ самыхъ чистыхъ наслажденій и имѣла благотвѣтельное вліяніе на мою душу *).

Въ числѣ знакомыхъ, бывавшихъ у С. . . . ихъ, нѣкоторые особенно были внимательны къ Душѣ, но никто однакожъ серьезно не думалъ искать руки ея. Этому причиною, конечно была семейная ея обстановка. Отецъ былъ человѣкъ вѣзломощный крикунъ, любилъ командовать, и его старались избѣгать; тѣмъ менѣе рѣшались бы вступать съ нимъ въ родство. Дѣла ихъ были въ безпорядкѣ, жили они довольно безтолково и въ будущемъ не предвидѣлось для нихъ ничего

*) L'amour seul peut procurer le bonheur. Dieu tout puissant! Accordez moi le bonheur d'aimer et d'être payé de retour, car l'amour me raffermir dans le sentier de la vertu (Beethoven).

хорошаго. Между прочимъ любилъ Душу страстно гусарскій офицеръ Мартыновскій, отличный молодой человекъ съ благороднѣйшими качествами и возвышенною душою. Онъ исполнилъ ее оцѣнилъ, но въ сношеніяхъ съ нею былъ весьма робокъ и не позволялъ себѣ увлеченія. Онъ тайлъ свою страсть и былъ скромнень, какъ школьникъ, вступающій въ свѣтъ. Мы скоро съ нимъ подружились; онъ любилъ говорить со мною о ней; я самъ любилъ этотъ разговоръ. Предметъ равно интересовалъ обоихъ. Онъ не имѣлъ возможности жениться на ней. У обоихъ не было состоянія; въ его положеніи нельзя было заводиться женою; тѣмъ не менѣе онъ мечталъ со временемъ получить возможность достигнуть своей цѣли. Онъ объяснился съ Душею, взявъ съ нее слово не принадлежать никому, кромѣ его, и меня просилъ быть за него ходатаемъ. Я худо выполнялъ его просьбу, самъ сильно любилъ Душу и вовсе о немъ не заботился, но между тѣмъ былъ не настолько эгоистъ, чтобъ помѣшать ихъ соединенію, если бы обстоятельства помогли этому. Я слишкомъ былъ молодъ и незначителенъ, чтобъ думать о женитьбѣ; качества Мартыновскаго ручались мнѣ, что она была бы съ нимъ счастлива, но имѣлъ какое-то предчувствіе, что онъ едва ли женится на ней: для этого не достало бы у него силы воли. Нѣтъ ничего легче, какъ влюбиться въ хорошенькую и умную дѣвушку; я тоже влюбился. Но когда дѣло подходитъ къ женитьбѣ, тогда смотришь на предметъ съ другой стороны; тутъ выступаютъ на видъ такія обстоятельства, которые скрывались во время страсти. Предчувствіе мое сбылось, но Мартыновскій тутъ былъ не виноватъ. Открылась Турецкая кампанія 1828 года. Мартыновскій долженъ былъ отправиться съ своимъ полкомъ *) въ Турцію и тамъ въ дѣлѣ подъ Кулевчами погибъ. Онъ командовалъ эскадрономъ; ему велѣно было сдѣлать фальшивую атаку, чтобъ отвлечь вниманіе Турокъ и потомъ обратиться тотчасъ назадъ. Маневръ сдѣланъ удачно; Турки погнались за убѣгающими гусарами. Нужно было нашимъ перескочить довольно широкій ровъ; лошадь Мартыновскаго споткнулась, свалилась въ ровъ, и Турки иарубили бѣднаго сѣдока. Скоро дошла до насъ эта вѣсть. Мы погрузили и скоро забыли о погибшемъ. Мартыновскій показывалъ Душѣ много преданности, но любовь его длилась очень долго: онъ не имѣлъ на столько рѣшительности, чтобъ побѣдить всѣ препятствія. Выжиданія не могли его удовлетворить. Мартыновскій больше вздыхалъ, нежели говорилъ; онъ не дѣйствовалъ на Душу магнетически, что такъ сильно очаровываетъ женщину. Онъ какъ будто боялся произнести страстное слово, хотя можетъ быть и сильно чувствовалъ. Душа ко-

*) Иркутскіямъ гусарскимъ.

нечно отдала бы ему предпочтеніе предъ всеміи вздыхателями, но я никогда не замѣчалъ въ ней особенной задумчивости, когда она говорила о немъ. Когда она получила вѣсть о его смерти, глаза ея не пролили ни одной слезинки. Натура ея, впрочемъ, имѣла свои особенности. При необыкновенной ея добротѣ, въ ней было много мужества: она никогда не страдала нервами, была всегда покойна, не поражалась неприятными извѣстіями и сохраняла во всѣхъ случаяхъ присутствіе духа. Можно было бы послѣ этого подумать, что она холодна, но такое мнѣніе было бы ошибочно. Умѣніе управлять собою было слѣдствіемъ здраваго сужденія; она не походила на тѣхъ пзвѣженныхъ и раздражительныхъ женщинъ, которыя предаются унынію и страданію при всякомъ горестномъ случаѣ. Въ ней было много прямоты и истины; она видѣла вещи, какъ онѣ есть, а не такъ, какъ рисуетъ ихъ иногда болѣзненное воображеніе. Никто не могъ упрекнуть ее въ кокетствѣ; какъ Богъ ее сотворилъ, такую она себя показывала. Такой прекрасной натуры нельзя было не любить. Она была истиннымъ другомъ каждаго, кто былъ знакомъ покорооче съ нею.

Съ годами любовь моя къ Душѣ ослабѣла. Я сталъ рѣже ѣздить въ Ораціенбаумъ. Она стала замѣчать, что мнѣ нельзя ограничиться мелкимъ кругомъ; но никогда она мнѣ не упрекнула, что я сдѣлался меньше прежняго къ ней внимателенъ. Между нами осталась дружба, которая продолжалась до позднихъ лѣтъ. Она замужъ не вышла. Старшая ея сестра умерла давно, когда ей минуло едва 20 лѣтъ. Послѣ смерти родителей, Душа жила въ кругу нѣкоторыхъ семействъ, которыя ей помогали и постоянно ее любили.

Заклчивъ разсказъ мой о лучшихъ счастливыхъ дняхъ моей жизни, положенный впрочемъ здѣсь въ сжатомъ видѣ, я почувствовалъ какое-то недовольство собою. Тѣмъ ли должна была кончиться привязанность моя къ этой дѣвушкѣ? Это не была обыкновенная, скоро протывающая любовь. Она продолжалась долго, слишкомъ долго, поддерживаясь уваженіемъ, которое я питалъ къ ней. Можетъ быть, это самое уваженіе было причиною, что любовь должна была погаснуть постепенно; женщины не слишкомъ дорожатъ уваженіемъ. Чтѣ ей въ немъ, когда она не достигаетъ главной цѣли своего бытія, соединиться съ любимымъ человекомъ? Слѣдовало ли мнѣ выказывать ей эту любовь и этимъ какъ бы питать надежды, которымъ суждено не сбыться? Но я ничего не обѣщалъ; любилъ, потому что любилося. И чтѣ выиграла она, если бы я, не рассчитывая жениться на ней, рѣшился, въ какомъ-то странномъ самопожертвованіи, вдругъ бросить ее и отказаться отъ удовольствія видѣться съ нею въ предположеніи, что я доставляю этимъ ей возможность сблизиться съ другимъ человекомъ,

если бы такой случился? Можно дѣлать пожертвованія для любимаго предмета, но не такого рода. Подобнаго не случалось еще въ исторіяхъ любви. Я никому не мѣшалъ: мы считались родственниками, близкія сношенія наши никого не удивляли, это было въ порядкѣ вещей. Если и были у ней поклонники, то не я былъ причиною, что они остались при одномъ поклоненіи; да и она, хотя меня очень любила, не позволяла себѣ ничего такого, что могло удалить ихъ отъ нея. Я первый готовъ былъ помочь соединенію, если бы это отъ меня зависѣло, хотя можетъ-быть въ тоже время и испытывалъ бы нѣкоторое болѣзненное чувство въ родѣ ревности. Я искренно желалъ, чтобъ Мартыновскій женился на ней, будучи увѣренъ, что онъ человѣкъ вполне ея достойный. Но у него не достало энергіи. Онъ принадлежалъ къ разряду личностей съ слабымъ характеромъ, которыя увлекаются, но не дѣйствуютъ. Онъ прѣзжалъ по временамъ сюда въ отпускъ, высказывался ей преданнымъ и потомъ опять надолго уѣзжалъ въ полкъ, ничего не предпринимая. Это недовольство мое самимъ собою имѣетъ основаніемъ принятое въ обществѣ убѣжденіе, что не слѣдуетъ завлекать дѣвицъ, если не имѣешь намѣренія жениться. Но какимъ образомъ уберечься отъ этого? Нельзя же говорить дерзости или грубости, когда получилъ образованіе и по душѣ мягокъ и ласковъ, являться отталкивающимъ веряхою, когда имѣешь вкусъ и понятія о приличномъ, болтать разныя пошлости, когда развить умъ. Женщины сами увлекаются, и не должно ихъ считать такими несамостоятельными существами, которыя живутъ и дѣйствуютъ лишь подъ вліяніемъ увлеченія ихъ другими. Въ истинной любви женщины увлекаются мужчинами въ той же степени, какъ мужчины женщинами. Я говорю въ истинной, потому что есть и другой способъ увлеченія женщинъ, именно, представляя имъ въ перспективѣ удобства жизни и средства къ удовлетворенію ихъ тщеславія, которое въ сердцѣ женщины часто играетъ роль выше любви. Но это къ настоящему предмету не относится. Я любилъ многихъ женщинъ въ жизни, но ни къ одной не испыталъ любви болѣе чистой, благородной, безкорыстной и возвышенной сколько къ С. . . . ой. Я ей много обязанъ за это: она украсила первые годы моей молодости, она развила во мнѣ чувство человѣческаго достоинства.

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРЬЯНА ИВАНОВИЧА САФОНОВИЧА *).

Съ лѣтами я дѣлался развязнѣе и смѣлѣе. Я уже нѣсколько познакомился со свѣтомъ; женщины перестали меня пугать, я начиналъ съ ними бойко говорить. Я случайно попалъ въ нѣкоторые дома, гдѣ меня очень ласково принимали. Мой дальній родственникъ, бывшій Астраханскій губернскій предводитель Милашевъ, женатый на дочери богатаго купца Сапожникова, познакомилъ меня съ Ростовцовыми, которыхъ сестра вышла замужъ за сына Сапожникова. Я бывалъ у нихъ на пиршествахъ, которые давались по случаю этого брака. Александръ и Яковъ Ростовцовы были тогда еще пажами. Съ первымъ мы потомъ служили вмѣстѣ въ Министерствѣ Финансовъ, со вторымъ часто встрѣчались, больше за большими обѣдами, до которыхъ онъ былъ охотникъ. Онъ былъ поэтъ, балагуръ и порядочный кутила. Впослѣдствіи, сдѣлавшись важною особою, онъ перемѣнилъ родъ жизни, но совершенно остепениться не могъ. Въ немъ никогда не замѣчали никакихъ убѣжденій; да ихъ впрочемъ въ Николаевское время и не спрашивали. При Николаѣ онъ былъ строгій до педантизма исполнитель дисциплины, при Александрѣ онъ сдѣлался либераломъ. Онъ былъ тщеславенъ и честолюбивъ, все употребилъ, чтобъ выйти въ люди, и успѣлъ: онъ взялся за дѣло, о которомъ не имѣлъ понятія, и далъ ему движеніе. Пренная бурная жизнь жестоко на немъ отозвалась. Онъ умеръ въ большихъ страданіяхъ, еще въ самой порѣ лѣтъ. Я былъ знакомъ и съ женою его, кроткою и милою женщиною.

Сослуживецъ мой Богдановъ, Новоладожскій помѣщикъ, познакомилъ меня съ своими сестрами и тетками. Они имѣли въ Коломнѣ свой домъ и жили въ довольствіи, но очень скромно. Въ Смольномъ монастырѣ воспитывалась ихъ двоюродная сестра Григорьева, дочь бывшаго совѣтника экспедиціи о госуд. доходахъ. Въ это время она кончила курсъ и оставалась въ заведеніи пепиньеркой. Въ томъ же положеніи находились двѣ ея подруги, Меллеръ и Яковлева. Богдано-

*) См. выше, стр. 145.

вы, посѣщая свою кузину, сблизились и съ тѣми дѣвицами, и такъ какъ пепиньерки могутъ по временамъ выѣзжать изъ монастыря для свиданія съ родными, то всѣ эти дѣвицы условились пріѣзжать къ Богдановымъ по Воскресеньямъ. Монастырки были очень милы, но не зная свѣта, не могли быть еще слишкомъ занимательны. Это были первые ихъ выѣзды въ общество. Нужно было доставлять имъ развлеченія и по возможности ихъ забавлять. Хотя въ домѣ Богдановыхъ не было ничего особеннаго для нихъ интереснаго, но онѣ охотно сюда пріѣзжали, не пропуская ни одного Воскресенья; ихъ сопровождала тетка Меллеръ, монастырская классная дама. По крайней мѣрѣ онѣ находили здѣсь молодыхъ людей, съ которыми понемногу сближались, и именно трехъ братьевъ Богдановыхъ, братьевъ Григорьевой и нѣкоторыхъ еще лицъ, а въ томъ числѣ меня. Мы тоже аккуратно являлись по Воскресеньямъ. Григорьева была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова; тонкія черты, прямой носикъ, отличные голубые глаза, розовый цвѣтъ лица, прямой гибкій станъ. Меллеръ нравилась всѣмъ необыкновенною скромностію и разсудительностію. Яковлева, живая дѣвушка, любила все блестящее, думала только о томъ, какъ бы повеселиться. Сходясь слишкомъ часто другъ съ другомъ, мы немного начинали утомляться. Для разнообразія мы придумали задавать вопросы и писать отвѣты. Каждое Воскресенье мушны приготавливали на бумажкѣ вопросы, и каждая дѣвица, получивъ билетъ, обязана была въ слѣдующее Воскресенье прочесть свой отвѣтъ. Тоже дѣлали и дѣвицы для мушны. Нѣсколько Воскресеньевъ это насъ заняло, но въ послѣдствіи наскучило. Дѣвицы не умѣли сдѣлать это забавнымъ. Онѣ составляли вопросы самые мудреные, изъ высшей философіи, воображая возвысить себя этимъ въ глазахъ мушны.

Однажды мнѣ попался вопросъ: въ чемъ заключается счастье? Я написалъ цѣлую повѣсть, которая очень понравилась моимъ собесѣдникамъ. Я старался доказать, что счастье состоитъ не столько въ обладаніи предметомъ, сколько въ приближеніи къ обладанію, развилъ эту идею, представилъ разные случаи жизни отъ молодости до старости, съ какимъ жаромъ человекъ стремится получить что-нибудь и какъ потомъ охладѣваетъ къ полученному. Повѣсть эту я отправилъ потомъ къ Гречу, который и напечаталъ ее въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ «Сынъ Отечества». Черезъ нѣкоторое время, при разборѣ разныхъ статей журналовъ того года, какой-то неизвѣстный критикъ коснулся и моей повѣсти; онъ нашелъ ее почему-то безнравственною и вольною. Гречъ въ послѣдующемъ за тѣмъ номерѣ защищалъ ее и между прочимъ сказалъ, что если цензура ее пропустила, то видно, что въ статьѣ нѣтъ ничего непозволительнаго.

Изъ трехъ дѣвицъ мнѣ въ особенности нравилась Меллеръ. Ея кротость и основательность произвели на меня особенное впечатлѣніе. Я желалъ обратить на себя ея вниманіе и никакъ въ этомъ не успѣвалъ; она была вообще со мною весьма неразговорчива, отвѣчала мнѣ коротко, отрывисто, какъ будто не хотя. Я не находилъ и не умѣлъ продолжать разговоръ. Это меня бѣсило, но не отнимало бодрости; чѣмъ холоднѣе была она ко мнѣ, тѣмъ упорнѣе стоялъ я въ своемъ намѣреніи заслужить ея расположеніе. Напрасный трудъ: я ни въ чемъ не успѣвалъ. Однажды я обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ; она отвѣчала мнѣ съ обыкновенною сухостію. Мнѣ стало крайне досадно, и я рѣшился ей замѣтить, что казалось бы самое приличіе требуетъ нѣкотораго вниманія къ моимъ словамъ и, не дождавшись ея отвѣта, удалился отъ нея. Съ этого времени я болѣе съ нею не говорилъ. Встрѣчаясь съ нею довольно часто, я поступалъ какъ незнакомый, который видитъ ее только въ первый разъ, кланялся сухо; она тоже выдерживала характеръ, и такимъ образомъ мы на всегда съ нею разстались. Какъ бы то ни было, но такое презрѣніе ко мнѣ этой дѣвушки было очень оскорбительно для моего самолюбія. Я объяснялъ это недостаткомъ воспитанія, незнаніемъ приличій свѣта, наконецъ необыкновенною холодностію ея натуры. Другіе, которымъ я жаловался на такое обращеніе ея со мною, старались увѣрить меня, что она была очень равнодушна къ одному изъ Богдановыхъ (офицеру гв. Финляндскаго полка) и поэтому не могла слушать съ удовольствіемъ никого другого. Можетъ быть, тутъ была частица правды, но во всякомъ случаѣ это не давало ей права быть со мною такъ мало привѣтливой, даже можно сказать, грубой. За всѣмъ тѣмъ я не переставалъ ее уважать и искренно желалъ ей счастья. Всѣ три дѣвицы вышли замужъ. Судьба ихъ была различна. Въ Григорьеву влюбился слишкомъ 60-лѣтній старпкъ тайн. совѣт. Козловскій, нѣкогда командиръ Преображенскаго полка (въ Тильзитскую кампанію). Онъ былъ очень богатъ, схоронилъ уже двухъ женъ; отъ нихъ имѣлъ сына, съ которымъ былъ не въ ладу и дочь (за мужемъ за ген. губер. западной Сибири Дюгамелемъ). Онъ посватался; родные были рады такой блестящей партіи, хотя старикъ былъ ей не по сердцу, но разбѣжать въ ея положеніи было трудно. Она рѣшилась. Молодые задали великолѣпный балъ. Я танцовалъ до упаду, было необыкновенно весело. Послѣ того мужъ заперъ въ домѣ всѣ двери для кого бы ни было, одни братья ея къ ней по временамъ приходили (ихъ не лъзи уже было не пускать). И такимъ образомъ Козловскій ухитрился прожить съ своею послѣднею женою около 25 лѣтъ. Во все это время онъ окружалъ ее всѣми удобствами жизни, берегъ ее, лелѣялъ, смотрѣлъ,

чтобъ она не съѣла и не выпила чего нибудь лишняго, не пускалъ на воздухъ, чтобъ не простудилась; каждый день она надѣвала изъ многочисленнаго своего гардероба то платье, какое онъ указывалъ. Иногда онъ катался съ нею по улицамъ, но такъ, чтобъ ея никто не видѣлъ. Она произвела ему сына и дочь. Я всегда интересовался у братьевъ ея о томъ, какъ она живетъ. Она постоянно жаловалась на нездоровье и до такой степени привыкла къ своему положенію, что разучилась понимать, что такое скука: мужъ истребилъ въ ней всѣ желанія. Наконецъ онъ умеръ слишкомъ 85 лѣтъ отъ роду. Случайно встрѣтился я съ нею на набережной Невы, гдѣ она гуляла недалеко отъ своего дома, который мужъ купилъ на ея имя. Она была блѣдна, худа и сильно постарѣла, хотя ей не было еще и 45 лѣтъ. Куда дѣлась прежняя ея блистательная красота, на которую всѣ заглядывались!.. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи я пріѣхалъ къ ней съ визитомъ; двери уже были открыты, но въ нихъ никто не входилъ. Я нашелъ ее сидящею въ парадныхъ комнатахъ, грустною, болѣзненною и ко всему равнодушною. Мы припомнили нѣсколько былыхъ времена, но видимо было, что это ея не интересовало. Эготъ первый визитъ мой былъ и послѣднимъ. Я болѣе съ нею не видѣлся. Она вскорѣ умерла.

Меллеръ вышла замужъ за какого-то неотесанаго моряка, съ которымъ долго не прожила. На Яковлевой женился кирасирскій полковникъ Тимковскій. Въ промежуткахъ 30 лѣтъ послѣ перваго нашего знакомства я нѣсколько разъ встрѣчался съ нею въ Петербургѣ, куда они пріѣзжали изъ губерніи, гдѣ стоялъ полкъ, имъ командуемый. Она всегда была румяна, здорова, весела и каждый разъ была очень рада меня видѣть. О прошедшемъ мы говорили съ большимъ оживленіемъ.

Я продолжалъ посѣщать домъ Богдановыхъ, гдѣ потомъ мнѣ случилось встрѣтить особу, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Съ семействомъ Богдановыхъ случилось весьма печальное происшествіе. Одна изъ тетокъ ихъ, старшая Богданова, очень умная и милая дѣвица, уже не первой молодости, и сестра Козловской Григорьевы, только что вышедшая изъ института, отправились изъ деревни куда-то зимою. Для удобства и сокращенія пути они поѣхали по льду по рѣкѣ Волхову, какъ всѣ это дѣлали въ то время. Вѣроятно ящики какъ нибудь съѣхалъ съ проѣзжей дороги, ледъ подъ ними подломился, и кибитка провалилась въ воду. Всѣ три путешественницы погибли; нельзя было никого спасти. Около того же времени Богдановъ, мой сослуживецъ, предста-

вившій меня своимъ сестрамъ, найденъ былъ въ одно утро за городомъ во рву мертвымъ. Какъ онъ туда попалъ, осталось неизвѣстнымъ.

Любовь моя къ музыкѣ доставила мнѣ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ въ домахъ, гдѣ были любители, собиравшіе къ себѣ иногда артистовъ. Было бы излишне исчислять ихъ; остановлюсь на нѣкоторыхъ, оставившихъ во мнѣ воспоминаніе по другимъ отношеніямъ, кромѣ музыки.

Но прежде, нежели заняться ими, чтобъ рассказать о нихъ въ нѣкоторой послѣдовательности, не могу пропустить описанія происшествія 14-го Декабря 1825 года, насколько я самъ былъ его очевидцемъ. День этотъ слишкомъ памятенъ для меня, хотя я и не разыгрывалъ въ этомъ дѣлѣ никакой роли. Это случилось въ Субботу. Въ департаментѣ, гдѣ я занимался своимъ дѣломъ, разнесся слухъ, что происходитъ какое-то волненіе на Исакиевской площади, и войска вышли изъ послушанія. Кончивъ свои занятія, я отправился на мѣсто происшествія, куда стремилась толпа народа. День былъ теплый, не болѣе 5-ти градусовъ мороза. Я остановился на Адмиралтейскомъ бульварѣ; далѣе идти было трудно. Встрѣтившіеся знакомые мои сообщили мнѣ, что за нѣсколько минутъ передъ симъ пронесли раненаго гр. Милорадовича (Петерб. ген.-губернатора). Съ свойственнымъ ему молодечествомъ онъ рѣшился подойти къ бунтующимъ войскамъ, чтобъ уговорить ихъ возвратиться къ порядку; но въ это время изъ массы кто-то выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Пуля попала ему въ животъ, и онъ упалъ. Протискиваясь далѣе, я увидалъ, что инсургенты въ сплошной колоннѣ стояли возлѣ Сената, лицомъ къ Адмиралтейству; къ нимъ прибывали еще нѣкоторые отряды. Въ народѣ говорили, что послали за митрополитомъ, который, прибывъ къ мѣсту, сталъ говорить войскамъ рѣчь, но тамъ поднялся крикъ съ угрозами, и митрополитъ усакалъ назадъ. Послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ убѣдить волнующихъ рѣшили прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Императоръ Николай разѣзжалъ все время верхомъ на площади между Адмиралтействомъ и губернскими присутств. мѣстами. Возлѣ него никого не было, онъ былъ совершенно одинъ. Недалеко отъ него рисовался тоже верхомъ отставной генералъ Албрехтъ въ бекешѣ; онъ поклонился Государю и продолжалъ кружиться на площади. Мимо Государя прошла команда Лейбъ-Гренадерскаго полка. Никто ея не останавливалъ. Потомъ сказывали, что она шла изъ своихъ казармъ соединиться съ бунтующими. Между тѣмъ становилась уже темно. Прискакала гвардейская артиллерія и расположилась противъ Сената вдоль всего бульвара. Черезъ нѣкоторое время грянула пушка, дру-

гая. Онѣ были заряжены холостымъ зарядомъ. Это не произвело никакого дѣйствія на возмущившихся. Тогда въ зарядъ положили картечи и грянули. Народъ попадалъ и бросился бѣжать кто куда попало. Солдаты побѣжали по Галерной улицѣ, и тутъ въ тѣснотѣ имъ сильно досталось; другая часть бросилась на Неву, чтобъ перебраться по льду на другую сторону. Здѣсь оказалось меньше раненыхъ. Къ 5-ти часамъ площадь была очищена. Публика разошлась. Остались одни войска на бивакахъ. Въ Петербургѣ никто не имѣлъ понятія какого рода эта революція и чего хотѣлось явившимся на площадь войскамъ. Всякій рассказывалъ исторію по своему. Всѣмъ очень странно казалось, отчего бунтующіе такъ долго стоятъ на площади и никуда не двигаются, и почему они прямо не пошли во дворецъ, гдѣ могли бы захватить Государя и другихъ, кого имъ надобно было. Бѣдные, увлеченные солдаты, сами не сознавая цѣли, для чего ихъ сюда привели революціонеры, забыли на дворѣ въ продолженіе слишкомъ семи часовъ и потомъ, встрѣченные картечами, должны были бѣжать со стыдомъ или прорадоваться въ мукахъ отъ ранъ, если кто остался живъ. Въ обществѣ много говорили объ этомъ дѣлѣ; такое важное происшествіе доставило всѣмъ предметы для разговора, но никто почти не сочувствовалъ бунтовщикамъ: всѣ ихъ осуждали, главнѣйше за то, что они воспользовались невѣжествомъ солдатъ и, не объяснивъ имъ настоящей цѣли своихъ дѣйствій, представили ее совершенно въ другомъ видѣ, и именно, что у законнаго царя Константина Павловича отнимается престолъ по интригамъ Николая Павловича. Они рассчитывали на содѣйствіе солдатъ въ этомъ дѣлѣ довольно правильно, опираясь на законность; но ея въ дѣйствительности не было: они скрыли отъ нихъ, что Цесаревичъ отказался отъ престола и предоставилъ его своему брату. Это былъ плохой расчетъ со стороны предводителей. На обманъ нельзя основывать успѣховъ: онъ скоро открывается, и введенные въ заблужденіе, при открытіи истины, немедленно отказываются отъ соучастія. Впрочемъ послѣдствія доказали, что и сами предводители не составили себѣ яснаго и вѣрнаго плана. Они дѣйствовали на авось. Подобныя революціи отзываются еще младенчествомъ. Происшествіе 14 Декабря замѣшало въ дѣло множество молодыхъ людей хорошихъ фамилій и пзвѣстныхъ въ обществѣ; въ каждомъ домѣ упоминалось о комъ-нибудь изъ знакомыхъ попавшихъ въ эту исторію. Графъ Милорадовичъ на другой день умеръ. Тѣло его парадно было выставлено для публики. Въ Московскомъ полку, командиру его Фридрихсу, офицеръ князь Щепинъ-Ростовскій разрубилъ голову саблею, но генералъ выздоровѣлъ; въ лейбъ-гренадерскомъ полку командиръ его Стюрлеръ убитъ. Въ Милорадовича выстрѣлилъ Якубовичъ, офицеръ Нижегородскаго дра-

гунскаго полка, мой товарищъ по пансіону. Онъ былъ въ числѣ пяти повѣшенныхъ. Изъ числа бывшихъ моихъ товарищей оказалось еще нѣсколько человѣкъ замѣшанныхъ, въ томъ числѣ С. И. Кривцовъ, впослѣдствіи мой зять. Изъ нихъ попались преимущественно тѣ, которые находились въ генеральномъ штабѣ изъ бывшей школы генерала Муравьева, отца чинашнихъ извѣстныхъ Муравьевыхъ.

Черезъ нѣсколько дней все было забыто, какъ забывается все скоро въ Петербургѣ. Въ обществѣ мало выработались еще понятія о свободѣ, о конституціи, о самоуправленіи, къ которымъ стремились зачинщики заговора, если только они имѣли все это въ виду. Общество было довольно своимъ положеніемъ, ничего лучшаго повидимому не желало. Журналистика была совершенно безсильна; каждое малѣйшее слово, намекавшее на либерализмъ, преслѣдовалось съ большою строгостію; публика пробавлялась повѣстями, анекдотами, критическими разборами сочиненій нашихъ доморощеныхъ писателей и весьма немногими произведеніями научнаго содержанія, большею частію переводными, выбранными съ особенной осторожностію. Театръ не представлялъ также пьесъ, заманчивыхъ по содержанію; вообще сильно боялись всякаго рода, даже дамскихъ, обличеній. За всѣмъ тѣмъ общество не скучало. Тогда не замѣчалось такого пресыщенія, какое выказалось впослѣдствіи. Жизнь была не дорога; роскошь не успѣла еще проникнуть въ средній кругъ, она держалась только въ высшихъ слояхъ. Звать къ себѣ обѣдать не считалось еще тягостію, да и гости не бывали въ большой претензіи, если найдутъ простыя кушанья. Цѣнились больше радушіе и вниманіе. Надобно было только сблизиться и заслужить расположеніе. Расчетъ не разыгрывалъ въ этомъ случаѣ такой роли, какъ въ послѣдующее за тѣмъ время, когда сходились между собою одни нужные люди. Тогда не было еще такого разъединенія, какое явилось послѣ, за мѣсяца: никто не интересовался, какого кто убѣжденія по тому или другому вопросу, да убѣжденій впрочемъ серьезныхъ и не было; принимали человѣка, потому что онъ былъ любезенъ, умѣлъ говорить и занимать дамъ, хорошо служить, порядочно одѣвается, не слишкомъ много о себѣ мечтаетъ, а до остальнаго никому дѣла не было.

Попавши въ одинъ порядочный домъ, можно было познакомиться и сблизиться со всѣми тѣми, которые бывали въ томъ домѣ. Какъ музыкантъ, я познакомился со служившимъ въ Комиссіи Прошеній, членомъ, Со . . . , у котораго дѣти много и съ успѣхомъ занимались музыкою. У нихъ часто исполнялись квартеты, и тамъ я приобрѣлъ способность разыгрывать довольно бойко творенія замѣчательныхъ

квартирныхъ композиторовъ, что мнѣ пригодилося навсегда. Дочери С. . . , образованныя на манеръ Англіійскій дѣвицы, были очень ласковы и любезны. Я съ ними проводилъ пріятно вечера, когда у нихъ никого не собиралось. Дружба моя съ ними продолжалась очень долго. Въ домѣ ихъ я познакомился съ семействомъ Ворониныхъ, съ которыми вскорѣ коротко сблизился. Они принимали меня какъ родного. Наконецъ мой товарищъ по пансіону Ник. Антоновскій, сынъ Михаила Антоновича, познакомилъ меня съ семействомъ Даргомыжскихъ. Онъ ухаживалъ за старшею дочерью ихъ, на которой потомъ и женился. Большую часть времени я проводилъ исключительно въ этихъ трехъ домахъ, гдѣ во всякое время я находилъ пріемъ и самый любезный привѣтъ. Нѣкоторыя интересныя подробности до моихъ отношеній къ нимъ касающіяся пложены будутъ ниже.

Успѣхи мои по службѣ были довольно медленны, но Розенбергъ помнилъ однакожъ, что я скучалъ своими занятіями и искалъ чего-нибудь лучшаго. Онъ рѣшилъ меня устроить и при первой возможности предоставилъ мнѣ мѣсто правителя канцеляріи департамента на мѣсто Лавриновскаго, которымъ былъ недоволенъ. Я сталъ получать жалованья по 3000 р. въ годъ, и сверхъ того дана мнѣ казенная квартира въ домѣ департамента, очень прличная, въ бельэтажѣ. Этого содержанія, съ присоединеніемъ къ нему процентовъ съ моего капитала, доставало мнѣ не только на нужное, но и на прихоти. Я обзавелся порядочнымъ хозяйствомъ; отопленіе мнѣ ничего не стоило. Съ новымъ моимъ мѣстомъ, конечно, прибавились у меня занятій; но они ничего не значили въ сравненіи съ обязанностями, которыхъ требовала отъ меня щепетильная мелочность Розенберга. Онъ завелъ такой порядокъ, что всѣ входящія бумаги, которыя отсылались къ нему на домъ, онъ, по прочтеніи ихъ, присылалъ ко мнѣ въ особо запечатанномъ пакетѣ, и я долженъ былъ въ полученіи пакета дать расписку, которая курьеромъ въ тотъ же вечеръ представлялась Розенбергу. Сначала я покорился этому распоряженію, желая въ точности выполнять его волю, но мало-по-малу началъ этимъ сильно скучать. Я долженъ былъ сидѣть дома, пока не принесутъ ко мнѣ этихъ бумагъ; иногда это случалось довольно поздно. Бывало, я не обѣдалъ дома; тогда я сказывалъ людямъ, гдѣ меня отыскать можно, курьеръ являлся туда и бралъ съ меня расписку; но не всегда можно было это дѣлать. Если курьеръ меня не заставалъ и не зналъ, гдѣ меня найти, онъ являлся къ Розенбергу безъ моей расписки. Розенбергъ каждый разъ за это на меня сердился. Я это зналъ и старался приучить его къ тому, чтобъ онъ не давалъ большого значенія уклоненію моему отъ да-

чи расписокъ. Однажды, во время моего отсутствія, бумаги были у меня оставлены безъ расписки. Между бумагами случился указъ о выдѣлѣ изъ казны денегъ на путешествіе по Россіи извѣстнаго Гумбольта. Указъ, конечно, не могъ быть исполненъ прежде другого дня, и задержки никакой не случилось бы; но Розенбергъ, давно собиравшійся сдѣлать мнѣ серьезный выговоръ, воспользовался этимъ случаемъ и утромъ рано, часу въ 8-мъ, на другой день прислалъ за мною курьера. Я ожидалъ большой головомойки, но укрѣпился духомъ, рѣшился выдержать замѣчанія и сдѣлать ему сильный отпоръ. Я проворно одѣлся и побѣжалъ въ департаментъ. Онъ ожидалъ меня; на лицѣ его написано было, какъ внутренно онъ злился. Я подошелъ къ нему спокойно, какъ будто ничего не зная, зачѣмъ меня спрашиваетъ. «Что это значитъ, сказалъ онъ, что васъ никогда дома нѣтъ? Вы спите, Богъ знаетъ, до какого часа, дѣла останавливаются отъ вашего нерадѣнія». Я съ твердостью его выслушалъ и отвѣчалъ, что онъ совершенно напрасно сердится, что это только разстраиваетъ его здоровье и что дѣло, наконецъ, нпмало не остановилось отъ того, что вчера я не былъ дома: ему сейчасъ дано будетъ движеніе. Я ушелъ отъ него и ожидалъ, что будутъ непріятныя для меня послѣдствія. По прошествіи двухъ или трехъ часовъ Розенбергъ потребовалъ меня къ себѣ. Я подошелъ къ нему. Садитесь, сказалъ онъ мнѣ, указывая на стулъ возлѣ себя (Добрый знакъ!) Если хотите служить хорошо, то исполняйте то, что отъ васъ требуютъ, а иначе оставляйте департаментъ. Я не устоялъ противъ ласковаго слова (у меня брызнула слеза), и отвѣчалъ ему, что первое мое желаніе ему угодить, но просилъ его согласиться, что молодому человѣку нельзя вести такой строгой и аккуратной жизни, какъ человѣку пожилому и семейному, что ему нужно нѣкоторое развлеченіе, котораго, сидя дома, онъ не найдеть и что весьма простиительно ему искать общественныхъ удовольствій, если отъ того нѣтъ упущеній по службѣ. Старикъ прочелъ мнѣ нѣсколько наставленій безъ всякой желчи, въ родѣ отеческихъ, и отпустилъ. Я былъ очень радъ, что дѣло этимъ кончилось. Съ этого времени я сталъ замѣчать, что Розенбергъ какъ-то особенно былъ ко мнѣ внимателенъ, позволялъ себѣ со мною нѣкоторыя шутки, начиналъ иногда разговоръ о предметѣ, вовсе до службы не касающемся, чего прежде не бывало въ сношеніяхъ со мною, и вообще былъ ласковѣе. Я не зналъ, чѣмъ объяснить эту перемену; доволенъ ли онъ былъ больше прежняго моею службою, или хотѣлось ему изгладить непріятныя впечатлѣнія отъ излишней его требовательности? Онъ видимо обращался со мною уже какъ съ солиднымъ чиновникомъ, а не какъ съ юношею, котораго надобно держать еще въ рукахъ. Довѣ-

ренность его ко мнѣ съ каждымъ днемъ усиливалась, и я сталъ замѣчать, что ему хотѣлось еще болѣе сблизиться со мною, но онъ не рѣшился высказать это явнѣ. У него была одна только дочь, которую онъ много любилъ. Она отлично играла на фортепьянахъ и, старику хотѣлось всѣми силами поддержать въ ней охоту къ музыкѣ. Лучшіе учителя давали ей уроки. Онъ зналъ, что я играю на скрипкѣ, интересовался, могу ли я акомпанировать и читать легко ноты; я отвѣчалъ утвердительно, сейчасъ догадавшись, что ему не было бы непріятно свести меня съ дочерью. Но гордость его устояла отъ искушенія; онъ не продолжалъ разговора, и послѣ о музыкѣ и рѣчи не было. Я бывалъ у него раза два - три вечеромъ, но съ семействомъ своимъ онъ меня не познакомилъ, и время мое у него проходило въ томъ, что я смотрѣлъ, какъ онъ игралъ въ шахматы съ какимъ нибудь старичкомъ; я не понималъ ничего въ игрѣ, и она слѣдовательно никакъ меня не интересовала. Розенбергъ былъ строгій лютеранинъ, каждое Воскресенье бывалъ въ церкви, велъ знакомство съ пасторами, читалъ духовныя книги; съ православными онъ не бывалъ на дружеской ногѣ, тѣмъ менѣе рѣшился бы онъ отдать дочь свою за человѣка не одной съ нею вѣры. Дочь его была весьма достойная дѣвушка, свѣта не знала, никуда не выѣзжала, отъ роду не танцевала; къ нимъ молодые люди не ѣздили. Она осталась старою дѣвицею. Въ 1829 году Розенберга поразили параличъ, и въ нѣсколько часовъ его не стало. Тягость свалилась съ плечъ чиновниковъ департамента, которымъ трудно было выдерживать его деспотизмъ. Это непрерывное наблюденіе за каждымъ движеніемъ ихъ, за всѣмъ тѣмъ даже, что дѣлается у нихъ въ семействѣ, до чрезвычайности ихъ утомляло. Никто не смѣлъ провести у себя вечеръ веселѣе обыкновеннаго: онъ узнавалъ все на другой же день.

Послѣ смерти Розенберга, управленіе департаментомъ поручено было министромъ Канкринымъ вице-директору Никол. Роман. Политковскому. Это былъ человѣкъ необыкновенно мягкаго характера, ласковый и снисходительный. Онъ никогда не любилъ заниматься службою, лѣниво вникалъ въ дѣла, неумоимо писалъ письма къ роднымъ и знакомымъ, въ чемъ обыкновенно проходило у него все время въ присутствіи, каждый вечеръ любилъ поиграть въ бостонъ или вистъ и часто присылалъ за мною для составленія его партіи. У него я познакомился съ его двоюродными братьями, Александромъ и Ростиславомъ Подитковскими *). Первый, извѣстный Монтекристо, такъ ловко

*) Оба они были сыновья второго опекуна моего, сенатора Политковского; воспитывались въ Москвѣ въ Университетскомъ пансіонѣ, во уже послѣ моего выхода оттуда.

слишкомъ на милліонъ рублей очистившій кассу Инвалиднаго Комитета, хотя еще очень молодой человѣкъ, но пускался въ довольно большую игру. Мнѣ не случалось съ нимъ играть. Жена Политковскаго была женщина образованная, весьма хорошей фамиліи и имѣла не-большое имѣніе въ Псковской губерніи, куда ѣздила съ дѣтьми на лѣто. Управляя департаментомъ, мужъ ея не могъ ихъ сопровождать. Въ отсутствіи ихъ онъ сильно простудился; сдѣлалось у него воспаление въ почкахъ; страданія его были невыносимыя. Къ несчастію въ первый день его болѣзни прислано было секретное предписаніе о выпускѣ 1-ой серіи билетовъ Государственнаго Казначейства. Работы этой нельзя было поручать другому, и онъ самъ долженъ былъ ею заняться. Онъ принялся писать, но отъ мучительной боли непрерывно ошибался. Ему нельзя было ее продолжать, и онъ ее мнѣ сдалъ. Въ два дня мы ее кончили; на третій день ему сдѣлалось хуже; онъ слегъ въ постель и болѣе съ нею не вставалъ; на седьмой день скончался. Никто изъ семьи не закрылъ ему глазъ, оставался при немъ одинъ слуга. Призванный въ началѣ болѣзни департаментскій врачъ конечно много виноватъ въ такой преждевременной кончинѣ; казалось, можно было бы помочь, если бы приняты болѣе дѣйствительныя мѣры. Оставалось всѣмъ намъ сожалѣть, что на это время не случилось при немъ жены.

Послѣ него назначенъ директоромъ департамента Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, бывшій до этого времени директоромъ канцеляріи министра финансовъ. Канкринъ что-то съ нимъ не ладилъ и постарался спустить его отъ себя, воспользовавшись открывшеюся ваканціею. На мѣсто же его взялъ брата его Александра Максимовича, который въ это время былъ исправляющимъ должность вице-директора департамента Госуд. Казначейства. Дмитрій Максимовичъ былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, зналъ хорошо дѣло и въ сношеніяхъ съ другими пріятный и вѣжливый. Его всѣ полюбили. Въ обществѣ онъ пользовался уваженіемъ; дома собиралъ у себя литераторовъ, съ которыми онъ велъ давнишнюю дружбу, самъ извѣстный между ними какъ издатель Русскихъ пословицъ (произведеніе крайне несовершенное, потому что Княжевичъ больше жилъ за границею, нежели въ Россіи, которую онъ очень мало зналъ). Для повѣрки нашихъ заграничныхъ денежныхъ счетовъ съ Австрійскимъ правительствомъ послѣ войны 1814 и 1815 г., была учреждена въ Вѣнѣ комиссія, подъ главнымъ завѣдываніемъ со стороны Русскаго правительства Канкри-

Ростиславъ служилъ въ гвардейской артиллеріи, умеръ председателемъ Владимирской Казенной Палаты.

на, въ эту комиссію командированы были отъ насъ нѣкоторые чиновники, и въ томъ числѣ оба Княжевичи, которые прожили тамъ лѣтъ нѣсколько. Дмитрій Максимовичъ въ Вѣнѣ женился на Нѣмочкѣ, которая по прїѣздѣ въ Россію какъ ни старалась выучиться по-русски, но никакъ въ этомъ не успѣвала. У нея былъ ужасный выговоръ. Это обстоятельство отчуждало ее отъ Русскаго общества, между тѣмъ какъ Княжевичу очень хотѣлось принимать у себя и жить повеселѣе. Въ немъ самомъ не выработалось настолько ловкости и умѣнія, чтобъ занять гостей своихъ. Онъ давалъ у себя по временамъ очень интересные маскарады: каждый долженъ былъ явиться костюмированнымъ и исполнить какую нибудь роль. Нѣкоторые выполняли эту обязанность съ большимъ успѣхомъ. Я тоже не хотѣлъ отставать въ этомъ отъ другихъ и за недѣлю готовился выказать свою ловкость, составляя запасъ разныхъ остротъ, стиховъ и другихъ фразъ относящихся до моей роли. Подобные вечера были очень оживлены.

Въ департаментѣ служилъ начальникомъ отдѣленія Александръ Ефимовичъ Измайловъ, извѣстный баснописецъ. Мы съ нимъ сблизились. Онъ затѣялъ издавать еженедѣльный журналъ «Благонамѣренный», и я доставлялъ ему нѣкоторыя статьи для журнала, большею частію переводныя. Изданіе шло худо, не пользовалось особеннымъ расположеніемъ публики, доходовъ издателю не приносило, хотя и было задумано съ цѣлью поправить денежные обстоятельства, которые, при большомъ семействѣ, находились въ дурномъ положеніи. У Измайлова не было дѣятельныхъ сотрудниковъ; онъ самъ много работалъ; журналъ выходилъ неисправно, но издателю прощали, потому что его всѣ любили за добродушіе и гостепріимство и желали успѣха его предпріятію. Статейки его произведенія, не отличаясь особенною изыщностію, иногда очень смѣшили. Онъ помѣщалъ свои басни, небольшія стихотворенія и анекдоты, исполненные оригинальнаго юмора. Измайловъ былъ поэтъ не для гостиныхъ. Независимо отъ журнала, онъ издалъ альманахъ подъ названіемъ «Календарь Музъ». Я помѣстилъ въ немъ свою повѣсть: «Что скажутъ». Идея повѣсти была та, что человѣкъ цѣлую жизнь живетъ не такъ какъ ему пріятно, а какъ велитъ общество со всѣми принятыми обычаями и предрассудками. Вся эта литература наша была бѣдна, не приносила никому ни денегъ, ни извѣстности. Ее можно было назвать поденщиной. Скоро Измайловъ оставилъ свой журналъ. Онъ получилъ мѣсто въ Твери предсѣдателя Казенной Палаты, которое лучше могло бы обезпечить его положеніе, если бы онъ рѣшительно отказался отъ писательства. Но чрезъ нѣкоторое время онъ не поладилъ съ тамошнимъ губерна-

торомъ; затѣялась большая переписка, и Измайловъ переведенъ былъ въ такую же должность въ Архангельскъ. Но и здѣсь служба его была неудачна; онъ сталъ ссориться съ правителемъ канцеляріи тамошняго военнаго губернатора Клокачева, Шамаринымъ, котораго Измайловъ называлъ *chat marin**). Мы вели съ Измайловымъ переписку, и онъ мнѣ передавалъ всѣ интриги противъ него. Письма его были довольно обширны, и я всегда удивлялся, когда у него достаетъ время на подобное писаніе; но это вошло уже въ натуру его, хотя по толстотѣ его брюха и одышкѣ ему, казалось, трудно много писать. Во всѣхъ этихъ письмахъ преобладалъ свойственный ему юморъ, и дѣйствительно они были интересны по заключающимся тамъ анекдотамъ и описаніямъ губернскихъ личностей; написаны были притомъ четкимъ и красивымъ почеркомъ и легкимъ, игривымъ слогомъ. Измайловъ недолго усидѣлъ и въ Архангельскѣ. Литераторы видно не годятся для губернской службы, чему доказательство видѣли мы и въ послѣдующія времена. Они считаютъ себя выше окружающей ихъ среды, которая не прощаетъ имъ этого мнѣнія о себѣ и пользуется всѣми случаями удалить ихъ, чтобъ не быть въ непріятномъ для самолюбія столкновеніи съ ними. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Измайловъ вскорѣ умеръ, оставя свое семейство въ бѣдственномъ положеніи.

Мои литературныя начинанія также прекратились. Я не чувствовалъ въ себѣ достаточной подготовки, чтобъ предаться имъ съ большею энергіею. Между прочимъ я много занимался теоретическою частію музыки. Я сталъ углубляться въ древность, хотѣлъ опредѣлить сущность музыки у Грековъ и у Римлянъ, прослѣдить ходъ ея до новѣйшихъ временъ, разыскать, одна ли существуетъ гамма для всего музыкальнаго міра, или каждый народъ имѣетъ свою гамму, и въ послѣднемъ случаѣ какой характеръ каждой гаммы. Трудъ необъятный! Я перечиталъ множество книгъ по этому предмету, дѣлалъ выписки, составилъ списокъ увражей, которые собирался еще прочесть, ходилъ для этого въ Имп. Публичную бібліотеку. Изъ написанныхъ въ списокѣ болѣе 40 увражей въ бібліотекѣ нашелся только одинъ въ нѣсколькихъ томахъ. Всѣ выписки мои я отложилъ въ сторону, полагая когда нибудь привести ихъ въ порядокъ и дѣлать изъ нихъ употребленіе; но я убѣдился, что на это дѣло не достанетъ у меня ни силы, ни знанія, ни времени; жизнь увлекла меня по другому пути, и я уничтожилъ всѣ мои выписки. Онѣ послужили мнѣ только къ тому, что познакомили меня нѣсколько съ этимъ интереснымъ предметомъ.

*) Морской котъ.

Если не далась мнѣ теорія и исторія музыки, то я занимался ею практически, болѣе и болѣе знакомясь съ замѣчательными произведеніями, что развивало во мнѣ изящную сторону моей природы. У Даргомыжскихъ было два сына, молодые юноши: одинъ отличный скрипачъ, къ несчастію умершій, не достигши еще 20 лѣтъ; другой фортепѣанистъ, въ послѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ своими романсами, кантатами и оперою Эсмеральда. Здѣсь лично я не участвовалъ въ исполненіи музыкальныхъ пьесъ, но ограничивался ролью слушателя. Оба юноши мѣтили въ концертисты и имѣли на то право; сестра ихъ играла очень порядочно на арфѣ; слушать ихъ было очень пріятно. Мать ихъ очень скоро меня полюбила и просила меня бывать у нихъ чаще. Это было самое доброе существо въ мірѣ; она не входила ни въ какое хозяйство по дому, писала стихи, непрерывно читала, рѣдко куда выѣзжала, никакихъ знакомствъ не поддерживала и не искала; къ нимъ ѣздили кое-кто и между прочими старый чудакъ, генералъ Копьевъ съ 5-ю дочерьми, одна другой безобразнѣе, впрочемъ весьма неглупыми дѣвушками. Три изъ нихъ успѣли таки выйти замужъ, и одна за морского капитана, назначеннаго начальникомъ въ Камчатку, съ которымъ успѣла познакомиться не болѣе, какъ за недѣлю до отправленія къ мѣсту назначенія. Эти дѣвицы были до того говорливы, что мы съ хозяйкою теряли всякое терпѣніе. Отецъ ихъ былъ въ высшей степени циникъ; одѣвался самымъ неприличнымъ образомъ, вѣчно въ какомъ-то старомодномъ фракѣ и съ ногъ до головы грязный. Въ понятіяхъ своихъ о вещахъ онъ выказывался не менѣе грязнымъ: онъ хвастался, напримѣръ, что по милости нашихъ неясныхъ законовъ, которые можно толковать какъ угодно, онъ успѣлъ нажить себѣ тысячу душъ. Даргомыжская выносила съ ангельскимъ терпѣніемъ это общество. За то, когда мы оставались одни, она вознаграждала себя необыкновенною общительностію. Она передавала мнѣ всѣ душевныя свои тайны. Мало-по-малу она привязалась ко мнѣ со всѣмъ упрямствомъ настойчивой женщины, которая во что бы ни стало достигнетъ, чего хочетъ. Рѣдкій день проходилъ, чтобъ я не получалъ отъ нея какой-нибудь записочки; она затѣвала прогулки, катанья и отыскивали всякіе предлоги, чтобъ быть со мною. Я не могъ чувствовать къ ней особеннаго расположенія: она была уже пожилая лѣтъ и очень некрасива собою, но я не могъ отказать ей въ моей дружбѣ, потому что она была умна и характера живого, веселаго. Мнѣ съ нею не было скучно; я часто просиживалъ у нея по нѣсколько часовъ, не утомляясь ея обществомъ. Она умѣла до безконечности разнообразить разговоръ. Въ домѣ такъ привыкли ко мнѣ, что когда я приходилъ туда, то всѣ уходили изъ ея комнаты и остав-

ляли меня наединѣ съ нею, что мнѣ очень не нравилось, особенно, когда старшая дочь, премилая дѣвушка, еще не выходила замужъ. Я бы предпочелъ поболтать съ дочерью. Но она и всѣ дѣти считали, что я прихожу къ матери и сейчасъ удалялись, чтобъ не мѣшать нашимъ разговорамъ. Наконецъ нападенія на меня маменьки сдѣлались для меня вполне ясными. Я очень удивился и на другой день написалъ къ ней письмо, что вовсе не намѣренъ разыгрывать съ нею роль Ловеласа и просилъ прекратить подобныя съ ея стороны выходки. Она отвѣчала мнѣ въ большомъ разстройствѣ духа, умоляла не толковать ея намѣреній въ дурную сторону, забыть ея поступки и продолжать попрежнему дружескія сношенія. Я явился къ ней на другой день, какъ будто ничего между нами не происходило, ни слова не говорилъ о прошедшемъ, и все осталось въ глубокомъ молчаніи. Видя свои неудачи, она перемѣнила свой планъ и задумала сблизить меня со второю своею дочерью. Не говоря уже о разныхъ намекахъ на это дѣло, она съ намѣреніемъ оставляла меня наединѣ съ дочерью, которой вѣроятно дала нужныя наставленія. Дѣвушка была слишкомъ молода, ей едва минуло 16 лѣтъ, разговора поддержать не умѣла, а притомъ фигура ея не представляла для меня ничего заманчиваго. Я былъ самымъ скромнымъ рыцаремъ и отдѣлывался въ нашемъ *tete-à-tete* одними учтивостями. Впослѣдствіи она вышла замужъ за Степанова, известнаго художника статуетокъ нашихъ поэтовъ и писателей. Такія неудачи въ затѣяхъ Даргомыжской не перемѣнили однакожъ прежнихъ отношеній ея ко мнѣ. Она продолжала быть попрежнему любезною и все мнѣ прощала. У нея было необыкновенно доброе и любящее сердце, я также не могъ на нее сердиться: она въ состояніи была обезоружить самаго придирчиваго человѣка. Дружба наша продолжалась до самой ея смерти. Подъ конецъ она начинала меня утомлять; въ разговорѣ ея не было прежней живости, но я не переставалъ посѣщать ее, находя всегда участіе ея во всемъ, что до меня касалось.

Семейство Вороиныхъ состояло изъ отца и матери, уже весьма преклонныхъ лѣтъ, пяти сыновей и двухъ дочерей. Всѣ они были взрослые. Сыновья давно служили: трое въ гвардіи, а двое въ статской службѣ. Въ нравахъ этого семейства было много патріархальнаго. Оно жило скромно, безъ всякихъ модныхъ претензій; каждое Воскресенье собирались къ обѣду родные и короткіе знакомые, и я попалъ въ число послѣднихъ. Я очень подружился съ сыновьями, особенно со вторымъ, капитаномъ гвардейской артилеріи, большимъ любителемъ музыки. Онъ часто бывалъ у меня, и мы иногда проводили цѣлый день, разыгрывая пьесы въ четыре руки на фортепіанахъ. Я взялъ на про-

коть инструментъ и абонировался на ноты. Оба мы были не очень сильны на этомъ инструментѣ, но у обоихъ насъ такая развилась охота играть, что старались пользоваться всѣми досугами сходитьсь для этого. Плохое исполненіе не приводило насъ въ уныніе, а напротивъ возжигало страсть добиться отчетливости; мы играли до совершеннаго изнеможенія. Вторая дочь Воронныхъ, Анна Ѳедоровна, имѣла превосходный голосъ и пѣла очаровательно. Она занималась пѣніемъ довольно небрежно, но чтò выучивала, то исполняла съ такимъ совершенствомъ, что приводила каждого въ восторгъ. Ее не должно было упрашивать: она никогда не пѣла, если не имѣла расположенія, отказывала рѣшительно, и всякій трудъ уговорить ее присѣсть къ инструменту былъ бы напрасенъ; но если ей приходила охота, то пѣла цѣлый вечеръ, и тутъ надобно было ее слушать. Я не могъ оторваться отъ нея. Какъ музыкантъ въ душѣ, я понималъ всю прелесть ея голоса и выраженія пѣнія; когда слушателемъ ея я былъ одинъ, она съ милою готовностію исполняла все, чтò я просилъ, и внимательность ея чрезвычайно льстила моему самолюбію. Ан. Ѳед. съ малолѣтства была много избалована своими родными, а съ развитіемъ ея таланта, каждый въ домѣ смотрѣлъ ей въ глаза, стараясь угадывать ея желанія. Отъ этого она пріобрѣла какой-то повелительный тонъ и нѣкоторую рѣзкость въ манерахъ. На лицѣ ея написаны были самонадѣянность и гордость, но вмѣстѣ съ тѣмъ была очень труслива, когда приходилось ей публично пѣть. Весь Петербургъ зналъ о ея талантѣ и когда составлялись публичные концерты, всегда являлись къ ней съ приглашеніями участвовать въ нихъ; она по большей части отказывалась, не рѣшаясь являться передъ публикою и уступала только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Бывая очень часто въ этомъ семействѣ, я такъ привыкъ къ нему, что считалъ его какъ бы родственнымъ. Между мною и Ан. Ѳед. было много откровенности, и когда она бывала въ любезномъ расположеніи духа, то совершенно меня увлекала; въ минуты своего вдохновенія она казалась мнѣ существомъ высшимъ. Я не могъ не выражать ей своихъ восторговъ и позволялъ себѣ высказывать ей мои чувства. Иногда она принимала ихъ съ видимымъ удовольствіемъ, но иногда отвѣчала мнѣ съ рѣзкостію. Я не уступалъ ей и за неделикатность ея платилъ ей тою же монетою. Она чувствовала свою ошибку и старалась потомъ любезностію смягчить непріятное впечатлѣніе. Я заставлялъ ее себя уважать, и никто, можетъ быть не имѣлъ надъ нею такой власти, какъ я. Но побѣждать такой самостоятельный характеръ было нелегко; мнѣ пріятно было дать себѣ задачу поставить ее въ положеніе исполнять мои желанія; мнѣ часто это не удавалось, однакожъ я видѣлъ, что ей пріятно было по-

кориться и если бы не трудность отстать от своей привычки, подчинять всѣхъ своей волѣ, то она охотно сдѣлалась бы совершенно мнѣ преданною. Постоянныя наши свиданія два раза въ недѣлю, одинъ разъ по Воскресеньямъ у нихъ въ домѣ, а другой по Четвергамъ у ихъ зятя Мессинга, очень много насъ сблизили. Мнѣ нетрудно было замѣтить, что самое предложеніе мое, если бы я рѣшился сдѣлать его, принято было бы съ удовольствіемъ. Но я не имѣлъ истиннаго, постоянного влеченія къ ней. Когда меня не было съ нею, я о ней совершенно забывалъ; меня легко занимали другіе предметы; притомъ какая охота непрерывно бороться съ этимъ крупнымъ характеромъ? Это тяжелая работа, думалъ я, и мнѣ вовсе не хотѣлось возлагать на себя такихъ обязанностей. Чувства мои смѣнялись очень часто совершеннымъ къ ней равнодушіемъ; иногда проходилъ цѣлый день, что мы ничего другъ съ другомъ не говорили. Случалось, что послѣ жесткаго ея отвѣта на мои любезности въ сердце мое закрадывалось негодованіе, и я оставлялъ ее въ покоѣ, давая себѣ слово никогда не подходить къ ней.

Скоро обстоятельства страннымъ образомъ сложились такъ, что я долженъ былъ прекратить посѣщеніе дома Ворониныхъ. Однажды, гуляя въ лѣтнемъ саду, я встрѣтился съ инженернымъ полковникомъ Сапожниковымъ, весьма умнымъ и даровитымъ человѣкомъ, съ которымъ я познакомился у Ворониныхъ. Долго мы ходили вмѣстѣ и переговаривали обо всемъ, что могло прійти въ голову; рѣчь коснулась и Анны Федоровны. Онъ былъ самъ ея восторженнымъ поклонникомъ, какъ артистъ въ душѣ. Я не могъ не сообщить ему, до какой степени она интересуется меня, хотя въ тоже время жаловался на этотъ упорный характеръ, который часто поставлялъ меня въ самыя непріятныя къ ней отношенія. Мы относили это къ ея воспитанію, къ недостатку общности, къ привычкѣ получать всегда похвалы, находя, что свойства ея души съ избыткомъ вознаграждали эти недостатки, и умный мужъ всегда можетъ исправить ихъ. Онъ спросилъ меня вдругъ: Вамъ конечно она нравится, да и не можетъ не нравиться, потому что она достойнѣйшая дѣвушка; отчего вы на ней не женитесь? Она вамъ не откажетъ. «Да какъ же рѣшиться на это при моихъ слабыхъ средствахъ къ жизни? Отдавая полную справедливость ея достоинствамъ и необыкновенному таланту, я счелъ бы себя дурнымъ человѣкомъ, если бы, не сообразивъ хорошенько, какъ и чѣмъ будемъ жить, сунулъ съ предложеніемъ. Она дѣйствительно ко мнѣ очень внимательна, и небольшія наши ссоры, кажется, послужили только къ нашему сближенію. Я увѣренъ, что не получу отказа; но пока не удостовѣрюсь въ томъ, что могутъ дать ей родители ея, я буду держать себя пода-

лѣе отъ всякихъ заявленій». Хотите ли, сказалъ Сапожниконъ, я секретно развѣдаю, что можетъ она получить въ приданое?—«Ради Бога, прервалъ я, не дѣлайте этого. Не равно выведуъ изъ вашихъ разспросовъ разныя невыгодныя заключенія. Вы какъ-нибудь проговоритесь; пожалуй, меня выдадите; обо мнѣ подумаютъ, что я ищу денегъ». Нѣтъ, не опасайтесь; все это будетъ сдѣлано такъ осторожно, что вы не будете компрометированы. Мы разстались. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого разговора, Сапожниковъ явился ко мнѣ. На лицѣ его написано было безпокойство. Онъ не зналъ, какъ начать. «Вообразите, что я надѣлалъ! Вы помните нашу прогулку въ Лѣтнемъ саду. Мнѣ очень хотѣлось поумнѣе уладить это дѣло, и къ несчастію я надѣлалъ глупостей. Вы знаете Кузьминскую, которая въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Воронинными. Я вздумалъ съ нею поговорить объ васъ и просилъ ловкимъ образомъ развѣдать, что Анна Ѳедоровна можетъ получить въ случаѣ замужества, съ тѣмъ, чтобы Кузм. отяюдь не проносила имени вашего. Она мнѣ это обѣщала, охотно вызвавшись исполнить мое порученіе. Вчера я видѣлся съ нею, и она мнѣ передала разговоръ мой съ стариками Воронинными».—Что же старики отвѣчали?—«Что они за дочерью дать многого не могутъ, что у нихъ кромѣ нея много дѣтей, а состояніе очень небольшое».—Разумѣется, обо мнѣ и рѣчи не было?—«То-то и худо! Кузьминская проболталась и послѣ нѣкоторыхъ ужимокъ на вопросъ, для чего это она разспрашиваетъ, назвала васъ и прибавила, что вы очень равнодушны къ Аннѣ Ѳедоровнѣ и желали бы сдѣлать предложеніе. Что прикажете дѣлать съ этими дамами! Онѣ кромѣ глупостей ничего не выдумаютъ, да и можно ли имъ довѣрять какія-нибудь секреты!»—Какъ старики приняли это объясненіе Кузьминской?.. «Очень дурно. Имъ не понравились эти разспросы; но всякомъ случаѣ тутъ, кажется, не за что сердиться».—Разумѣется, но дѣло получаетъ нѣкоторую гласность. Старики могутъ подумать, что этотъ разговоръ есть нечто иное, какъ предисловіе къ предложенію.—«Пусть, пожалуй, себѣ думаютъ, чтожъ изъ этого?»—Однако, какъ хотите, а это дѣло нехорошее; они въ правѣ быть недовольными, что тутъ замѣшано постороннее лице. Прекрасно вы мнѣ услужили!.. «Браните меня какъ угодно; дѣло сдѣлано, и его поправить нельзя».—Что же мнѣ геперь дѣлать? Я не могу показаться въ домѣ Воронинныхъ. «Почему же какъ?» Меня встрѣтятъ какъ человѣка, который собирается предложить себя въ женихи. «Ну, пусть встрѣчаютъ! Всякій молодой человѣкъ женихъ, тутъ нѣтъ еще большой бѣды». Вамъ хорошо шутить, а мнѣ не до шутокъ. Мнѣ было очень неловко на душѣ; я не ожидалъ такой глупой развязки и что придется раззнакомиться съ этимъ добрымъ и почтеннымъ семействомъ. Послѣ формальнаго почти объявленія мнѣ

оставалось или докончить его собственнымъ предложеніемъ или вовсе не являться въ домъ. Ни того, ни другого я не намѣренъ былъ дѣлать. Однако надобно было на что-нибудь рѣшиться. Я находилъ, что было бы глупо вдругъ оставить домъ, гдѣ меня всегда такъ ласкали; это значило бы сознаться въ моей нескромности и неделикатности. Недѣли черезъ три я собрался къ Воронинымъ. Они жили на дачѣ. Меня встрѣтили довольно сухо, безъ прежней улыбки. Если бы я въ самомъ дѣлѣ имѣлъ какія-нибудь намѣренія, то мнѣ слѣдовало, послѣ объясненія Кузьминской, явиться въ домъ не далѣе, какъ черезъ два-три дня. Что могли подумать, не видя меня три недѣли? Я не зналъ, какое положеніе принять: не могъ быть попрежнему развязнымъ, но и не хотѣлъ выказать себя смущеннымъ. Просидѣвъ около часа, я подъ предлогомъ прогулки по окрестностямъ простился съ ними, и это было послѣднее посѣщеніе мое дома Ворониныхъ. На совѣсти моей лежала какая-то тягость, хотя я не былъ ни въ чемъ виноватъ; я не могъ по справедливости обвинять себя за разговоръ съ человѣкомъ, котораго любилъ и уважалъ за его достоинства. Если обстоятельства сложились такъ, что долженъ былъ послѣдовать разрывъ между мною и семействомъ Ворониныхъ, то причиною тому была не моя неосторожность, и я не имѣлъ возможности предупредить непріятныя послѣдствія. Братъя Анны Ѳедоровны и зять ихъ Мессингъ перестали бывать у меня; они считали поступокъ мой весьма оскорбительнымъ для всего семейства. Спустя много времени послѣ разрыва, они мнѣ это высказали. Съ трудомъ могъ я объяснить имъ всю чистоту моихъ дѣйствій и увѣрить ихъ, что я вовсе не поручалъ ни Кузьминской, ни другимъ ходатайствовать за меня; рассказалъ, какъ было дѣло; если же въ самомъ дѣлѣ любопытствовалъ знать, какъ велики были способы къ жизни Анны Ѳедоровны, то этого въ предосужденіе мнѣ ставить нельзя. Слишкомъ много уважая А. Ѳ., я не могъ и не считалъ себя въ правѣ дѣйствовать кое-какъ, не обдумавши дѣла. У меня средствъ къ жизни было мало, и я не могъ доставить ей тѣхъ удобствъ, какими она пользовалась дома. Вѣроятно, каждый изъ братьевъ поступилъ бы съ такою же осторожностію, задумывая жениться. А что Кузьминская надѣлала глупостей своею нескромностію, то пусть она за это и отвѣчаетъ. Я тутъ не при чемъ. Мы помирились, но прежнихъ дружескихъ отношеній болѣе не существовало. Хотя мы и встрѣчались кое-гдѣ, но болѣе на церемонномъ основаніи. Года черезъ полтора посватался за А. Ѳ. старинный знакомый дома, артилерійскій полковникъ Бижеичъ, и она вышла за него. Бижеичъ былъ человѣкъ ласковый, кроткій и мужъ совершенно по ней. Онъ просилъ меня бывать у нихъ, зная, какъ много я уважалъ А. Ѳ. Я одинъ разъ былъ; но знакомство

наше какъ-то не клеилось: недоставало искренности и довѣренности. Въ ней не было той развязности, которая засгавляегъ забывать прежнія непріятныя отношенія. У нихъ, въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ не было дѣтей, но потомъ пошли дѣти. Я ихъ никогда не встрѣчалъ болѣе.

Прекративъ мои сношенія съ Ворониными, я почувствовалъ большую пустоту въ жизни; у меня не было цѣли, я страдалъ сплиномъ. Хотя я посѣщалъ общества, но серьезно ни къ кому не привязывался. Очень пріятно проводилъ время въ домѣ Храповицкихъ, гдѣ каждый день собиралось общество, бывали часто танцевальныя вечера и домашніе спектакли, на которыхъ отличался преимущественно самъ хозяинъ, страстный любитель театра. Давали преимущественно трагедіи, и въ одномъ представленіи участвовала извѣстная тогда актриса Семенова; играли и комедіи и водевили. Исполненіе было безукоризненное. На балы являлись многія милыя дамы, съ которыми я подружился такъ, что бывалъ у нихъ въ домѣ. Все это много меня развлекало и забавляло, но подобныя знакомства не оставляли во мнѣ глубокихъ впечатлѣній. Къ Ораніенбауму я замѣтно охладѣлъ, хотя по временамъ и ѣздилъ туда. Страсть миновала, осталась дружба. Это послѣднее чувство менѣе увлекаетъ и гораздо терпѣливѣе любви.

Въ домѣ Богдановыхъ я увидѣлъ Полину *) Мосягину. Необыкновенная пріятность въ лицѣ, скромность и изящность и вмѣстѣ съ тѣмъ простота въ манерахъ не могли не обратить на себя моего вниманія. Она рѣдко тамъ бывала, и я начиналъ терять ее изъ виду, какъ снова встрѣтилъ ее въ домѣ родственниковъ Богдановыхъ, Адамсъ. Мнѣ не удалось говорить съ нею. Она пріѣзжала съ матерью на короткое время, на перепуты, отправляясь на балъ. Адамсы говорили о ней какъ о рѣдкой, отличной дѣвушкѣ. Такія похвалы возбудили во мнѣ сильное желаніе познакомиться и сблизиться съ нею; но какимъ образомъ? Проходили недѣли, мѣсяцы, и ее я нигдѣ видѣть не могъ. Изрѣдка Богдановы говорили мнѣ о ней и поддерживали во мнѣ любопытство поближе узнать ее. Въ одинъ день Арсеній Богдановъ пріѣхалъ ко мнѣ и спросилъ меня, не хочу ли я быть на вечерѣ у Веловзоровыхъ. (Мать Полины была вторично замужемъ за полковникомъ Веловзоровомъ). Я съ радостію принялъ предложеніе. Онъ поѣхалъ къ Велова. и просилъ дозволенія привезти меня. Въ назначенный часъ онъ явился за мною, и мы отправились. Гостей было много; меня приняли безъ большой церемоніи и едва обратили на меня вни-

*) Поликсену Ивановну.

маніе. Я раскладывалъ съ Полиною, не сказавъ ей и двухъ словъ. Она была окружена толпою молодыхъ людей, большею частію военныхъ, которые тогда царили на балахъ, затемняя въ конецъ статскихъ своими блестящими мундирами. Эта молодежь была больше или меньше съ нею знакома и такъ какъ и по красотѣ, и по образованію она не могла не плѣнять собою, то на весь вечеръ была уже ангажирована такъ, что нельзя было улучить свободной минуты поговорить съ нею. Мнѣ было какъ-то неловко. Я не нашелъ тамъ почти никого знако-
мыхъ и съ радостію принялъ предложенную мнѣ карту. За пгрюю прошла большая часть вечера. Я разсуждалъ самъ съ собою, зачѣмъ я пріѣхалъ? Неужели для того, чтобъ сыграть партію виста? Мнѣ нужно же сколько нибудь выказать себя, заинтересовать собою, но для этого у меня недоставало самоувѣренности. Съ какой стороны я себя выкажу? Чѣмъ обращаю на себя особенное вниманіе? Подъ конецъ вечера я подошелъ однакожъ къ Полнѣ, сѣлъ на свободный возлѣ нея стулъ и завелъ съ нею разговоръ про общихъ нашихъ знакомыхъ. Разговоръ нашъ какъ-то не вязался. Я нѣсколько робѣлъ съ нею, она тоже не была слишкомъ развязною и не хотѣла или не умѣла дать мнѣ бодрости; притомъ я не считалъ себя въ правѣ много ее занимать собою на вечерѣ, гдѣ ей, какъ хозяйкѣ, было немало хлопотъ. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что по крайней мѣрѣ сдѣлано было начало знакомства; остальное зависигъ отъ обстоятельствъ. Черезъ нѣсколько дней я пріѣхалъ къ Веловз. съ визитомъ. Это семейство вело странный родъ жизни. Въ обыкновенные дни оно почти никого не принимало. Хозяинъ большую часть дня не выходилъ изъ халата и проводилъ въ постели или сидя у себя въ комнатѣ, не являясь къ тѣмъ, кто заѣзжалъ къ нимъ. Онъ не любилъ, чтобъ ему мѣшали въ удовлетвореніи его привычекъ. Жена онъ предоставлялъ занимать гостей. За то она, желая поддержать свои знакомства главнѣйше изъ видовъ устроить свою дочь, которую очень любила, употребляла всѣ утонченности, чтобъ держаться въ томъ кругѣ, который приличествовалъ полученному дочерью ея образованію. Полина получила воспитаніе частію въ домѣ весьма важной барыни Рославлевой, а по смерти ея въ пзвѣстномъ пансіонѣ мадамъ Оттъ. Она знала прекрасно языки Французскій, Нѣмецкій и Англійскій, такъ что могла свободно на нихъ писать и очень мило пѣла; она брала уроки у мадамъ Шоберлехнеръ. Но какъ ни хлопотала старушка, а съ привычкамп мужа она не достигала цѣли. Всѣ знали его за нелюдима и лѣнтяя и избѣгали посѣщеній. Кромѣ того средства Вел. не позволяли имъ вести слишкомъ свѣтскую жизнь, и оттого пріемы у нихъ были весьма рѣдки. При такомъ ихъ образѣ жизни трудно было съ ними сблизиться. Посѣтитель всегда замѣтитъ

могъ, что онъ пришелъ не кстатн и нарушилъ домашній ихъ порядокъ и что если приняли его ласково, то вовсе не изъ удовольствія его видѣть, а изъ приличія, по необходимости. На лицахъ дамъ написана была принужденность, и онѣ не могли ее скрывать при всемъ желаніи казаться любезными. Разспрашивая Богдановыхъ о родѣ ихъ жизни, о связяхъ, о занятіяхъ, о денежныхъ средствахъ, я никогда не могъ добиться ничего положительнаго. Говорили, что дамы много выѣзжаютъ, что у нихъ большое и хорошее знакомство, имѣютъ порядочное состояніе, но въ чемъ оно заключалось, никто не могъ объяснить; о самомъ Веловз. не говорили ни хорошаго, ни худого, называли впрочемъ чудакомъ и мало сообщительнымъ. Прошло нѣкоторое время послѣ посѣщенія моего, я снова заѣхалъ къ нимъ; меня приняли съ тою же принужденною ласковостію. Разговоръ не могъ быть оживленнымъ. Я самъ былъ крайне натянутъ. Обѣ стороны чувствовали утомленіе, надѣбно было сократить визитъ. Уходя я давалъ себѣ слово больше къ нимъ не приходить, тѣмъ болѣе, что В. визита мнѣ не отдавалъ и, кажется, и не собирается отдавать. Но что-то невольное тянуло меня къ нимъ; мнѣ не хотѣлось прервать это знакомство. Я при извѣстныхъ случаяхъ снова отправлялся къ нимъ; иногда они не принимали, хотя я зналъ, что всѣ были дома. Я былъ этимъ доволенъ: по крайней мѣрѣ имъ пзвѣстно, что я у нихъ былъ... Полина не выходила у меня изъ головы; всѣ эти пожертвованія дѣлалъ я для нея. Богдановы настраивали мое воображеніе, описывая всѣ совершенства этой дѣвушки и поддерживали во мнѣ желаніе короче съ нею познакомиться. Особенно младшій Богдановъ, страшный энтузіастъ, не могъ равнодушно говорить о ней; стыдилъ меня, что я несмѣло дѣйствую, представлялъ мнѣ въ розовыхъ краскахъ благополучіе соединиться съ нею. Я внутренно былъ доволенъ его разсказами, но не показывалъ этого. Хотя я не имѣлъ къ нему большой вѣры, но съ другой стороны и не имѣлъ причины сомнѣваться въ искренности его отзывовъ о Полинѣ. Достаточно было видѣть ее два раза, чтобъ почувствовать къ ней особенное влеченіе; въ голубыхъ ея глазахъ было столько кротости и чистоты душевной, что самый холодный человѣкъ сдѣлался бы ея искреннимъ почитателемъ. Къ стыду моему я долженъ сознаться, что съ своей стороны я очень слабо подвигалъ дѣло, былъ съ нею довольно сухъ, холоденъ, важенъ. Въ моемъ характерѣ вообще не было много привѣтливости. Это происходило частію отъ робости, а частію, можетъ быть, отъ гордости. Я боялся слишкомъ напрашиваться на сближеніе, старался держаться въ нѣкоторомъ отдаленіи, чтобъ поддержать свое достоинство, говорилъ мало, чтобъ не проговориться; я не торопился высказываться, избѣгалъ малѣйшаго хвастовства и не употреблялъ

никакихъ искусственныхъ средствъ, чтобъ заинтересовать собою, представляя успѣхъ въ этомъ обыкновенному и натуральному ходу вещей, ничѣмъ не насилуя обстоятельствъ. Если бы я не успѣлъ понравиться, то всегда имѣлъ возможность удалиться, не компрометируя себя... Мнѣ трудно было сблизиться съ Полиной; ничто не благопріятствовало нашему сближенію. У насъ не было ничего общаго: она бывала въ извѣстномъ кругу, который мнѣ вовсе не былъ знакомъ. Насъ не могли занимать одни и тѣже предметы; довѣренности ея я не могъ заслужить, самъ ничего ей не рассказывалъ. Всѣ сношенія наши ограничивались обыкновенными учтивостями, которыя пошlostію своею выводили меня часто изъ терпѣнія. Переливать изъ пустого въ порожнее, разговаривая о театрѣ, о нѣкоторыхъ городскихъ новостяхъ или о немногихъ намъ знакомыхъ личностяхъ вовсе не было для меня интересно. Мнѣ хотѣлось чего-то болѣе душевнаго; но отношенія наши, слишкомъ еще далекія, не позволяли такого перехода. Наступило лѣто. Вел. переѣхали на дачу на Черную рѣчку. Посѣщая окрестности и бывая иногда въ тѣхъ мѣстахъ, я имѣлъ поводъ мимоходомъ заходить къ нимъ... Раза два я рѣшился на это. Въ первый разъ приходъ мой повидимому смутилъ ихъ; они приняли меня холодно, не знали, что со мною дѣлать, чѣмъ занять меня. Дача, какую они занималъ, была очень простенькая; можетъ быть, они не желали, чтобъ ихъ посѣщали люди не коротко съ ними знакомые; во второй разъ я не замѣчалъ уже прежняго привужденія, со мною были болѣе развязны. Оба раза я не долго оставался, боясь утомить дамъ своимъ присутствіемъ. По переѣздѣ въ городъ посѣщенія мои сдѣлались опять рѣже, но совсѣмъ я отстать не могъ: меня что-то непостижимое тянуло къ Пол. Я нѣсколько короче узналъ ее; все, что о ней было говорено, я частію повѣрилъ на самомъ дѣлѣ; видѣлъ, что она вполне достойная дѣвушка и оправдываетъ молву. Я сталъ уже серьезнѣе задумываться; находилъ, что она и по воспитанію, и по кротости нрава, и по красотѣ превосходитъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ дѣвицъ и удивлялся, какимъ образомъ съ такими качествами она до сихъ поръ не вышла замужъ... Но свѣтская молодежь, которая встрѣчалась съ нею въ обществахъ, не слишкомъ цѣнитъ всѣ эти достоинства, если они не соединяются съ богатствомъ и важными связями. Я хотѣлъ дѣйствовать нѣсколько рѣшительнѣе, но на это, казалось мнѣ, я не имѣлъ еще достаточныхъ правъ: легко могло бы случиться, что она признала бы меня для себя непригоднымъ. Я предоставилъ времени обработать дѣло, а между тѣмъ оно постепенно бы выяснялось.

Въ 1831 году лѣтомъ появилась въ Петербургѣ холера. Объ этой страшной болѣзни давно уже носились слухи, которые сильно

пугалъ воображеніе. Болѣзнь приближалась къ намъ изъ Азіи; сперва коснулась Оренбургской губерніи, потомъ постепенно подвигалась къ Москвѣ и черезъ нѣсколько времени показалась въ Петербургѣ. Со стороны правительства приняты были мѣры къ лѣченію заболѣвавшихъ; учреждены были въ разныхъ мѣстахъ города больницы, назначены были попечители и особые врачи; послѣдніе очень мало понимали свойства болѣзни, и каждый лѣчилъ по своему. Число больныхъ съ каждымъ днемъ прибывало. Въ газетахъ ежедневно печаталось о ходѣ болѣзни; вскорѣ цифра умиравшихъ достигла до 500 въ день. Въ обществѣ только и было разговору, что о холерѣ. Каждый рассказывалъ о чьей-нибудь смерти. Я самъ жестоко боялся захворать и когда черезъ нѣсколько дней послѣ появленія болѣзни у меня сдѣлался холерическій припадокъ, я счелъ себя погибшимъ. Въ это самое время и получилъ записку отъ одного изъ моихъ сослуживцевъ съ убѣдительною просьбою дать ему 300 р. ассиг. на погребеніе его отца, умершаго въ эту ночь отъ холеры. Я долго колебался; мнѣ хотѣлось ему помочь, деньги у меня были, но рассчитывалъ съ другой стороны, что можетъ быть черезъ нѣсколько часовъ и меня не станетъ, и деньги понадобятся на собственные мои похороны. Однакожъ я рѣшился послать деньги. Я отдѣлался однимъ страхомъ. На другой день я былъ совершенно здоровъ и пересталъ даже бояться холеры, освободившись отъ скверной, испорченной желчи, которая была истинною причиною моего безпокойства. Къ крайнему моему неудовольствію на меня возложили въ это время, по службѣ, новыя обязанности сверхъ моей должности. Все утро я былъ сильно занятъ, и не было досуга думать о другомъ. За то послѣ обѣда я былъ самый несчастный человекъ; скука меня страшно одолѣвала; лѣто было необыкновенно душное, солнце едва проглядывало изъ-за густого тумана или дыма; на улицахъ происходили волненія; въ народѣ распространилось убѣжденіе, что Поляки отравляютъ колодцы и провизію, и что съ ними за одно нѣкоторые доктора; толпы мужиковъ останавливали прохожихъ, обыскивали ихъ и если случайно находили въ карманахъ скляночки или коробочки съ какимъ-нибудь снадобьемъ, которое многіе носили изъ предосторожности для собственнаго употребленія, то подвергали ихъ оскорбленіямъ и побоямъ. Народъ въ своемъ безуміи вламывался въ холерныя больницы, билъ докторовъ и уносилъ оттуда больныхъ. Я былъ свидѣлемъ одной подобной сцены. Изъ больницы на Сѣнной вытащили одного больного, составили носилки и съ торжествомъ несли его по улицѣ до самой Большой Конюшенной, гдѣ и внесли его въ одинъ домъ. Я сопровождалъ эту любопытную процессію до самаго мѣста, желая знать, чѣмъ это кончится. Въ этой больницѣ дежурный докторъ былъ выброшенъ

изъ окна и погибъ на мѣстѣ. Полиція старалась принять всѣ мѣры, чтобъ унять толпу; караулы были усилены, и отрядъ войскъ всегда былъ готовъ въ случаѣ малѣйшаго волненія. Въ одинъ день самъ Государь пріѣхалъ на Сѣнную площадь въ открытой коляскѣ, остановился и произнесъ къ народу сильную рѣчь; многіе стали на колѣни. Сцена эта изображена въ одной литографированной картинѣ, впрочемъ дурной работы. Холеру считали болѣзнію заразительною; само правительство поддерживало эту мысль и принимало разныя карантинныя мѣры; она поражала людей во всѣхъ возрастахъ и не щадила ни здоровыхъ, ни болѣзненныхъ, ни стариковъ, ни молодыхъ. Разныя разсужденія, описанія и предостереженія, которыя непрерывно появлялись въ тогдашнихъ журналахъ и газетахъ, официальныхъ и частныхъ, сильно настроивали воображеніе читающей публики; но простой народъ, который ничего не читаетъ и думаетъ только о своихъ ежедневныхъ матеріальныхъ нуждахъ, встрѣтилъ холеру совсѣмъ иначе, то есть вовсе не со страхомъ, а съ негодованіемъ противъ Поляковъ, которые будто бы составили заговоръ, чтобы вредить Русскимъ изъ старинной къ нимъ ненависти. Сколько съ одной стороны люди болѣе образованные предавались унынію, столько съ другой, простой народъ становился болѣе и болѣе дерзкимъ, принимая на себя энергическія мѣры къ уничтоженію причинъ болѣзни, которую онъ приписывалъ людямъ злонамѣреннымъ. Одни до такой степени боялись болѣзни, что совершенно заперлись и прекратили сообщенія съ обществомъ; другіе напротивъ голпились вездѣ массами, не принимая никакихъ предосторожностей и безпощадно пожирая огурцы, незрѣлыя ягоды и всякую дрянъ, которую вовсе не считала вредною, а напротивъ радовалась, что все это дешево.

Къ числу трусливыхъ принадлежали и Веловзоры Они, согласившись съ своими родственниками Адамсами, которые тоже были напуганы холерою, наскоро перебрались въ колонію на 11-й верстѣ по Царскосельской дорогѣ. Однажды я рѣшился посѣтить ихъ въ этомъ уединеніи. Намѣреніе мое было нѣсколько дерзкое. Я увѣренъ былъ, что они неохотно примутъ челоуѣка, пріѣхавшаго изъ города, гдѣ свирѣпствуетъ холера; но меня самого одолевала такая тоска, что мнѣ необходимо было нѣсколько освѣжиться другимъ воздухомъ и поинтересоваться словами съ пріятными людьми. Я отправился въ колонію и сталъ обозрѣвать дома, не увижу ли въ окнахъ знакомыхъ лицъ, и дѣйствительно въ небольшомъ садикѣ передъ однимъ домомъ я увидѣлъ моихъ любезныхъ дамъ. Съ робостію я подошелъ къ нимъ. Онѣ недолѣрчиво посмотрѣли на меня, взглянули другъ на друга, не зная на

что рѣшиться, принять ли меня или нѣтъ. Онѣ были въ полномъ убѣжденіи, что холера переносится людьми изъ одного мѣста въ другое. Въ особенности трусила Адамсъ. Она до такой степени испугалась холеры, что бросила свой домъ на произволъ судьбы, велѣла закладывать лошадей; прежде нежели онѣ были заложены, усѣлась въ экипажъ, понуждая кучера поскорѣе справляться и, не сдѣлавъ никакого по дому распоряженія, почти въ чемъ была, усакала въ колонію. При всей боязни своей, дамы не рѣшились отказать мнѣ въ приѣмѣ. Поговоривъ со мною черезъ загородку, онѣ пригласили меня въ комнаты. Этимъ онѣ показали мнѣ большую довѣренность: имъ не хотѣлось выказать, какъ они тѣсно помѣщаются въ домикѣ, который заняли. Всего у нихъ было три комнаты. Въ одной спали Адамсы, въ другой помѣстились Велов.; въ третьей, за ширмами, стояла постель Полины. Имъ совместно было принять сюда посторонняго; но я тотчасъ простою своего обращенія поставилъ ихъ въ разнажное положеніе, вовсе не занимаясь ихъ помѣщеніемъ и сталъ рассказывать о происшествіяхъ городскихъ. У нихъ никто не былъ въ продолженіе многихъ дней, сами въ городъ не посылали и ничего не знали, что тамъ дѣлается. Всѣ они вели самый строгій и регулярный образъ жизни, почти ничего не ѣли, ложились спать въ 10 часовъ. Я долго не могъ оставаться, чтобы не разстроить домашняго порядка, надобно было пораньше удалиться. Ночевалъ я въ колоніи и возвратился въ городъ уже на другой день. Подобное путешествіе я совершилъ раза четыре. Съ какою неизгласнимою радостію оставлялъ я каждый разъ городъ, гдѣ холера продолжала свирѣпствовать съ необыкновенною силою; за заставою я совершенно оживалъ, а мысль увидѣться съ Пол. поставляла меня въ самое веселое расположеніе духа. Чаше я не смѣлъ ѣздить, чтобы не подать повода къ толкамъ. Такъ прошло лѣто. Въ Августѣ холера начала ослабѣвать и къ половинѣ мѣсяца почти совсѣмъ прекратилась. Веловзоры переѣхали въ городъ.

Въ жизни моей не было ни цѣли, ни плана. Одинъ день проходилъ какъ другой, не оставляя за собою никакихъ впечатлѣній; нигдѣ и ни въ чемъ я не находилъ удовольствій, иногда по цѣлымъ недѣлямъ просиживалъ дома, никуда не показываясь. Скука одиночества преслѣдовала меня повсюду. Я рѣшился сдѣлать предложеніе Полинѣ. Строго анализируя чувства мои къ ней, я находилъ, что вовсе не былъ влюбленъ въ нее. Она не грезилась мнѣ постоянно; я спокойно занимался своими дѣлами и книгами. Но когда она приходила мнѣ на мысль, то всегда представлялась въ видѣ кроткой, милой хозяйки дома, доброй, умной подруги, и я чувствовалъ, что она можетъ наполнить мою жизнь.

До сихъ поръ я мало еще съ нею сблизился, отношенія наши были довольно натянуты; не было особенной довѣренности другъ къ другу, разговоръ вертѣлся на однихъ учтивостяхъ; большую часть времени я толковалъ съ стариками, а съ нею наединѣ не удалось мнѣ сказать и двухъ словъ; не могъ я ни сообщить ей моихъ чувствъ, ни услышать отъ нея задушевнаго слова. Я не видѣлъ исхода этому. Если предоставить времени дать мнѣ удобный случай объясниться съ нею, то при несчастной обстановкѣ Полины, казалось, никогда бы я этого не дождался. Вотчимъ ея былъ человѣкъ, съ которымъ нельзя было коротко сойтись. Онъ у меня ни разу не былъ, вообще удалялся отъ всякаго общества, говорить ни о чемъ не умѣлъ, никакими дѣлами не интересовался; всегда былъ угрюмъ, хотя старался быть пріятливымъ, но послѣднее ему худо удавалось. Въ разговорѣ его всегда была натянутость, которая меня очень утомляла; избѣгать же его было невозможно: онъ всегда почти присутствовалъ, когда я приходилъ къ нимъ и считалъ своею обязанностію занимать меня. Въ другихъ домахъ или публичнымъ мѣстахъ мы съ Пол. никогда не встрѣчались такъ, чтобы можно было уловить свободную минуту поговорить съ нею безъ свидѣтелей. Между тѣмъ я замѣчалъ, что я пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ ея. Хотя я не имѣлъ много случаевъ выказать себя съ той стороны, что я вовсе не похожъ на большую часть салонной молодежи, которая щеголяетъ фразами, твердо заучивши все, что принято въ отборномъ обществѣ и что я имѣю собственную самостоятельность: но и въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ нельзя было ей не замѣтить нѣкоторой независимости моихъ мнѣній, что всегда рекомендуетъ человѣка въ глазахъ женщины, которая охотнѣе подчиняется лицу съ твердыми правилами, нежели легкомысленному, какими бы достоинствами оно ни обладало въ другомъ отношеніи. Я имѣлъ предчувствіе, сознаніе, даже увѣренность, что предложеніе мое не будетъ отвергнуто; часто однакоже я обращалъ на себя мысль, какая ей выгода выйти за меня. Что я могу ей доставить? У меня не было ни состоянія, ни замѣчательной каріеры по службѣ, ни особенной привлекательной фигуры, ни свѣтскости. Притомъ я не выказалъ ей силы чувствъ, былъ большею частію съ нею остороженъ, даже до излишества я ничѣмъ не могъ заинтересовать ее собою. Одно, что могло обратить ея вниманіе на меня, это постоянство, съ которымъ я посѣщалъ ихъ домъ, не смотря на всѣ невыгодныя условія для этого: Вел. не могли доставить гостю никакого развлеченія, кромѣ своей бесѣды, по большей части сухой, скучной, натянутой; у нихъ никогда никого не было, слѣдовательно разговоръ долженъ былъ происходить между одними нами, что крайне отягощало и меня, и дамъ; не было никакого посторонняго

ресурса; хотя бы когда-нибудь составила партія виста, которая способствовала бы сокращенію времени; иначе долѣе часа или полтора просидѣть у нихъ нельзя было. Я рѣшился дѣйствовать настоятельно и если я уже принялъ твердое намѣреніе искать руки Пол., то не слѣдовало откладывать долѣе и ограничиваться ожиданіями случаевъ къ объясненію, которые, можетъ быть, еще долго не представятся.

Я написалъ письмо къ Адамсу и просилъ его передать Пол. мои намѣренія. Я выразилъ въ письмѣ, сколько цѣню отпѣвныя ея достоинства и при этомъ выказалъ все свое безкорыстіе. Я дѣйствительно не зналъ, есть ли что за нею и вовсе не думалъ о приданомъ. Въ это время, конечно, я мало разсуждалъ о томъ, какую жизнь будемъ вести; мнѣ казалось, что моихъ доходовъ будетъ очень достаточно для семейнаго положенія нашего. Письмо мое принято было очень благосклонно. Оно тронуло Пол. Адамсъ пересказалъ мнѣ весь разговоръ. Послѣ того я рѣшился явиться къ Пол. и лично объясниться.

9 Августа 1831 г. я пришелъ къ Веловзорамъ. Я былъ покоенъ и въ твердой рѣшимости кончить дѣло. Обо мнѣ доложили. Долго никто не показывался. Къ счастью моему случился у нихъ гимназистъ Мосягинъ, двоюродный братъ Пол., съ которымъ я могъ заняться въ ожиданія дамъ. Прошло съ полчаса; наконецъ явилась Пол. Она знала, зачѣмъ я пришелъ. На лицѣ ея написано было сильное безпокойство. Я взялъ ее за руку, посадилъ подлѣ себя, что-то сказалъ ей невнятное; душа моя была въ волненіи: у меня недоставало словъ, чтобъ ясно выразить ей цѣль моего прихода. Пол. ничего не слыхала, что я ей бормоталъ; положеніе обоихъ насъ было очень затруднительное. Изъ всей этой сцены я помню только то, что не дѣлалъ ей никакихъ предложеній, а она не давала мнѣ никакого согласія, но мы поняли другъ друга. «Знаете ли, сказала она мнѣ вдругъ, что мнѣ уже 23-й годъ?» Какъ будто это ее тяготило. Какая мнѣ нужда знать, который вамъ годъ, отвѣчалъ я: для меня вы дороги, а не ваши лѣта. Эту выходку, какъ она смѣшна ни казалась, я вполне оцѣнилъ. Въ ней было столько деликатности. И въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, какъ лѣта женщины, она хотѣла быть искреннею. Явилась матушка. Ну, какъ дѣла ваши? спросила она. Она согласна, отвѣчалъ я, бросившись къ ней; будьте и моею матушкою. Меня поздравили. Пол. нѣсколько успокоилась, я остался обѣдать. Пили Шампанское. И я сдѣлался женихомъ.

Началась новая для меня жизнь. Я сталъ ходить къ невѣстѣ моей каждый день; мало-по-малу мы сближались, дѣлались откровеннѣе 15-го Августа насъ помолвили. Я дѣлалъ обычные подарки; въ выбо-

рѣ вещей руководствовала меня Даргомыжская, которая хотя и претендовала на меня за невниманіе къ ея дочери, но по свойственной ей добротѣ продолжала быть ко мнѣ ласковою; придумывала такіе подарки, которые, по ея мнѣнію, могли нравиться моей невѣстѣ, сочинила даже стихи, въ родѣ логогрифа, для ящика съ духами и, не бывши съ нею знакомою, отослала ихъ прямо отъ себя вмѣстѣ съ вещью. Все шло какъ нельзя лучше. Искусъ мой продолжался слишкомъ три мѣсяца. Въ это время, конечно, были и скучные дни. У Велов. рѣдко бывали посторонніе; мы проводили время почти всегда одни; иногда не знали чѣмъ себя занять и о чемъ говорить. Самъ Велов. хотя и продолжалъ еще нѣсколько со мною церемониться, но уже смѣлѣе выказывалъ свои привычки. Онъ обыкновенно оживалъ къ вечеру, а цѣлый день валялся на постели. Лучшая часть дня для него было время ужина. Онъ сидѣлъ за столомъ до утра, не давая никому спать. Понемногу онъ выпивалъ одну или двѣ бутылки сотерну, и это дѣлалось каждый день. Число бутылокъ постепенно прибавлялось до того времени, пока онъ не приходилъ въ разгоряченное состояніе съ потерю даже правильнаго сознанія. Онъ дѣлался боленъ, ложился на нѣсколько дней въ постель, охалъ, вздыхалъ; никто уже тогда его не видѣлъ: ему совѣстно было показываться. Черезъ два - три дня онъ справлялся и принимался за прежнее. За этими ужинами я не присутствовалъ, и если иногда засиживался позднѣе обыкновеннаго, то оставался поѣсть кое-что и немедленно удалялся домой, оставляя Велов. доканчивать ужинъ, какъ ему угодно. Между тѣмъ я усердно занимался приготовленіями къ устройству будущаго нашего хозяйства. Я нанялъ себѣ очень чистенькую квартиру у Преображенія, въ домѣ Лисицына, окнами на артилерійскій плацъ; невѣста съ своей стороны готовила все, что казалось нужнымъ. Наступалъ Рождественскій постъ, откладывать свадьбу нельзя было далѣе 13 Ноября; я назначилъ 11-го. Насталъ ожидаемый день. Наканунѣ я много думалъ о немъ, но мало тревожился. Голова была покойна. Я, лежа въ послѣднюю ночь спать, съ большимъ вниманіемъ читалъ какой-то серьезный увражъ. Свадьба совершалась въ церкви Инженернаго замка; гостей приглашено было много. Священникъ Маловъ прочелъ намъ наставленіе, которое, какъ мнѣ сказывали, вѣмъ понравилось. Въ 11-ть часовъ всѣ разошлись. Полина была въ этотъ вечеръ прелестна; оба мы были утомлены до чрезвычайности. Наконецъ я женатъ!

Черезъ нѣсколько дней мы потащились съ визитами. У насъ обоихъ было множество знакомыхъ. Сколько я ни хлопоталъ о томъ, чтобы не распространять знакомствъ, а ограничиться небольшимъ кругомъ

людей, пріятныхъ и необходимыхъ, но долженъ былъ уступить просьбамъ новыхъ моихъ родныхъ и жены, чтобъ не обидѣть того или другого. Меня убѣждали тѣмъ, что, послѣ отвѣтнаго визита, можно вновь не ѣздить къ тѣмъ лицамъ, съ которыми не желаешь продолжать знакомства. Убѣжденіе было логическое. Мы у всѣхъ перебивали, всѣ были у насъ, высмотрѣли, какъ мы устроились, и тѣмъ кончились наши сношенія. Я былъ очень благодаренъ женѣ, что она, съ дѣтства приученная къ выѣздамъ и къ свѣтскимъ развлеченіямъ, скоро усвоилась съ тѣмъ родомъ жизни, который мы по способамъ нашимъ вести могли. Жена моя была необыкновенно ласкова; ее всѣ любили; она не позволяла себѣ никакой насмѣшки, никакого замѣчанія скольконибудь рѣзкаго насчетъ другихъ; если порицала кого-нибудь, то съ большою осторожностію, стараясь по возможности оправдывать его поступки; была внимательна и къ такимъ людямъ, которые того не стоили. Всѣмъ нравился тонъ ея обращенія, всегда пріятливый, добросердечный, деликатный и лестный для самолюбія другихъ. Характера была кроткаго до излишества; всякая самостоятельность повидимому у нея исчезла. Она сдѣлалась совершенно мнѣ преданною. Малѣйшія желанія мои были исполняемы, и я часто удивлялся, какъ она ихъ угадывала. Я не могъ себѣ объяснить этого. Обыкновенно я не бывалъ говорливъ и никогда не рассказывалъ ей, если случалось со мною что-нибудь непріятное; но она всегда отгадывала по лицу моему, что у меня грусть на сердцѣ и старалась допытаться, что меня беспокоитъ. Это часто ей не удавалось, но она не унывала и мало-по-малу посредствомъ хитрыхъ разспросовъ проникала мои мысли, какъ я ни старался скрывать ихъ. Вообще по самолюбію я не любилъ дѣлиться съ нею моимъ горемъ, находя, что я одинъ съ нимъ справлюсь. Но это меня не устраивало: она начинала скучать, беспокоиться, не отходила отъ меня и до тѣхъ поръ ухаживала за мною, пока я не высказывалъ ей всего, что было у меня на душѣ. Я не могъ удалить ее: это было бы жестоко послѣ такого участія, какое она показывала; она заслуживала полную довѣренность своею привязанностію. Она любила меня со всею страстію. Когда случалось мнѣ поздно возвращаться домой, она начинала тосковать до такой степени, что забывала все въ домѣ; прислушивалась къ малѣйшему шуму, не иду ли я, перебирала въ головѣ всѣ несчастія, какія могли бы со мною случиться, то—или меня переѣхали экипажемъ, то напали на меня воровы, то случился со мною припадокъ, и меня прибрали въ часть. Она не отходила отъ окна и въ каждомъ, скольконибудь похожемъ на меня по росту, по походкѣ, она видѣла меня, двадцать разъ ожиданія ея не сбывались, столько же разъ она предавалась грусти. Вечеромъ за тем-

нотою она не могла видѣть проходящихъ; тогда она прислушивалась къ стуку экипажей, и если который изъ нихъ останавливался, она тотчасъ бросалась къ окну и старалась во мракѣ разглядѣть мою фигуру. Она рѣдко ложилась спать, какъ бы поздно я ни приходилъ. Безпрерывно я выговаривалъ ей за это и требовалъ, чтобъ она не разстраивала своего здоровья напрасными ожиданіями моего возвращенія. Мои замѣчанія не дѣйствовали; иногда я заставлялъ ее уже въ постели, она притворялась спящею, но я сейчасъ открывалъ, что она мнѣ обманывала, дабы я снова не ворчалъ. Я не понималъ этой привязанности; мнѣ казалось неестественнымъ это непрерывное безпокойство, когда не было никакой основательной причины беспокоиться. Нельзя было не цѣнить этой любви, но она переходила границы и могла быть объяснена только натурою женскою, въ тонкости не доступною для пониманія мужчины, болѣе увлекаемаго положительностію. Жена моя страдала нѣкоторою раздражительностію, малѣйшую непріятность она принимала слишкомъ близко къ сердцу, и это меня часто огорчало, потому что отъ этого выказывалось много неровности въ ея дѣйствіяхъ. Домашнее наше спокойствіе часто возмущаемо было семейнымъ положеніемъ матери моей жены. Мужъ ея, преданный невоздержанію и праздности, наносилъ ей непрерывныя огорченія, многое отъ насъ было скрывается, но многое было и павѣстно. Жена моя видимо страдала; если случалась какая нибудь непріятность въ домѣ Велов., она тотчасъ лѣтъ туда. Я упрашивалъ ее не вмѣшиваться въ чужія дѣла, доказывалъ, что у нея теперь новыя обязанности въ отношеніи къ мужу, къ своему собственному дому, но она сердилась на меня за равнодушіе къ матери. Ей казалось, что она присутствіемъ своимъ нѣсколько облегчитъ горе матери, и ничто не могло ее остановить: ни дурная погода, ни самое нездоровье. Она спѣшила привести ей утѣшеніе и выказать свое участіе. Это часто меня бѣсило. Я не могъ быть покоенъ, долженъ былъ входить въ домашнія дразги другого семейства. Поведеніе Вел. выводило меня изъ терпѣнія, и я рѣшился ему это замѣчать: онъ сердился, мы ссорились и переставали бывать другъ у друга. Но такое положеніе дѣлъ не могло длиться долго. Надобно было опять сходиться. Подъ конецъ, видя, что я перемѣнить положеніе дѣлъ не могу, я сталъ смотрѣть на все это гораздо равнодушнѣе, старался избѣгать разговоровъ и показывалъ, что я ничего не знаю. Должно было уступить необходимости; это было единственное средство жить въ мирѣ и согласіи. Но тѣмъ не менѣе я страдалъ за жену, которая продолжала бѣгать въ домъ къ матери каждый разъ, когда случалась какая нибудь тамъ исторія. Это имѣло гибельное вліяніе на ея здоровье.

Большую часть прежнихъ знакомыхъ моей жены мы оставили. Они не соединяли въ себѣ ничего, что соотвѣтствовало бы нашему скромному образу жизни и въ особенности моимъ требованіямъ. Намъ нужна была простота, привѣтливость, а тамъ находили роскошь, тщеславіе, чванство, свѣтскую пустоту. Раза два или три мы были у генерала Депрерадовича на его шумныхъ вечерахъ, а большею частію ограничивались выѣздомъ къ самымъ короткимъ знакомымъ безъ всякой претензіи на свѣтскость.

Вскорѣ послѣ женитьбы мнѣ назначили казенную квартиру въ домѣ департамента. Это много облегчило мои расходы. Но до переезда мы рѣшились провести лѣто на дачѣ. Наняли весьма скромный домикъ въ Колтовской противъ Крестовскаго острова. Мѣсто это было не совсѣмъ удачное. Мнѣ было очень далеко ѣздить оттуда въ городъ къ должности, притомъ по самой скверной дорогѣ; своего экипажа у меня не было, часто приходилось тащиться долгое время пѣшкомъ; но я не былъ избалованъ, терпѣлъ нужду и не могъ позволить себѣ прихотей. Жена также скоро подчинилась необходимости и легко забыла приманки роскоши прежней нѣсколько шумной жизни. Переездъ лѣтомъ на дачу составляетъ какую-то болѣзненную необходимость Петербургскихъ жителей, имѣющихъ малѣйшіе способы позволить себѣ эту прихоть. Дѣйствительно, пребываніе лѣтомъ въ городѣ почти невыносимо, не столько потому, что страдаешь отъ жара, который не долго продолжается, сколько по отсутствію всякой общезителности и по недостатку развлеченія. Въ долгіе лѣтніе дни не знаешь куда дѣться отъ скуки продолжительнаго одиночества. Мы послѣдовали общему примѣру. Надобно было себя нѣсколько освѣжить загороднымъ воздухомъ. Мы много гуляли по окрестностямъ, но одна изъ такихъ прогулокъ была крайне неудачна. Жена была беременна почти на 8-мъ мѣсяцѣ. Переходя небольшую канавку, она поскользнулась по сухой травѣ и упала. Казалось, не случилось съ нею ничего особеннаго. Послѣ обѣда пріѣхали къ намъ Велов. Мы гуляли съ ними, а вечеромъ былъ гдѣ-то фейерверкъ *) и мы пошли смотрѣть его. Все это до крайности утомило мою жену. Часу во 2-мъ ночи она почувствовала приближеніе родовъ. Послали въ городъ за бабкою и пока ѣздили за нею, жена моя родила преждевременно мальчика. Это случилось въ половинѣ Августа, когда приходилось скоро переезжать въ городъ. Надобно было оставаться все время на дачѣ, пока жена не оправится. Недѣли черезъ двѣ переездъ оказался возможнымъ. Не могу умолчать объ одномъ обстоятельстве, повидимому ничтожномъ,

*) Который я устроилъ и за который чуть не попалъ въ полицію.

но оставившемъ во мнѣ непріятное впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ родовъ моей жены я услышалъ большой стукъ на крыльцѣ. Люди сустились, въ передней никого не было, а между тѣмъ стукъ повторился. Я самъ вышелъ посмотрѣть, что тамъ такое и увидалъ въ окно, что ломится какая-то женщина вся въ черномъ. Я спросилъ, что ей надобно, и она стала просить пособія. Она попала ко мнѣ въ минуту неудобную. Я съ грубостью отослалъ ее, за ея неприличную стукотню. Но черезъ нѣсколько минутъ я пожалѣлъ объ этомъ; мнѣ слѣдовало дать ей что-нибудь. Я счелъ явленіе этой черной жевщины дурнымъ предзнаменованіемъ, и дѣйствительно родившійся ребенокъ послѣ десятинедѣльнаго существованія умеръ.

На новой квартирѣ мы устроились довольно просторно. Назначили у себя пріемный въ недѣлю день, въ который постоянно пріѣзжали къ намъ короткіе наши знакомые. Въ Петербургѣ назначеніе дня для пріемовъ считалось необходимостію, что представлялось удобнымъ для того, чтобъ желающіе видѣться не ѣздили даромъ другъ къ другу, а были уже увѣрены, что застанутъ дома; да и хозяевамъ лучше посвятить для пріемовъ одинъ день въ недѣлю, нежели принимать каждый день и не быть никогда покойнымъ. На слѣдующій годъ (1833) родился у насъ другой сынъ (Иванъ). Жена была вообще слабаго сложенія, но не смотря на это хотѣла во что бы ни стало выполнять самой всѣ материнскія обязанности, хотя у ней было очень мало молока; она не спала по ночамъ, поглядывая на мальчика, хорошо ли спитъ, покоенъ ли и не случилось ли чего съ нимъ. Всѣ увѣщанія мои поменьше о немъ заботиться и быть покойнѣе были напрасны. Она видимо истощалась, худѣла и слабѣла. Наконецъ доктора нашли необходимымъ отправить ее въ Ревель купаться въ морѣ. Она не смѣла не исполнить докторскихъ приказаній, и мы съ наступленіемъ лѣтнихъ дней 1834 года поѣхали въ Ревель. Я былъ очень доволенъ этою поѣздкою; мнѣ давно хотѣлось освѣжиться на свободѣ; взялъ отпускъ на три мѣсяца, притомъ освобождался отъ столкновеній съ Веловзоръ. и могъ прожить нѣкоторое время вдали отъ дразгъ моихъ новыхъ родныхъ, съ которыми судьбѣ угодно было свести меня. Я надѣялся, что разлука съ ними и моей жены будетъ для нея очень полезна. Намъ наняли въ Ревелѣ небольшую квартиру въ Екатерингалѣ, близко отъ морскихъ купалень и отъ сада. Мѣсто прекрасное, но оно представляло то неудобство, что мы были окружены пріѣзжими изъ Петербурга, большею частію людьми богатыми и знатыми. Это насъ много стѣсняло: мы вовсе не рассчитывали заводить въ Ревелѣ знакомства, а пріѣхали единственно попользоваться свободою, независимостію и купаніемъ въ морѣ. Я не по-

ѣхалъ съ визитомъ ни къ губернатору, ни къ начальнику маяковъ Спафарьеву, въ домѣ котораго собиралось все лучшее общество, ни къ другимъ знаменитостямъ Ревеля; мы позволяли себѣ только одно развлеченіе: бывать въ салонѣ близъ морскихъ купаленъ, гдѣ одинъ разъ въ недѣлю собиралось общество танцевать подъ звуки двухъ арфъ. Хотя тамъ жена моя познакомилась съ нѣкоторыми дамами, но это знакомство ограничивалось одними привѣтствіями и учтивостями и не доходило до короткости. Впрочемъ изъ бывшихъ въ то время въ Ревелѣ дамъ мы не встрѣтили ни одной, которая соотвѣтствовала бы нашимъ требованіямъ. По большей части всѣ думали только о щегольствѣ и нарядахъ, искали шумныхъ развлеченій, ничѣмъ другимъ не занимались, кромѣ пересудовъ. Мы старались держать себя подалеже отъ нихъ... Иногда однакожъ мы порядочно скучали въ одиночествѣ. Часто составлялись въ обществѣ загородныя прогулки, пикники, на которые насъ, какъ незнакомыхъ, не приглашали. Я этимъ былъ очень доволенъ, потому что избѣгалъ лишнихъ расходовъ, но жену мою такое отчужденіе отъ общества досадовало. Что нибудь одно: или пускаться въ вихрь свѣта, и тогда надобно быть готовымъ на всѣ жертвы, какія отъ насъ свѣтъ требуетъ, хоть бы онъ были даже намъ не по силамъ, или отказаться отъ свѣта и жить уединенно, собственно для себя, и тогда уже не думать о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно найти въ свѣтскомъ обществѣ. Къ несчастію женская натура требуетъ общительности: она не можетъ довольствоваться одними домашними занятіями... Женщина всегда стремится показать себя другимъ, особенно, если она не дурна собою и чувствуетъ, что можетъ нравиться, а также поболтать съ знакомыми о разныхъ житейскихъ мелочахъ, которыя составляютъ ея обстановку. Отрѣшиться отъ общества и заключиться въ предѣлахъ своего домашняго быта женщина не въ состояніи. Это не въ ея натурѣ и если бываютъ исключенія, то это съ одичавшими женщинами, вслѣдствіе какой нибудь особенности въ характерѣ или очень невыгодныхъ для нея обстоятельствъ, заставляющихъ ее скрываться отъ людей; но и тутъ, если она не совершенно апатична, она ищетъ случая поговорить съ женщинами низшаго круга и послушать сплетней своего околотка. Заѣхавъ въ незнакомый намъ городъ, мы ничего не знали, что въ немъ происходитъ; пріѣзжіе насъ мало интересовали; мы жили какъ въ монастырѣ. Изрѣдка бывали только у тамошняго жандармскаго штабъ-офицера Грессера, который приходился намъ нѣсколько сродни. Жена его, урожденная Рашетъ, была очень кроткая и пріятная женщина. За всѣмъ тѣмъ мы не избѣжали суетности.

Въ сосѣдствѣ нашемъ, въ Екатериненталѣ, жила графиня Уварова, жена министра нар. просвѣщенія, съ двумя дочерьми и сыномъ. Уварова знала жену мою по прежнимъ отношеніямъ съ Рославлевой, у которой жена моя воспитывалась. Старшая дочь Уваровой часто игрывала съ нею, будучи еще ребенкомъ. Онѣ встрѣтились какъ-то на купаньи, сейчасъ сошлись, вспомнивъ старину. Вскорѣ графиня пригласила насъ къ себѣ, и мы стали посѣщать ее и иногда составлять партію. Однажды дочь Уваровой забѣжала къ намъ и, увидя на столѣ какой-то Французскій романъ, взятый нами для прочтенія изъ книжной лавки, выпросила его прочесть. Жена ей дала. Романъ состоялъ изъ пяти томовъ; отдано было четыре, а пятый не былъ еще полученъ изъ лавки, и я обѣщаль его доставить черезъ нѣсколько дней. Спустя нѣкоторое время, бывшій у Уваровыхъ, я сталъ извиняться передъ дѣвицею, что до сего времени не успѣлъ получить для нея пятого тома. Мать ея, вслушавшись въ разговоръ, отозвала жену мою въ сторону и стала спрашивать, какіе это романы мы даемъ читать ей дочери. Жена отвѣчала, что романъ самый обыкновенный и приличный, и она не встрѣтила никакого затрудненія дать его въ руки дѣвицы; но Уварова не удовольствовалась этимъ объясненіемъ и съ нѣкоторою желчью замѣтила женѣ моей, что не слѣдовало давать дочери ея книгъ, не сказавъ о томъ ей матери. Жена оправдывалась тѣмъ, что она вовсе не знала о распорядкѣ, обязывающемъ дочь ея читать книги не иначе, какъ по выбору и дозволенію матери. Уварова кидала гнѣвные взоры на дочь свою и на мою жену. Я стоялъ переконфуженный и воспользовался первою удобною минутою, чтобъ увести жену мою домой. Дорогою я изъяснялъ ей мое негодование на Уварову, по какому праву она осмѣливается дѣлать намъ замѣчаніе за выдачу книгъ дочери ея; она можетъ разсчитываться съ дочерью за чтеніе педозволенныхъ книгъ какъ ей угодно, но никто не обязанъ знать домашнія ея постановленія и правила въ отношеніи воспитанія ея дочерей. Притомъ старшая дочь ея уже взрослая дѣвушка, и ей около 20 лѣтъ, поэтому никому въ голову прійти не можетъ, что она состоитъ еще подъ такою строгою опекою матери. Мы положили прекратить знакомство съ Уваровыми и не приходять къ нимъ, если бы даже получили приглашеніе. Мы легли спать въ самомъ дурномъ расположеніи духа. На другой день довольно рано утромъ явился къ намъ человекъ отъ Уваровой съ просьбою доставить чей-то адресъ, который и былъ мною данъ; черезъ часъ, послѣ того новый посланный съ приглашеніемъ женѣ моей пожаловать къ графинѣ... Потолковавъ между собою, мы рѣшили, что жена отправится по приглашенію, но постарается выразить Уваровой, какъ непріятно

было выслушивать ея замѣчанія. Жена вскорѣ воротилась п расказала мнѣ происходившую между ними сцену. Уварова встрѣтила ее со слезами на глазахъ, извинялась въ своемъ вчерашнемъ увлеченіи и жаловалась на дочь, что та, не смотря на запрещеніе читать книги безъ предварительнаго представленія ихъ на ея усмотрѣніе, не слушается ея и читаетъ украдкою все, что ей попадаетъ. Послѣ такого объясненія происходили обниманія и цѣлованія, и жена пришла домой растроганная. Я очень доволенъ былъ развязкою и продолжалъ носѣщать Уваровыхъ... Странная забота матери о нравственности своей дочери. Эта дѣвушка, не смотря на прежній надзоръ, по выходѣ замужъ за кн. Урусова, сдѣлалась вскорѣ одною изъ первыхъ левницъ въ Петербургѣ, и однажды такъ блистательно отличилась вмѣстѣ съ двумя подобными ей пріятельницами въ одномъ изъ знаменитыхъ Петербургскихъ ресторановъ, гдѣ онѣ страшно покутили, что сдѣлалась предметомъ удивленія Петербургскихъ жителей, которые ничему уже не удивляются.... Княгиня уѣхала за границу, гдѣ ей, повидимому, больше простора. Странно, какъ графъ Уваровъ, который слылъ человѣкомъ умнымъ, могъ допустить это. Онъ, кажется, болѣе занимался Греческимъ языкомъ и придворными интригами, нежели воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыхъ велъ такъ, какъ вообще ведутъ знатные господа, т.-е. все для наружности и очень мало для сущности. Впрочемъ сынъ его вышелъ порядочнымъ человѣкомъ, хотя мало приспособилъ себя для общественной дѣятельности. Вторая дочь его вышла за Балабина, но не долго просуществовала; она умерла очень молодою.

Мы до конца сезона посѣщали Уваровыхъ. Иногда они составляли пикники, и я долженъ былъ сопровождать ихъ. Обязанности кавалеровъ въ подобныхъ прогулкахъ довольно начетисты для кармана. Надобно угощать дамъ фруктами, конфетами и проч. Поневолѣ любезничаешь, хотя и нѣтъ лишнихъ денегъ въ бумажникѣ... Я порядочно издержался въ два пикника, такъ что разстроился мой финансовый бумажникъ, и я долженъ былъ занять нѣсколько денегъ, чтобъ не встрѣтить остановки въ расходахъ на обратный путь.

Ревель оставилъ во мнѣ непріятное впечатлѣніе. Устроившись въ Екатериненталѣ, гдѣ поселялись обыкновенно пріѣзжіе съ претензіями на знатность и утонченную свѣтскость, мы очень были стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ. Надобно было заботиться о костюмѣ, часто прибѣгать къ наемнымъ экипажамъ, даже принимать гостей. У насъ не было тамъ искреннихъ друзей, съ которыми можно было проводить время въ пріятной и искренней болтовнѣ. Насъ окружали одни модныя франтики, большею частію пріѣхавшія въ Ревель безъ мужей. Съ

ними была невыносимая скука, и мы отъ нихъ удалялись. Притомъ Ревель самъ по себѣ скучный городъ. Коренные жители вообще не сходятся съ прїѣзжими. Простота ихъ нравовъ и неприхотливость въ домашнемъ быту составляютъ рѣзкую противоположность съ высоко-мѣріемъ и тщеславіемъ нашихъ Петербургскихъ прїѣзжихъ. Послѣдніе всегда смѣются надъ Нѣмцами, которые по гордости также не хотятъ ни въ чемъ уступать Русскимъ и стараются лучше удалиться отъ ихъ общества. Въ манерахъ Русскихъ есть какой-то обидный тонъ покровительства, напоминающій Эстляндцамъ, что они не усвоили себѣ вполне обыкновенній высшаго образованнаго общества. Русскіе не любятъ Нѣмецкой аккуратности: они живутъ широко, разгульно. Эстляндцы напротивъ очень просты въ обращеніи и въ образѣ жизни и избѣгаютъ всего параднаго и натянутого. Ревельцы и потому еще не могутъ сойтись съ Русскими, что худо изъясняются *по-французски*, а дамы наши не охотницы до Нѣмецкаго языка и весьма немногія его знаютъ, чтобъ свободно говорить на немъ съ Нѣмцами. Бывшій въ то время въ Ревелѣ губернаторомъ Бенкендорфъ старался сблизить оба общества, давая у себя балы, но безуспѣшно. Подъ конецъ сезона собрались въ Ревелѣ морскіе офицеры, прибывшіе съ эскадрою, но они мало оживили общество: они не имѣли лоску высшаго круга, и на нихъ смотрѣли нѣсколько свысока. На бывшихъ въ салонѣ еженедѣльныхъ собраніяхъ случалось, что офицеры танцовали только между собою. Ни одной дамы не появлялось въ залѣ, а онѣ смотрѣли въ окна съ галлерей, какъ молодые люди отличались, сами же не хотѣли войти; принято было собираться одинъ разъ въ двѣ недѣли, а не бывать каждое собраніе. Многія этимъ очень скучали, но не смѣли нарушить правила, съ точностію исполняемаго модными законодательницами. Послѣ отъѣзда моряковъ однообразіе сдѣлалось крайне утомительнымъ, и каждый спѣшилъ оставить Ревель. Всѣ отправились почти въ одно время, что должно было произвести нѣкоторую остановку въ лошадяхъ. Въ предвидѣніи ея, я постарался запастись особымъ открытымъ листомъ отъ губернатора для предъявленія станціоннымъ смотрителямъ въ случаѣ задержки на станціи. Этою бумагою я вздумалъ воспользоваться на второй станціи, но тотчасъ же убѣдился, что бумага ни къ чему не служить. Смотритель швырнулъ ее на столъ съ негодованіемъ (что меня, какъ Русскаго чиновника, до крайности удивило) и сказалъ мнѣ, что онъ и безъ бумаги отпустить лошадей, если есть. Вѣроятно ему надобно уже подобныя предъявленія, которыя впрочемъ легко достаются отъ губернатора. Это много характеризуетъ Эстляндцевъ. Между ними значительно развито чувство долга. Они исполняютъ свои обязанности совѣстливо и не нуждаются въ понуж-

деніи, которое только ихъ оскорбляетъ. Здѣсь видно, что они болѣе служатъ дѣлу, а не лицамъ, совсѣмъ не такъ какъ у Русскихъ, которые готовы все сдѣлать для своихъ начальниковъ, даже какуюнибудь несправедливость, лишь бы угодить тѣмъ, отъ коихъ зависятъ. И сами начальники не слишкомъ много церемонятся съ подчиненными. Они требуютъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія и сильно хлопочутъ о ихъ награжденіи, если замѣчаютъ ихъ преданность и покорность.

Народъ въ Эстляндіи грубъ и упрямъ. Запрашивая цѣну, онъ никогда не уступаетъ. Мнѣ случалось нанимать извозчиковъ и когда я предлагалъ цѣну ниже той, какую они запрашивали, они спокойно ѣхали дальше, не останавливаясь даже тогда, когда я соглашался на ихъ цѣну. Частое обращеніе съ Эстляндцами возбудило во мнѣ какую-то антипатію къ нимъ. Я не привыкъ къ такой грубости со стороны простого класса и радовался, что съ прїѣздомъ въ первый Русскій городъ, Нарву, встрѣчусь съ людьми болѣе услужливыми. Но именно въ этомъ городѣ я разочаровался и со всею искренностію пожалѣлъ о грубыхъ Эстляндцахъ, которые хотя и непріятны, но по крайней мѣрѣ честны. Мнѣ хотѣлось посмотреть на Нарвскій водопадъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, но съ меня запросили такую баснословно высокую цѣну, что я долженъ былъ отказаться отъ поѣздки. Путевство Русскаго мужика, слишкомъ ярко отпечатанное на его лицѣ, невольно кидалось въ глаза послѣ долговременнаго созерцанія тупоумной фizioноміи Эстляндца, всегда почти молчаливаго и мрачнаго и во всѣхъ случаяхъ выказывающаго совершенное ко всему равнодушіе, даже къ пріобрѣтенію.

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРЬЯНА ИВАНОВИЧА САФОНОВИЧА ¹⁾.

Послѣ кочующей, довольно скучной жизни въ Ревелѣ, мы нашли въ Петербургѣ все изящнымъ и прекраснымъ и не могли нарадоваться, глядя на наши покойное, хотя и скромное, жилище. Все пошло по старому. Жену мою всѣ ласкали; многіе искали ея знакомства, находивъ въ ней всѣ качества и достоинства женщины хорошо воспитанной, необыкновенно привѣтливой и предупредительной. Между прочими знакомыми должно упомянуть о Натальѣ Кирилловнѣ Загряжской, дочери извѣстнаго К. Разумовскаго и теткѣ кн. Виктора Павл. Кочубея, въ домѣ котораго она и жила, занимая пять-шесть комнатъ ²⁾ безъ особенной роскоши. Она отдала все состояніе свое Кочубеямъ и довольствовалась опредѣленнымъ содержаніемъ на домашніе свои расходы. Ей было уже болѣе 80 лѣтъ, но она сохранила и умственные способности, и всю теплоту сердца, за что ее всѣ любили. Каждый вечеръ собиралось къ ней множество посѣтителей для составленія ей партіи въ бостонъ или просто посидѣть и встрѣтиться со знакомыми, но главнѣйше повидаться съ кн. Кочубеемъ, занимавшимъ первый постъ въ Имперіи, предсѣдателя Государств. Совѣта, челоуѣкомъ съ большимъ вліяніемъ и поэтому нужнымъ. Эти люди являлись не надолго и оставались до того времени, какъ Загряжская усаживалась за карточный столъ, потомъ мало-по-малу разлетались въ разныя стороны. Въ числѣ гостей бывали у нея всѣ важныя и извѣстные люди того времени, между прочими графъ Блудовъ, необыкновенный мастеръ рассказывать о какомъ предметѣ угодно: все, кажется, было ему доступно и знакомо. Онъ обладалъ обширною памятью и говорилъ одинаково плодотворно и хорошо о театрѣ, о романѣ, о дѣлахъ общественныхъ и проч. Онъ былъ очень занимателенъ въ дамской компаніи, и его съ удовольствіемъ слушали. На вечера являлся по временамъ поэтъ Пушкинъ; но онъ не производилъ особеннаго тамъ эффекта, говорилъ немного, больше о

¹⁾ См. выше, стр. 323.

²⁾ Это комнаты въ нижнемъ ярусѣ дома на Фонтаннѣ, гдѣ принималась просители у графа П. А. Шувалова и недавно у Д. С. Сипягина! П. Б.

вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. Пушкинъ составлялъ какое-то загадочное, двуплечное существо. Онъ кидался въ знать и хотѣлъ быть популярнымъ, являлся въ салоны и держалъ себя грязно, искалъ расположенія къ себѣ людей вліятельныхъ и высшаго круга и не имѣлъ ничего граціознаго въ манерахъ и велъ себя нѣсколько надменно. Онъ былъ и консерваторъ, и революціонеръ. Съ удовольствіемъ*) принималъ званіе камеръ-юнкера, а вертѣлся въ кругу людей не слишкомъ симпатизировавшихъ двору. Толкался по гостинимъ и занимался сочиненіями; былъ поэтъ въ душѣ, а пустился въ исторію, которая ему не далась, потому что требовала болѣе постоянства и настойчивости въ занятіяхъ, нежели сколько Пушкинъ могъ посвятить ей. Избалованный похвалами своихъ современниковъ и журналистовъ, онъ вносилъ въ свое общество какую-то самоувѣренность, которая отталкивала отъ него знакомыхъ. Онъ не принадлежалъ къ числу людей, которые могутъ увлечься откровенностію и задушевностію: всегда въ немъ видно было стремленіе быть авторитетомъ. Въ высшемъ кругу это ему не удавалось: тамъ обыкновенно принимаютъ поэтовъ и извѣстныхъ артистовъ совсѣмъ съ другою цѣлью и не столько имъ желаютъ угождать, сколько сами требуютъ отъ нихъ угожденій. Къ сожалѣнію многіе подчиняются этому требованію, и едва ли не было замѣтно это въ Пушкинѣ. До сихъ поръ о личныхъ свойствахъ и характерѣ Пушкина мало было писано. Нѣкоторые разсѣянные по журналамъ анекдоты о немъ болѣе выказываютъ намѣреніе выставить его человѣкомъ острымъ, нѣсколько злобнымъ, желавшимъ унижить, уничтожить своего противника или претендующаго на извѣстность, нежели обрисовать его значеніе, какъ человѣка. Чѣмъ болѣе пройдетъ времени, тѣмъ менѣе останется людей, которые въ состояніи это сдѣлать по воспоминаніямъ. Большая часть его сверстниковъ сошла уже въ могилу; другіе оставшіеся не были съ нимъ въ такихъ отношеніяхъ, чтобъ могли сказать о немъ всю правду. Личность Пушкина останется навсегда неопредѣленною

Гостиная Загряжской представляла какую-то смѣсь лицъ изъ разныхъ разрядовъ общества. Къ ней являлись нѣкоторыя ловкія дамы, умѣвшія втереться туда съ цѣлью поправить обстоятельства своихъ мужей или родственниковъ. Загряжская была необыкновенно ласкова, искала случаевъ быть полезною другимъ, сама даже напрашивалась, не нужно ли было просить кого нибудь о чемъ, и этимъ нѣкоторые пользовались. Къ несчастію, кредитъ ея съ лѣтами значительно падалъ. Всѣ обѣщали исполнить ея желаніе, и никто ничего не дѣлалъ. Она

*) Это не вѣрно; напротивъ: друзья насилью уговорили Пушкина, чтобъ онъ не бѣсновался, и представлялся онъ въ чужомъ (Н. М. Смирнова) мундирѣ. П. Б.

объ этомъ забывала и при новомъ настояніи повторяла свои просьбы, которыя также оставались безъ дѣйствія. Расказывали, что ей случалось просить за двухъ - трехъ лицъ на одно и тоже мѣсто, пли за обоихъ противниковъ въ какомъ нибудь дѣлѣ. Племянника своего кн. Кочубея она никогда ни о чемъ не просила и говорила всѣмъ объ этомъ откровенно. Князь настоятельно требовалъ отъ нея, чтобъ она не заставляла его хлопотать за лицъ обращающихся къ ней съ просьбами, и она въ точности исполняла его требованіе. За то всѣмъ прочимъ пощады отъ нея не было. Если нужно было кого нибудь просить, она тотчасъ посылала къ нему человѣка съ просьбою пріѣхать къ ней, и тотъ немедленно являлся, выслушивалъ ея просьбу и дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь вовсе ея ходатайствомъ. На вечерахъ ея кн. Кочубей держалъ себя чрезвычайно важно, мало говорилъ, оставался короткое время. Онъ былъ въ полной формѣ эгоистъ; такимъ считала его и Загряжская. Она его не слишкомъ любила; за то обожала жену его, рожденную Васильчикову, Марію Васильевну, женщину весьма ласковую и повидимому добрую. Княгиня оставалась гораздо долѣе и часто просиживала цѣлый вечеръ толковать съ гостями, которые не играли въ карты. Не смотря на то, что каждый вечеръ пріѣзжало много гостей, Загряжская безпокоилась, что у ней не будетъ партіи и по крайней мѣрѣ раза три въ недѣлю присылала ко мнѣ человѣка звать на партію. Очень часто являясь по приглашенію, я заставлялъ у нея людей, пріѣзжавшихъ нарочно поиграть съ нею. Я бывалъ лишній и, оставаясь безъ занятія, не зналъ, что дѣлать отъ скуки. Хотя Загряжская рекомендовала мени многимъ изъ своихъ гостей, но ихъ вниманіе ко мнѣ ограничивалось удостоеніемъ мени своею улыбкою и нѣсколькими привѣтливыми словами. Я не признавалъ за собою права требовать отъ нихъ бѣльшаго: каждый изъ нихъ былъ столько занятъ своими связями и собою, что не могъ имѣть особеннаго стремленія заниматься человѣкомъ, для него совершенно чуждымъ, съ которымъ у него не было ничего общаго. И притомъ не былъ слишкомъ разговорчивымъ и если ко мнѣ не обращались съ вопросами, то конечно не вмѣшивался въ разговоръ, который впрочемъ болѣею частію касался происшествій домашняго и общественнаго ихъ быта. Я тутъ ничего не понималъ, разговоръ меня интересовалъ не могъ; мнѣ оставалось только, слушая, хлопать глазами. Какъ ни выдавала себя Загряжская за патріотку, говоря съ гостями не иначе какъ по-русски, Французскій языкъ преобладалъ въ ея гостиной. Этихъ господъ и особенно дамъ нельзя было заставить говорить на родномъ языкѣ. Это было противно ихъ понятіямъ о приличіи, изящности, противно ихъ привычкамъ, полученнымъ съ малолѣтства и пре-

вратившимся въ природу. Загряжская всегда съ коллестію отзывалась о своихъ родныхъ и знакомыхъ проживавшихся за границею и удивлялась, какъ можно надолго оставлять свое отечество и жить съ чужими людьми. Въ то время не было еще той маніи жить за границею, какая развилась въ послѣдствіи даже до безобразія. Уѣзжали одни знатные и люди богатые. Княгиня Кочубей тоже хотѣлось ѣхать за границу, но Загряжская ея не пускала: безъ нея она очень бы скучала. Она требовала, чтобъ та была непрерывно съ нею и употребляла всѣ хитрости, чтобъ видѣть ее чаще; но княгиня не могла исключительно посвятить себя для нея: у нея были свои общественныя обязанности. Не было дня, чтобъ Загряжская не дѣлала ей замѣчаній за равнодушіе къ ней; она ревновала ее даже къ мужу. Старушка до глубокихъ лѣтъ сохраняла всю молодость любящаго сердца, и трудно объяснить, до какой степени она могла любить въ такіе годы, когда по обыкновенному ходу природы человѣкъ становится не только холоднымъ ко всему, но даже черствѣетъ до безчувствія. Загряжская готова была на всѣ жертвованія для того, кого любила, и искала одного: нѣкотораго вниманія къ себѣ. Въ требованіяхъ своихъ сохраняла всегда приличную скромность, хотя по званію своему и по лѣтамъ имѣла право давать приказанія, а не просить. Она чувствовала, что слабѣетъ и тѣломъ и душой, и смиренно покорилась судьбѣ, радуясь по крайней мѣрѣ тому, что ея еще не совсѣмъ оставили и ее навѣщаютъ, хотя не могла не знать, что цѣлью посѣщеній собственно не она, а ея высокостепенный племянникъ. Какъ умная женщина, она очень хорошо понимала своихъ посѣтителей: въ нихъ проявлялись или пустота идей, или цинизмъ, или наконецъ безчувствіе ко всему, что не могло льстить стремленію ихъ къ матеріальнымъ наслажденіямъ. Она не могла любить ихъ, зная, что они бываютъ у нея только по свѣтскимъ отношеніямъ; она цѣнила истинное чувство, а въ нихъ она его не замѣчала.

Загряжская любила рассказывать про старину и часто повторяла одно и то же. Пушкинъ записалъ нѣкоторые изъ ея анекдотовъ и языкомъ, какимъ она рассказывала. Загряжская была фрейлиною при дворѣ Петра III, помнила хорошо то время, когда этотъ несчастный императоръ отправлялся изъ Ораниенбаума въ Кронштадтъ, гдѣ думалъ произвести контръ-революцію или по крайней мѣрѣ укрыться отъ преслѣдованія своей жены. Надежда на вѣрность Кронштадскаго гарнизона его обманула; онъ былъ встрѣченъ пушечными выстрѣлами и долженъ былъ воротиться назадъ. Загряжская рассказывала этотъ эпизодъ съ большою обстоятельностью. Проведя всю жизнь при дворѣ, она была очевидицею многихъ интересныхъ происшествій царствованій Екатерины, Павла и Александра. Однажды я рѣшился изъяснить ей

сожалѣніе, почему она не веда никакихъ записокъ: онѣ составили бы рѣдкую книгу для будущихъ поколѣній. «Эхъ, мой другъ, отвѣчала она, я никогда не умѣла писать, гдѣ мнѣ было вести записки; потомъ память потеряла». Дѣйствительно жаль, что она не оставила послѣ себя никакихъ воспоминаній о временахъ, въ которыя она сама бывала дѣйствующимъ лицомъ. Много любопытныхъ подробностей напрасно исчезли изъ страницъ исторіи.

Загряжская была кривобока. Этотъ физическій недостатокъ мѣшалъ ей быть матерью. За всѣмъ тѣмъ она вышла замужъ за чело-вѣка, котораго очень любила и уважала, но съ условіемъ, чтобъ онъ до нея не касался. Онъ подчинился этому условію, и они прожили до глубокой старости, оставаясь только пскренними друзьями. Онъ умеръ за долго до нея. О немъ отзывались какъ о чело-вѣкѣ умномъ, добромъ и очень благотворительномъ.

Почтенная старушка играла въ карты очень дурно и всегда про-грывала, но игра сдѣлалась ей потребностью; игралъ по 25 к. за фишку, и часто проигрышъ составлялъ для нея къ концу года значи-тельную сумму. Она ею охотно жертвовала, чтобъ только сократить утомительное для нея вечернее время. Послѣ игры оставались у нея уживать. За ужиномъ говорили непринужденно и безъ всякихъ пре-тензій, эти полчаса я проводилъ всегда съ большимъ удовольствіемъ. Послѣ ужина нельзя было тотчасъ расходиться: надобно было еще по-сидѣть нѣкоторое время, пока старушка не кончитъ своего пасьянса. Она не любила ложиться рано спать и удерживала своихъ гостей какъ можно долѣе.

Нѣсколько разъ Загряжская спрашивала меня, не можетъ ли она быть мнѣ въ чемъ нибудь полезнаю. Я всегда отвѣчалъ ей, что службою доволенъ и пока ничего не ищу. Не смотря на то, она не-премѣнно хотѣла познакомить насъ съ графиней Канкриной на слу-чай, если бы нужно было заинтересовать въ пользу мою графа Канк-рина. Въ одинъ вечеръ, получивъ свѣдѣніе, что графиня будетъ къ ней на чай, она дала тотчасъ объ этомъ мнѣ знать и просила пріѣхать къ ней съ женою. Мы отправились, но графиня прислала сказать, что въ этотъ вечеръ быть не можетъ, а пріѣдетъ завтра. Загряжская потребовала, чтобы и мы явились завтра. Нечего было дѣлать, на-добно было исполнить требованіе. На другой день Загряжская пред-ставила насъ Канкриной. Черезъ нѣсколько дней мы поѣхали къ гра-финѣ съ визитомъ; насъ пріняли очень любезно. Графиня, впрочемъ, была изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя любятъ хлопотать за людей собственно имъ преданныхъ и мало обращала вниманія на обществен-

ныя отношенія. Она рѣдко выѣзжала въ свѣтъ, гдѣ ея не слѣшкомъ жаловали. У нея не было тѣхъ манеровъ, которые тамъ усвоены. Мы ѣздили къ ней по временамъ, но конечно, напрасно: или дома ея нѣтъ, или нездорова, или просто почему нибудь принять не можетъ. Это знакомство ни къ чему намъ не послужило, мы не умѣли употребить его въ нашу пользу; ни я, ни жена моя не могли ее заинтересовать собою; для этого нужны были качества, которыхъ въ насъ не доставало. Намъ тяжело было ѣздить къ ней; казалось, что она и всѣ видѣли стремленіе наше сблизиться съ нею изъ корыстныхъ видовъ. Такая мысль чрезвычайно оскорбляла наше самолюбіе. Наши визиты сдѣлались рѣже, рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекратились: мы убѣдились въ ихъ бесполезности.

Между тѣмъ я пожелалъ однажды воспользоваться любезнымъ вызовомъ Загряжской что нибудь для насъ сдѣлать. Открылось мѣсто предсѣдателя Казенной Палаты въ Петербургѣ. На другой день смерти занимавшаго эту должность Якубовскаго, теща моя поѣхала къ Загряжской и объяснила ей наши виды. Она съ жаромъ взялась за дѣло и въ тотъ же день послала къ гр. Канкрину просить его къ себѣ. Тотъ на другой день явился. Она рассказала ему, для чего она желала съ нимъ видѣться, и передала ему составленную мною записку о помѣщеніи меня на открывшуюся вакансію. Канкринъ принялъ это ходатайство съ неудовольствіемъ, отозвался ей, что я для этого мѣста еще молодъ, что мѣсто довольно важное, отвѣтственное; однимъ словомъ, отказалъ ей. Черезъ два-три дня мнѣ сообщено отъ Канкрина, что ему непріятно, когда обращаются къ постороннимъ лицамъ для полученія мѣстъ, и я могъ обратиться прямо къ нему, или черезъ мое вачальство. Замѣчаніе вполне дѣльное, хотя и не совсѣмъ вѣрное. Безъ ходатайства сильныхъ людей едва ли много получишь въ своемъ вѣдомствѣ, надѣясь только на свою службу. Такимъ образомъ я не получилъ мѣста, которое впрочемъ было бы мнѣ кстати и вполне могло бы меня устроить: я оставался бы въ Петербургѣ, откуда жена моя ни за что не хотѣла выѣзжать, не желая разскаиваться съ матерью, о чемъ даже говорила выходя за меня замужъ. Мѣсто предсѣдателя досталось человѣку моложе меня, одному изъ секретарей Канкрина Жадовскому, котораго графиня очень жаловала, такъ что злая хроника приписывала это назначеніе особенному расположенію къ нему графини. Этотъ Жадовскій составилъ въ скоромъ времени огромное состояніе, пустился въ большія спекуляціи, велъ роскошную жизнь, нанималъ большую квартиру, за которую платилъ 7000 р. асс., давалъ обѣды и считалъ себя однимъ изъ счастливейшихъ міра. Такъ его и

другіе разумѣл. Но все въ мірѣ прахъ и тлѣнъ: черезъ нѣсколько лѣтъ онъ потерялъ свое мѣсто, состояніе его разстроилось отъ неудачныхъ спекуляцій, такъ что кругъ его дѣйствія сузился до весьма ограниченныхъ размѣровъ, и у него не бывало денегъ въ карманѣ на самые необходимые предметы въ жизни; вскорѣ онъ оставилъ совсѣмъ службу (послѣднее время онъ былъ членомъ Совѣта Министерства Финансовъ), поѣхалъ въ свою Костромскую деревню, гдѣ крестьяне побили его за жестокое обращеніе. Онъ удалился въ другое свое имѣніе въ Оренбургской губерніи*), но и тамъ ему не посчастливилось. Онъ не забылъ своихъ Костромскихъ привычекъ и скоро довелъ крестьянъ до совершеннаго раздраженія, за поступки свои преданъ былъ слѣдствію и суду и посаженъ въ острогъ (онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ). Какъ кончилось его дѣло, я узнать не могъ.

Вообще я не умѣлъ о себѣ хлопотать; мнѣ трудно было убѣдить себя, что настоящее для меня нехорошо и надобно искать лучшаго. Я былъ всегда доволенъ тѣмъ, что имѣю и умѣлъ искусно изворачиваться своими средствами. Такое воззрѣніе на предметы не могло быть ручательствомъ того, что я сдѣлаю себѣ карьеру по службѣ. Всегда я дѣйствовалъ неохотно, слабо, безъ всякой ловкости и настойчивости, больше предоставлялъ хлопотать другимъ и только въ послѣдней крайности рѣшался просить о себѣ, и то лишь для успокоенія своей совѣсти, чтобъ послѣ не пенять на себя. Загряжская была слишкомъ стара, чтобъ понять всѣ обстоятельства и обсудить средства, которыя нужно употребить для успѣха. Она все еще думала попрежнему, что стоить ей только попросить кого нибудь, и тотчасъ все сдѣлается по желанію ея. Неудачи, которыя она испытывала, вовсе не охлаждали ретивости ея просить за другихъ. Часто случалось мнѣ съ грустнымъ чувствомъ слушать, какъ она приставала къ нѣкоторымъ лицамъ съ тою или другою просьбою и какъ должна была выслушивать регоны, почему нельзя было исполнять ея просьбу. Подобные отказы дѣлались добросовѣстными людьми, а большая часть давала обѣщанія, успокоивала старушку и потомъ подтрунивала надъ страстію ея хлопотать за другихъ. Недолго мы съ нею побыли. Въ одинъ вечеръ она не могла явиться въ гостиную и сѣсть за свой бостонъ. На слѣдующій день она слегла, на третій день ея не стало. Она уснула спокойно, безъ страданій.

Постоянные посѣтителы ея, особливо бывавшіе у ней каждый день, осиротѣли и должны были обратиться къ другому роду жизни. Они много въ ней потеряли; въ ней они видѣли истиннаго друга, которому могли повѣрить все, что было на душѣ, зная, что

*) Тамъ служилъ у Ижадовскаго на винномъ заводѣ молодой В. А. Кокоревъ. П. Б.

она приметъ въ нихъ теплое участіе. Положеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ она успѣла хорошо устроить. Со смертію ея кончилось мое знакомство съ лицами, которыхъ я встрѣчалъ въ ея гостиной. На улицахъ я продолжалъ съ ними раскланиваться, но мало-по-малу я отсталъ и отъ этой необходимости, дѣлая видъ, что не вижу ихъ и смотря въ другую сторону, чѣмъ конечно и они были довольны. Еще нѣкоторое время продолжали мы знакомство съ графиней Уваровой, съ которой иногда встрѣчались и у Загряжской, ея родной тетки, бывали у нея съ утренними визитами; но эта сухая, чисто матеріальная женщина такъ мало показывала намъ истиннаго участія, что мы вскорѣ совсѣмъ ее оставили. Такимъ образомъ вся эта знать сдѣлалась для меня совершенно чуждою. Мы объ этомъ не жалѣли, напротивъ были довольны: знакомство съ этими господами только оскорбляло наше самолюбіе. Мы не позволяли себѣ съ ними и тѣни униженія, но они по привычкѣ важничать своимъ именемъ и богатствомъ всегда болѣе или менѣе давали чувствовать свое превосходство. Это не всегда можно было спокойно переносить.

Семейство наше постепенно прибавлялось. Рожденіе дѣтей сильно пазуряло жену мою. Она и безъ того не могла похвастаться излишнимъ здоровьемъ. Дѣтство ея было истомлено усиленнымъ ученіемъ и недостаткомъ движенія; потомъ, когда выросла, ее стали возить по баламъ, которые окончательно разстроили ея силы. Мать считала это необходимымъ: красота дочери и ея достоинства льстили ея самолюбію. До свадьбы мы нигдѣ не встрѣчались съ женою на балахъ, хотя и также любилъ потанцовать и ѣздилъ во многіе дома, гдѣ давали балы. Судьба свела насъ иначе, какъ бы въ подтвержденіе тому, что частые выѣзды на вечера не всегда служатъ къ сближенію съ людьми, съ которыми суждено прожить нѣкъ вмѣстѣ. Но можно было извинить мать: она полагала весьма естественнымъ вывозить свою дочь въ свѣтъ, гдѣ думала найти человѣка, который пригодился бы ей въ злѣтѣ. Она крѣпко ошиблась, а между тѣмъ здоровье дочерей было подорвано. Теперь у нея не хватало силъ на выполненіе всѣхъ обязанностей матери: дѣтей своихъ она сама не могла кормить, ухаживаніе за ними по почамъ сильно ее пазуряло. Нервы ея были разстроены, малѣйшій пискъ дѣтей приводилъ ее въ волненіе; она видѣла опасность тамъ, гдѣ не было и признаковъ, на замѣчанія мои о бесполезности подобной суетливости она сердилась и называла меня безчувственнымъ. Надобно было привыкнуть къ такому положенію вещей, и я, видя, что передѣлать этой тонкой, раздражительной натуры не могу, предоставлялъ ей дѣлать какъ она хочетъ. Она сама чувствовала, что поступаетъ неблагоразумно, но иначе дѣйствовать не умѣла.

Съ умноженіемъ семейства увеличивались и наши расходы: завелись кормилицы и няньки, явились и другія непредвидѣнныя издержки. Надо было стѣсняться. Задумывая жениться, я мало интересовался о приданомъ жены; смутно зналъ только, что у нея есть два имѣнія, одно въ Новгородской губерніи (небольшая деревенька и довольно порядочное количество лѣса) и другое въ Тверской губерніи, деревня душъ 30. Но сколько оба эти имѣнія могли приносить дохода, мнѣ не было извѣстно. О лѣсѣ говорили, что это отличное имѣніе, между тѣмъ оно не давало почти никакого дохода. Надобно было заняться приведеніемъ дѣлъ нашихъ въ порядокъ; до женитьбы моей никто не заботился объ этихъ имѣніяхъ. Вскорѣ стали являться желающіе купить у насъ лѣсъ и предлагали за него до 20 тыс. асс. Не зная настоящей цѣнности его, мы ни на что не рѣшались. Прошло нѣсколько лѣтъ, покупщики исчезли, мы оставались въ совершенномъ невѣдѣніи о достоинствахъ лѣса и что за него просить можно. Я мало думалъ объ этомъ, не имѣя никакой опытности въ торговыхъ дѣлахъ. Мнѣ, конечно, слѣдовало бы отправиться на мѣсто, осмотрѣть все въ подробности съ людьми знающими и собрать такимъ образомъ самыя точныя свѣдѣнія; но мнѣ и въ голову не приходило, чтобы это нужно было сдѣлать. Жена также объ этомъ не заботилась, и мы жили спустя рукава. Наконецъ снова показались покупщики и стали набавлять цѣну. Тогда мнѣ пришла въ голову мысль, нельзя ли продать лѣсъ въ вѣдомство военныхъ поселеній, которое, сколько было мнѣ извѣстно, пріобрѣтало по близости лѣсныя и другія угодья удобныя для округленія его хозяйства. Я обратился въ департаментъ военныхъ поселеній, гдѣ чрезъ рекомендацію познакомился съ однимъ изъ начальниковъ отдѣленія; мнѣ посовѣтовали подать просьбу, что я и исполнилъ. Департаментъ послалъ своего землебра для измѣренія лѣса. Дѣло длилось довольно долго; наконецъ мнѣ объявили, что по измѣренію оказалось удобнаго лѣса двѣ тысячи съ чѣмъ-то десятинъ и, что если я желаю продать его, то мнѣ предлагается по 15 р. за десятину. Я очень доволенъ былъ подобнымъ результатомъ, онъ значительно поднималъ цѣнность лѣса, и я зналъ, что можно за него запрашивать. Во всякомъ случаѣ, если бы даже не было въ виду частныхъ покупателей, я могъ бы продать лѣсъ въ казну: цѣну я находилъ удовлетворительною. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и я получилъ увѣдомленіе департамента военныхъ поселеній, что, по случаю преобразованій въ поселеніяхъ, въ покупкѣ для нихъ имѣній больше не представляется надобности. Эта новость была крайне для меня непріятна. Я пустился отыскивать частныхъ покупателей, тщетно объѣздивъ въ Петербургъ всѣ лѣсныя и дровяные дворы, вездѣ получалъ

отвѣты, что лѣсовъ не покупаютъ въ настоящее время. Спустя только долгое время, явился ко мнѣ повѣренный одного изъ сосѣдей по имѣнію помѣщика Унковскаго съ предложеніемъ продать лѣсъ. Онъ далъ послѣднюю цѣну 38,500 р., и я согласился продать за эту сумму. Капиталь этотъ могъ давать намъ процентовъ до 3000 р. въ годъ, что значительно увеличивало способы наши къ жизни. Часть его употреблена была на покупку акцій Американской Компаніи и бумагопрядильной мануфактуры, а часть отдана въ займы г-жѣ Веловзоръ; къ сожалѣнію половина послѣдней части погибла безвозвратно: должница не уплатила ея.

Я никогда не умѣлъ распоряжаться деньгами; другіе могли бы сдѣлать изъ такого капитала обороты, которые приносили бы хорошія выгоды, или пріобрѣсть имуществу, какъ, напримѣръ, домъ въ Петербургъ или деревеньку, но для этого у меня не доставало ни предпримчивости, ни опытности. Гораздо легче отдать деньги въ займы на проценты и ни о чемъ болѣе не хлопотать. Первый опытъ отдачи мною денегъ въ займы князю * * * не послужилъ мнѣ въ пользу. Я растерялъ уже оди́нъ капиталъ. Подобной участи подвергся и другой капиталъ. Но какимъ образомъ отказать матери моей жены, которая готова была всѣмъ для нея жертвовать? О будущемъ мы мало съ нею думали.

Между тѣмъ я не совсѣмъ отказался отъ желанія поправить свое состояніе и пользовался всѣми случаями, какіе для того представлялись. Оди́нъ изъ дальнихъ родственниковъ моей жены, отставной офицеръ Я., явился однажды ко мнѣ съ предложеніемъ, не желаю ли участвовать въ одномъ предпріятіи, которое дастъ мнѣ порядочный доходъ. Оно состояло въ слѣдующемъ. Нѣкто Бухтеевъ, Кіевскій купецъ, давно уже умершій, придумалъ машину для пробиванія на мелководныхъ рѣкахъ мелей съ цѣлью облегчить судоходство. Послѣ Бухтеева остался сынъ, который желалъ испросить на это изобрѣтеніе привилегію и завелъ объ этомъ дѣло. Управление путей сообщенія требовало отъ Бухтеева опытовъ съ тѣмъ, что если машина окажется полезною, то будутъ составлены правила для дѣйствія машины и ему выдава будетъ привилегія. Для этихъ опытовъ ему нужны были деньги. Я—й, сблизившись съ нимъ, захотѣлъ быть участникомъ и взялся отыскивать деньги. Съ этою цѣлью опъ явился и ко мнѣ. Предпріятіе казалось блестящимъ и обѣщало много выгоды, тѣмъ болѣе, что само правительство было заинтересовано имъ и дѣло уже разсматривалось въ Комитетѣ Министровъ. Я соблазнился и далъ Я—у 1500 р. Опыты начались на Волгѣ, между Тверью и Рыбнскомъ.

Здѣсь лѣтомъ вода такъ сильно падаетъ, что суда нагруженные тяжело не могутъ плыть безостановочно и должны перегружать товары на множество маленькихъ лодокъ, что очень замедляетъ дѣло и требуетъ значительнаго числа работниковъ, отчего усиливаются расходы на перевозку товаровъ. Машина ставится на воду, она имѣетъ впереди носъ въ родѣ щучьяго и съ боковъ крылья. Плывая постепенно по водѣ, этимъ носомъ и крыльями она очищаетъ себѣ русло достаточное для движенія слѣдующихъ за нею барокъ. Опыты произведены были успѣшно не только на Волгѣ, но и на Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ также существуютъ мели, препятствующія судоходству. Я—и вездѣ самъ ихъ производилъ, лазилъ въ воду, подвергался всѣмъ непріятностямъ кочевой жизни, не унывалъ, надѣялся достичь самыхъ благопріятныхъ результатовъ и каждый разъ, когда бывалъ въ Петербургѣ, заходилъ ко мнѣ отдавать отчетъ въ своихъ подвигахъ. Все льстило надеждѣ на успѣхъ предпріятія; между тѣмъ я заключилъ условіе, по которому мнѣ слѣдовало получать при дѣйствіи машины извѣстную пропорцію изъ выручаемыхъ отъ нея доходовъ по количеству внесенной мною суммы. Наконецъ все было готово, свѣдѣнія были собраны и засвидѣтельствованы мѣстными участниками въ опытахъ, и все это было представлено графу Клейнмихелю, а отъ него вмѣстѣ съ составленными правилами внесено въ Комитетъ Министровъ, который велѣлъ истребовать отъ Бухтеева свѣдѣнія, согласенъ ли онъ на тѣ правила. Въ нихъ заключались двѣ-три статьи, которыя Бухтеевъ желалъ нѣсколько измѣнить, о чемъ онъ и упомянулъ въ своемъ отзывѣ. Комитетъ, на томъ основаніи, что Бухтеевъ исполнилъ не согласенъ принять составленные правила, положилъ отказать ему въ привилегіи. Такимъ образомъ дѣло рушилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ погибли и мои 1500 р. Дѣлу этому противодействовали всѣ тѣ лица, которыя находили болѣе выгодъ въ старомъ порядкѣ. Судохозяева, большею частію повѣренные или прикащики, предпочитали прежнюю перегрузку товаровъ: они показывали своимъ вѣрителямъ огромные на этотъ предметъ расходы и половину ихъ клали въ свой карманъ. Прибрежные крестьяне получали большіе барыши отъ непрерывныхъ остановокъ судовъ за мелями, ихъ нанимали для перегрузки; сверхъ того, имъ платили за продовольствіе; наконецъ, управленіе путей сообщенія не находило своихъ расчетовъ въ новомъ порядкѣ движенія судовъ, потому что слѣдовало оставить прежнюю систему поднятія водъ при устьѣ Волги посредствомъ искусственныхъ возвышеній береговъ сжимающихъ водяное русло, что давало имъ хорошій доходъ. Бухтеевъ былъ крайне огорченъ отказомъ, намѣревался возобновить дѣло, сдѣлать требуемыя уступки, но испугался новыхъ расходовъ, увидѣлъ свою слабость, предчувствовалъ неудачи и бросилъ хлопотать.

Вскорѣ представилось мнѣ новое дѣло, которое обѣщало мнѣ значительныхъ выгоды.

Я познакомился, сблизился и подружился съ Завилейскимъ. Последнее время своей службы былъ онъ предсѣдателемъ Грузинской Каз. Палаты, а потомъ Тифлисскимъ губернаторомъ. Въ этой должности ему не повезло: у него оказалось много людей, ему недоброжелательствовавшихъ, его смѣнили и даже затѣяли ему непріятное дѣло, отъ котораго онъ съ трудомъ отдѣлался. Онъ попалъ наконецъ въ члены Совѣта Минист. Финансовъ. Онъ былъ женатъ на дочери Красноярскаго золотопромышленника Попова, поэтому имѣлъ хорошее состояніе. Каждый Четвергъ у него бывали славные обѣды, на которые я постоянно являлся. Не знаю почему, онъ меня очень полюбилъ. Вскорѣ онъ захворалъ. У него открылась спазмодическая одышка, которая мало-по-малу совершенно его изнурила. Я усердно посѣщалъ его. Однажды онъ сообщилъ мнѣ намѣреніе свое передать въ полную собственность мою одинъ спорный пріискъ, предоставленный ему его тестемъ, съ тѣмъ, чтобъ я принялъ на себя хлопоты по дѣлу. Онъ отзывался объ этомъ пріискѣ, что, въ случаѣ выигрыша этого дѣла, тестъ самъ дастъ мнѣ за него 50000 р., если я пожелаю уступить его ему. Я поблагодарилъ его за такой подарокъ и просилъ передать мнѣ для разсмотрѣнія всѣ бумаги, что тотчасъ онъ исполнилъ. Дома я внимательно прочелъ бумаги и нашелъ, что противная сторона не права, а заявка пріисковъ Поповымъ сдѣлана была своевременно и въ должномъ порядкѣ. Я явился къ Завилейскому и сообщилъ ему свое мнѣніе, которое онъ вполне раздѣлялъ. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что не замедлитъ совершить актъ на передачу мнѣ своего права на пріискъ, но такъ какъ онъ чувствуетъ себя нехорошо, то проситъ подождать пока онъ поправится. Послѣ того я еще заходилъ къ нему и нашелъ его гораздо лучше. Онъ собирался отыскать бумагу, по которой переданъ ему пріискъ Поповымъ съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать на ней надпись на мое имя или въ случаѣ надобности совершить формальную довѣренность. Это было въ Воскресенье. Онъ просилъ меня прійти къ нему на другой день послѣ обѣда для окончанія дѣла. Въ Понедѣльникъ я собрался идти къ нему, какъ встрѣтилъ въ передней его человѣка съ извиненіемъ, что не можетъ меня принять. Ему сдѣлалось хуже. Въ Среду я получилъ билетъ на похороны. Такимъ образомъ онъ не успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе. Между тѣмъ всѣ бумаги о пріискѣ остались у меня. Собравшись въ назначенный день на погребеніе, я нашелъ тамъ между прочими Ореуса и Рѣпинскаго, которымъ и рассказалъ обстоятельства дѣла. Они приняли

во мнѣ участіе, и послѣдній, какъ нѣсколько завѣдывавшій въ Петербургѣ дѣлами Попова, обѣщался написать къ нему и уговорить его исполнить волю покойнаго зятя, т. е. совершить со мною актъ. И дѣйствительно онъ отправилъ письмо. Вскорѣ предъявилъ онъ мнѣ отвѣтъ Попова, что, не имѣя никакихъ доказательствъ желанія своего зятя на передачу мнѣ пріиса, онъ не можетъ совершить никакого акта. Рѣпинскій не удовольствовался однако этимъ отвѣтомъ; онъ счелъ даже себя оскорбленнымъ, что Поповъ ему не вѣритъ и вторично писалъ къ нему, что онъ долженъ выдать актъ. Тогда отъ Попова получено было письмо, что онъ соглашается на выдачу акта и скорѣ это исполнитъ; при чемъ просилъ, чтобъ я занялся этимъ дѣломъ и составилъ куда слѣдуетъ нужныя бумаги. Такое обѣщаніе меня очень порадовало, и я считалъ пріиски почти въ моемъ карманѣ. Немедленно и написалъ къ Сибирскому генералъ-губернатору просьбу, которую и отослалъ къ Попову для подписи и просилъ его сообщать мнѣ нужныя свѣдѣнія для дальнѣйшихъ дѣйствій. Между тѣмъ тщетно я ожидалъ отъ Попова акта. Онъ не высылалъ его ко мнѣ, хотя и въ своемъ письмѣ онъ увѣрилъ меня, что вышлетъ его безъ замедленія. Я воспользовался поѣздкою въ Сибирь одного изъ моихъ знакомыхъ и поручилъ ему повидаться съ Поповымъ и переговорить о моемъ дѣлѣ. Этотъ знакомый съ Поповымъ не встрѣтился и ничего для меня не сдѣлалъ. Черезъ нѣкоторое время отправлялся въ Сибирь другой мой знакомый. Я просилъ его принять на себя составленіе акта и при свиданіи съ Поповымъ кончить это дѣло. Но этотъ господинъ поступилъ со мною какъ медвѣдь съ хозяивомъ, котораго во свѣ беспокоила муха. Онъ составилъ проектъ акта съ такими условіями, на которые Поповъ не согласился. По пріѣздѣ его въ Петербургъ онъ сообщилъ мнѣ о неудачахъ переговоровъ его съ Поповымъ, показывалъ мнѣ проектъ акта, въ которомъ я нашелъ много совсѣмъ ненужныхъ условій; слѣдовало составить простой актъ на передачу, но господинъ изъ усердія ко мнѣ старался сколько можно болѣе выгадать въ мою пользу и это простое дѣло превратилъ въ весьма сложное. Время терялось напрасно въ бесполезныхъ сношеніяхъ съ Поповымъ; разстояніе было огромное, отъ Петербурга до Красноярска слишкомъ 4700 верстъ, и я не видѣлъ конца дѣлу; наконецъ получилъ извѣстіе, что скорѣ прібудетъ въ Петербургъ сынъ Попова, и я съ нимъ могу уладиться. Надобно было ожидать этого сына. И дѣйствительно онъ пріѣхалъ, и явился ко мнѣ. Я спросилъ его, имѣетъ ли онъ отъ отца полную добѣренность на окончаніе со мною дѣла. Онъ отвѣчалъ, что имѣетъ. Слава Богу, авось кончимъ. Прошло нѣкоторое время, сынъ ничего не дѣлаетъ. Я зашелъ къ нему; онъ павинялся, что у него много хлопотъ

и ему некогда приступить къ заключенію акта; впрочемъ ему надобно еще сообразить. Молодой человѣкъ, какъ и всѣ купчики его сорта, любилъ покутить и, дорвавшись до Петербурга изъ скучной Сибири, радъ былъ воспользоваться случаемъ повеселиться. Дѣло откладывалось со дня на день. Наконецъ онъ объявилъ мнѣ, что на отца его по одному золотопромышленному дѣлу, также спорному, какъ и наше, Сенатъ вложилъ огромный штрафъ за неправый искъ и что поэтому, въ случаѣ проигрыша нашего дѣла, будетъ наложенъ на нихъ новый штрафъ, и отецъ его полагаетъ лучше пріостановиться отыскиваніемъ своихъ правъ по вашему пріиску впредъ до лучшихъ обстоятельствъ. За сямъ молодой купчикъ мнѣ расклавялся, и мы больше съ нимъ не встрѣчались. Мои золотые пріиски исчезли, какъ дымъ.

Вскорѣ тотъ же Я . . . ѣ явился ко мнѣ съ новымъ предложеніемъ дать одному купцу 1000 р. для веденія одного спорнаго въ Сенатѣ дѣла съ тѣмъ, чтобъ я помогъ ему и употребилъ свое ходатайство у кого слѣдуетъ. За это, кромѣ процентовъ на ссужаемый мною капиталъ, онъ даетъ мнѣ извѣстную часть изъ выигрыша дѣла. Почему же не попробовать? Предложеніе было выгодное. Я рѣшился дать 1000 р. Заключено было условіе, и я приступилъ къ ходатайству; нѣкоторое время слѣдилъ за дѣломъ, которое двигалось очень медленно. Наконецъ купецъ черезъ Я . . . го выразилъ мнѣ желаніе, чтобъ я отказался отъ всякаго участія по этому дѣлу, отъ котораго при слабомъ вниманіи моемъ къ нему онъ ожидаетъ мало успѣха, должны же имъ мнѣ деньги онъ постарается немедленно мнѣ отдать. Насильно милъ не будешь; я охотно отказался и поручилъ ему возвратить мнѣ тотчасъ деньги. Но это не такъ скоро сдѣлалось. Купецъ исправно уплатилъ мнѣ свой долгъ, но безъ всякихъ процентовъ, хотя продержалъ деньги болѣе полугода. Я былъ и тѣмъ доволенъ, что не потерялъ капитала.

Такимъ образомъ ни одна изъ денежныхъ моихъ спекуляцій мнѣ не удалась. Я долженъ былъ признать себя совершенно неспособнымъ на денежные аферы; мнѣ недоставало для этого нужной ловкости и смѣлности; я не умѣлъ настойчиво хлопотать, для чего пужна извѣстная доля безстыдства, и лицемѣрія, и униженія, а главное надобно очень любить деньги, такъ чтобъ онѣ занимали всѣ мысли. Этой любви у меня никогда не было. Я считалъ себя счастливымъ, если забывалъ о деньгахъ; мнѣ ихъ нужно было на столько, чтобъ я могъ выдавать ихъ всегда безъ затрудненія по требованіямъ однихъ необходимыхъ въ домъ расходовъ. Лишнихъ расходовъ я не допускалъ и легко могъ безъ нихъ обходиться. Прихоти мои вообще были очень умѣренны, и

содержанія моего по службѣ доставало для жизни съ семействомъ. Это обстоятельство вредно дѣйствовало на мою дѣятельность. Довольствуясь тѣмъ, что имѣю, я не предпринималъ ничего для улучшенія моего положенія. Иногда приходила мысль перемѣнить службу, такъ какъ она не вполне соотвѣтствовала моимъ видамъ и не льстила въ будущности, но я не рѣшался мѣнять вѣрное на невѣрное. Я получалъ хорошее содержаніе при готовой квартирѣ. Въ другомъ вѣдомствѣ я не могъ имѣть этого; конечно честолюбіе было бы болѣе удовлетворено, но на это я смотрѣлъ также нѣсколько философски. Мѣсто правителя канцеляріи, которое я занималъ въ департаментѣ, не давало однако пищи моей дѣятельности; мнѣ хотѣлось чего нибудь поумнѣе, и я воспользовался первою ваканціею начальника отдѣленія, гдѣ производство дѣлъ было гораздо серьезнѣе. Я сталъ ѣздить съ докладами къ графу Канкрину.

Но, сближаясь съ министромъ, я познакомился съ такими неприятностями, которыхъ прежде не испытывалъ. Канкринъ былъ человѣкъ чрезвычайно капризный. Онъ страдалъ хирагрою и когда его мучила боль, то дѣлался невыносимъ: все было не по немъ. Къ несчастію мнѣ приходилось ѣздить къ нему по Пятницамъ, въ тотъ день, когда онъ бывалъ съ докладомъ у Государя. Часто онъ возвращался оттуда въ самомъ дурномъ настроеніи духа, и на мнѣ обрушивались неудовольствія, испытанныя имъ па докладѣ. Это меня очень разстроивало. Цѣлый день я справиться не могъ; я терялъ аппетитъ и за обѣдомъ почти ничего не ѣлъ; желчь моя сильно страдала. Какъ я ни старался увѣрить себя, что министръ ничего не можетъ имѣть противъ меня лично, потому что дѣла производились скоро и добросовѣстно, но вѣчная сухость и ворчливость его оставляли на мнѣ тяжелое впечатлѣніе. Это самое испытывалъ и директоръ Д. М. Княжевичъ, который часто ѣздилъ со мною съ докладомъ. Мы возвращались домой какъ будто выпаренные въ банѣ. Канкринъ почему-то не жаловалъ Княжевича и иногда позволялъ себѣ съ нимъ выходки не совсѣмъ лестныя для самолюбія послѣдняго. Трудно было ихъ переносить, но нужно было покоряться впредъ до лучшихъ обстоятельствъ, если бы представились. Канкринъ былъ человѣкъ весьма ученый. Онъ получилъ солидное Нѣмецкое образованіе, подъ руководствомъ своего отца, тоже извѣстнаго ученостію. При недостаткѣ у насъ свѣдущихъ и практическихъ людей, Канкринъ скоро обратилъ на себя вниманіе и назначенъ былъ въ Отечественную войну генералъ-интендантомъ арміи; потомъ ему поручено было окончить наши счеты съ Пруссіею и Австріею по бывшей съ Французами войнѣ, а въ 1823 г. онъ сдѣланъ министромъ финансовъ.

Образъ жизни и нравы его были чисто Нѣмецкіе. Онъ непрерывно курилъ. Жена была на Муравьевой Катерины Захаровны, женщины, не отличавшейся изящными манерами, но доброй. Мужъ ее очень любилъ и исполнялъ всѣ ея требованія; поэтому она имѣла большое вліяніе, и въ ней заискивали желавшіе получить мѣста. У нихъ было 4 сына и 2 дочери. Мальчики получали воспитаніе дома и всѣ поступили въ военную службу. Отецъ хотя самъ началъ съ гражданской службы и оставался въ ней до статскаго совѣтника, когда съ поступленіемъ въ интендантство произведенъ былъ въ генераль-маіоры, но о статской службѣ отзывался съ презрѣніемъ и говорилъ, что дворянинъ долженъ непремѣнно служить въ военной. Изъ сыновей его ни одинъ не вышелъ въ люди. Старшій Валеріанъ былъ флгель - адъютантомъ, потомъ генераль - маіоромъ и управлялъ нѣкоторое время Коммисаріатскимъ Департаментомъ. Онъ былъ человѣкъ не глупый, но велъ жизнь развратную, промотался въ конецъ на женщинъ и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Второй служилъ въ Преображенскомъ полку, скоро женился, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, въ Екатеринославской губерніи, предавшись хозяйству. Его считаютъ человѣкомъ солиднымъ. Прочіе двое также пустились во всѣ тяжкія. Меньшой даже былъ опубликованъ, чтобъ ему не вѣрили. Куда они дѣлись, мнѣ неизвѣстно. Они исчезли съ служебнаго горизонта. Такимъ образомъ ни одинъ не умѣлъ поддержать имя своего отца, и въ этомъ отношеніи они не отстали отъ знатныхъ Русскихъ семействъ, которыхъ молодые люди, по большей части вслѣдствіе безобразнаго воспитанія, гибнутъ въ праздности и ничтожествѣ. Дочери Канкринны вышли замужъ, одна за гр. Кейзерлинга, нынѣшняго попечителя Дерптскаго университета, другая за гр. Ламберта. Объ онѣ гораздо лучше своихъ братьевъ.

Ни гр. Канкринна, ни жену его не любили при дворѣ. Въ нихъ ничего не было придворнаго, они почти никуда не ѣздили, и у нихъ былъ свой небольшой домашній кругъ, состоявшій болѣе изъ молодыхъ людей. Канкринъ принималъ доклады и утромъ, и вечеромъ; послѣдніе продолжались иногда за полночь. Ничего не было скучнѣе этихъ докладовъ. Иногда должно было дожидаться три, четыре и даже пять часовъ, пока позовутъ. Докладъ не стоилъ этой жертвы; случалось нести съ собою не болѣе 10, 12 бумагъ, которыя подписывались менѣе нежели въ 5 минутъ, и для этихъ ничтожныхъ бумагъ надобно было терять напрасно столько времени въ ожиданіи. Вечерніе доклады были покойнѣе утреннихъ: Канкринъ былъ въ лучшемъ расположеніи духа и, казалось, смѣтливѣе. Однажды я пріѣхалъ къ нему съ Княжевичемъ вечеромъ на дачу въ Лѣсной Институтъ, гдѣ онъ обыкновенно прово-

дигъ лѣто. Мы привезли съ собою одинъ обширный проектъ объ отчужденіи пмѣній и о казенныхъ по этому предмету пошлинахъ. Чтеніе проекта заняло почти часъ времени. Канкринъ слушалъ внимательно, не прерывалъ и по окончаніи чтенія сказалъ: «Все это не такъ. Садитесь, пишите... и началъ диктовать... Письмо продолжалось болѣе двухъ часовъ. Во время чтенія онъ успѣлъ составить въ головѣ планъ, расположить его на главы и отдѣлы, и сочиненіе вышло очень замѣчательное по своей округленности и логическимъ выводамъ. Я удивлялся быстротѣ его соображенія п если бы самъ не былъ свидѣтелемъ, то не могъ бы повѣрить, чтобы человѣкъ, не будучи вовсе приготовленъ къ предмету, въ состояніи былъ вдругъ объять всю сущность и немедленно составить на бумагѣ свои предложенія, которыхъ изложеніе требовало болѣе двухъ часовъ времени. Канкринъ часто и самъ писалъ бумаги, но какъ Нѣмецъ выдѣлывалъ такіа фразы, которыхъ Русскій языкъ не допускаетъ. При перепискѣ нѣкоторые слова замѣнялись другими равно-значительными, и въ самомъ изложеніи старались дать другой оборотъ фразъ болѣе свойственный языку; но Канкринъ былъ часто недоволенъ пзмѣненіями и поправлялъ по своему. И дѣйствительно, выходило хоть не совсѣмъ складно въ литературномъ отношеніи, но рельефно: мысль рѣзко бросалась въ глаза, что и нужно было. У насъ до сихъ поръ нѣтъ біографіи Канкрина, да едва ли и будетъ *). Попадаются нѣкоторые замѣтки о его бывшей дѣятельности, но крайне неудовлетворительныя. При жизни его о немъ мало судили. Публика ничего не понимала въ фпнансахъ, но Русская партія пользовалась всѣми случаями кинуть къ нему камень. Такое уже свойство всякой бездарности! Получая поверхностное образованіе, пзъ Русскихъ вельможъ рѣдкій способенъ къ усидчивому, самостоятельному труду; а между тѣмъ сердятся, если даютъ важную должность людямъ пришлымъ, не пзъ ихъ круга. Нашимъ придворнымъ и баричамъ въ особенноти не нравился Канкринъ за его расчетливость и протесты противъ различныхъ неумѣренныхъ требованій. Самъ Государь часто на него дулся за замѣчанія его о необходимости сократить расходы на содержаніе арміи, и на одномъ журналѣ комптета фпнансовъ, гдѣ пзлагалась подобная мысль Канкрина, Николай Павловичъ написалъ, что онъ сужденіе объ этомъ предметѣ предоставляетъ себѣ самому. Канкрину тяжело было бороться въ этомъ отношеніи съ бывшимъ военнымъ министромъ княземъ Чернышовымъ, который пользовался полною довѣренностію Государя, искуснымъ царедворцемъ и тонкимъ дипломатомъ. Военное мпистерство тратило баснословныя суммы, и

*). Слѣдовало бы вполне перевести съ Нѣмецкаго біографію гр. Канкрина, сочиненную его зятемъ гр. Кейзерлингомъ. Выдержки пзъ нея въ „Р. Архивѣ“ 1866 года. П. Б.

служащіе тамъ близкіе къ Чернышову люди составляли себѣ большія состоянія, какъ, напримѣръ, Позенъ, Желъзновъ, Брискорнъ. Чернышовъ не могъ не знать этого. Публика находила, что такая снисходительность къ людямъ имѣла основаніе въ личныхъ интересахъ министра. Канкринъ возвращался часто отъ Государя въ самомъ дурномъ расположеніи духа, и однажды при миѣ онъ выразилъ все негодованіе свое на близкихъ къ Государю лицъ, не называя впрочемъ ихъ, за жадность ихъ и стремленіе болѣе заботиться о своихъ выгодахъ, нежели о пользѣ государственной. Видя, что сгоряча проговорился, Канкринъ сказалъ, обратясь ко миѣ, что это останется между нами. Я поклонился.

Трудно исчислить то, что Канкринымъ сдѣлано для Россіи во время бытности его министромъ финансовъ; для этого надобно просмотрѣть всѣ вышедшія за это время постановленія. Можно съ нѣкоторою опредѣлительностію сказать, что всѣ веденныя имъ операціи не его изобрѣтенія, а заимствованныя отъ другихъ государствъ и примененныя къ нашимъ потребностямъ. Одни говорили, что онъ поправилъ наши финансы; другіе, напротивъ, что онъ ихъ разстроилъ. Больше всего ему досталось за превращеніе нашего ассигнаціоннаго рубля въ серебряный *), и находили, что съ тѣхъ поръ у насъ все вздорожало. Купцы прикинули всѣ дробн до круглой суммы на всѣ свои товары. Это только въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо. Дороговизна происходитъ отъ другихъ болѣе важныхъ причинъ. Если сравнить его время съ тѣмъ, что было лѣтъ 25 или 30 спустя, то увидимъ значительную разницу. При Канкринѣ можно было еще жить небольшими способами; онъ много заботился о внутренней торговлѣ, фабрики процвѣтали, денегъ было много въ народѣ, курсъ былъ очень высокъ. Все это постепенно упало, и повѣйшія времена привели насъ бѣдность, упадокъ промышленности, торговли, ремесленности и земледѣлія. Деньги спрятались, кредитъ исчезъ, курсъ упалъ такъ низко, что заставляетъ опасаться такого же паденія нашихъ ассигнацій, какъ было съ прежними, уничтоженными Канкринымъ. При немъ ихъ считалось только до 170 милліоновъ, впоследствии сдѣлалось 700 м., не считая множества другихъ кредитныхъ бумагъ, какъ-то серій, различнаго рода банковыхъ билетовъ и свидѣтельствъ. Дороговизна на всѣ предметы поднялась страшная, и жить сдѣлалось трудно.

Въ послѣдніе годы жизни физическія страданія Канкрина увелились. Онъ сдѣлался необыкновенно брюзгливъ и утомлялъ всѣхъ своимъ ворчаніемъ. Дм. Макс. Книжевичъ также много терпѣлъ отъ него и искалъ только случая оставить министерство, о чемъ однажды гово-

*) Гр. Канкринъ былъ противъ этого, но долженъ былъ повиноваться. Тутъ дѣйствовалъ изъ за угла Полякъ Тенгоберскій. II. 6.

рилъ мнѣ послѣ бывшаго доклада въ Лѣсномъ Институтѣ, откуда мы вмѣстѣ возвращались въ городъ. Вскорѣ послѣ того онъ назначенъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. На его мѣсто директоромъ департамента опредѣленъ графъ Александръ Григор. Кушелевъ-Безбо-родко. Богъ знаетъ почему, Канкринъ остановился на немъ въ выбо-рѣ директора для управленія, въ которомъ менѣе всего требовались какія либо преобразованія и гдѣ дѣла должны идти по заведенному издавна порядку. Кушелевъ считался человѣкомъ обстоятельнымъ, знаю-щимъ финансовыя операціи. Онъ велъ очень недурно собственныя дѣла, самъ часто заглядывалъ въ свои счета, умѣлъ говорить о По-литической Экономіи, о кредитѣ, въ свое время успѣлъ прочесть кое-какіе ученые увражи. Немудрено, что между своими собратами, ари-стократами, онъ слылъ за умнаго человѣка и такъ какъ притомъ онъ былъ нѣсколько честолюбивъ, то легко могъ получить мѣсто, которое подвигало его впередъ: министры рады случаю помогать баричамъ подыматься по службѣ, если только находятъ въ нихъ кое-какія спо-собности. Кушелевъ, какъ видно, былъ въ хорошей школѣ, но его на-тура была вовсе непригодна для работы. Онъ не имѣлъ терпѣнія посидѣть одинъ часъ за дѣломъ, непрерывно вскакивалъ, на лету хва-татъ, что ему докладывали, худо вслушивался въ предметъ, бумагъ почти никогда не читалъ, довольствовался самымъ коротенькимъ разска-зомъ, все почти считалъ пустяками, не стоящимъ вниманія, постано-влялся только на томъ, что ближе подходило къ нѣкоторымъ зауче-нымъ имъ теоріямъ, не совсѣмъ еще испарившимся изъ его головы. Онъ тяготился службою, ѣздилъ въ Департаментъ раза два или три въ недѣлю на самое короткое время, и то больше передъ докладомъ къ министру. Бумаги, приготовленныя къ докладу, онъ подписывалъ, рѣдко слушая ихъ; онъ говорилъ, что прослушаетъ ихъ у министра, и случалось, что, во время доклада моего Канкрину привезенныхъ мною бумагъ, Кушелевъ начиналъ меня опровергать, какъ будто я доклады-валъ что нибудь такое, что прежде не доложилъ Кушелеву. Это мнѣ крѣпко не нравилось; онъ меня компрометировалъ передъ министромъ, и я рѣшался замѣчать о томъ Кушелеву, но онъ только улыбался и продолжалъ мало обращать вниманія на предварительные наши докла-ды. Канкринъ былъ съ нимъ удивительно терпѣливъ; видѣлъ, что Ку-шелевъ часто путается, не понимаетъ дѣла, суется съ своими мнѣніями, но никогда не выходилъ изъ границъ приличія и самымъ мягкимъ обра-зомъ останавливалъ его, не такъ, какъ съ прочими директорами, ко-торымъ часто дѣлалъ рѣзкія замѣчанія. Кушелевъ былъ вообще добрый малый и готовый на всякую услугу, но ею почти никто не пользовал-ся, потому что, при всей готовности, онъ не умѣлъ услуживать; для

этого нужна известной степени ловкость пользоваться обстоятельствами, которой у него не доставало. Онъ не обижался, когда ему отказывали; онъ считалъ достаточнымъ, что рѣшался ходатайствовать; если же былъ неуспѣхъ, то виноватымъ оказывался не онъ, а лицо ему отказавшее. Кушелевъ не долго пробылъ директоромъ, его сдѣлали сенаторомъ, что больше было для него пригодно. Въ Сенатѣ отъ него не требовалось никакой работы.

Я начиналъ сильно скучать въ этомъ департаментѣ. Для меня не было никакой перспективы; подняться было трудно, многіе изъ старшихъ меня по службѣ имѣли большія права на повышение въ должности, если бы открылась вакансія, но и вакансіи въ виду не было: всѣ сидѣли упорно на мѣстахъ, и одна только смерть ихъ могла открыть дорогу младшимъ. Хитрыхъ занятій отъ нихъ не требовалось, отвѣтственности у нихъ никакой по роду дѣлъ не было; они могли спокойно проводить свое утро на службѣ, не опасаясь, чтобъ ихъ пригласили оставить ее, а сами они не вздумали бы никогда разстаться съ нею. Однообразныя дѣла сдѣлались мнѣ приторны. Дѣятельности моя требовала другихъ болѣе интересныхъ занятій. Но какъ ихъ отыскать? Жена моя не хотѣла оставлять Петербурга, чтобъ не разставаться съ матерью; мои желанія были другого рода, но я не хотѣлъ слишкомъ противорѣчить женѣ. Въ Петербургѣ не представлялось мнѣ движенія по службѣ, да и надобно сознаться, что долговременное служеніе въ одномъ мѣстѣ губительно дѣйствуетъ на человѣка: онъ слишкомъ привыкаетъ и къ роду дѣлъ, которыми давно занимается, и къ своему положенію, особенно если оно покойно и представляетъ выгоды въ денежномъ отношеніи. Я вообще былъ плохимъ искателемъ. Мнѣ очень трудно было рѣшиться просить за себя, на это я былъ недовонокъ, самолюбіе мое страдало непомерно; мысль что откажутъ всегда меня удерживала. Съ другой стороны, какъ же обойтись безъ того, чтобъ не просить? Никто не обязанъ отгадывать моихъ желаній. Если я не желалъ оставаться въ одномъ положеніи, то надобно было что нибудь предпринять. Человѣку нужно движеніе впередъ, а при нашихъ понятіяхъ и общемъ стремленіи къ чему нибудь повыше и попочетнѣе, постоянное нахожденіе на одномъ мѣстѣ не составляетъ слишкомъ хорошей рекомендаціи. Умѣренность въ желаніяхъ—качество похвальное, но оно выказываетъ также и неудобную сторону: ограниченность понятій и недостатокъ энергіи. Всѣ сверстники подвигаются, а ты все сидишь на одномъ мѣстѣ; это значитъ идти назадъ. Напрасно призываешь философію, что за всѣми угоняться нельзя и что не возвышеніе составляетъ счастье человѣка; самолюбіе пытается

доказывать противное. Скоро однакожь вышелъ случай переимѣнить родъ моей службы.

Въ Іюлѣ 1842 года мнѣ представилась надобность быть въ Москвѣ. Послѣ умершаго Бронницкаго помѣщика Рославлева осталось имѣніе, которое продавалось съ публичнаго торга для покрытія его долговъ, и въ томъ числѣ главному кредитору его, мужу моей тещи, Веловзору, въ суммѣ слишкомъ на 200 тыс. ассигнаціями. Надобно было удержать имѣніе за Веловзоромъ въ уплату этого долга, что было желаніемъ и покойнаго Рославлева. Мнѣ дали довѣренность на покупку этого имѣнія, и я покатилъ въ Москву по желѣзной дорогѣ, недавно еще устроенной. Съ 1817 года я не двигался изъ Петербурга; слѣдовательно 25 лѣтъ ничего не видѣлъ, кромѣ надѣвшихъ мнѣ уже Петербургскихъ окрестностей. Съ чувствомъ особеннаго удовольствія я взглянулъ на Ивана Великаго, на Кремлевскіе соборы и на сотни Московскихъ церквей. Все напоминало мнѣ мои дѣтскія лѣта, проведенныя въ Москвѣ. Городъ уже отстроился, прежняго разрушенія не было видно, хотя въ тоже время нельзя было не замѣтить такихъ же какъ и въ старину кривыхъ и нечистыхъ улицъ, гадкой мостовой и грязи на площадяхъ. Въ назначенный для торговъ день я явился въ Губернское Правленіе. Торгующихся собралось человекъ пять, и въ числѣ ихъ былъ профессоръ университета докторъ Мухинъ, извѣстный въ городѣ врачъ, котораго я помнилъ еще когда учился въ университетѣ. Торговались не слишкомъ бойко, я постоянно надавалъ, и имѣніе осталось за мною. Я внесъ слѣдующія задаточныя деньги, но оставалось привести въ порядокъ состоявшій на имѣніи долгъ Опекунскому Совѣту, для чего нужно было приплатить отъ 17 до 18 тыс. ассиг. На этотъ предметъ у меня денегъ не доставало, надобно было гдѣ нибудь достать, иначе нельзя было совершить купчей крѣпости на имя покупателя, и сверхъ того пропадали задаточныя деньги. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ я обратился къ нѣкоторымъ лицамъ, которыя обѣщали мнѣ найти деньги за хорошіе проценты. Между тѣмъ я заѣхалъ къ бывшему директору благороднаго пансіона Антоновскому, случившемуся тогда въ Москвѣ. Ему было уже за 80 лѣтъ, но онъ сохранялъ всю бодрость. Онъ выказалъ много удовольствія видѣть меня. Въ короткихъ словахъ я рассказалъ ему о цѣли моего прибытія въ Москву и настоящее мое затрудненіе въ пріисканіи денегъ. Онъ выслушалъ меня внимательно и, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты, а черезъ двѣ минуты возвратился, неся въ рукахъ два билета Московской Сохранной Казны. «Вотъ вамъ деньги, въ которыхъ нуждается: здѣсь 18 тыс. кромѣ процентовъ, располагайте ими по

своему усмотрѣнію. Если почему нибудь они вамъ не понадобятся, то отдайте брату моему для передачи мнѣ, а я уѣзжаю въ деревню, гдѣ пробуду до конца лѣта». Я долго смотрѣлъ ему въ глаза и никакъ не могъ вѣрить, чтобъ старикъ, при всей извѣстной мнѣ скупости, рѣшился безъ всякой моей просьбы, а только услышавъ мой рассказъ, предложить мнѣ такую значительную сумму. Но удивленіе мое еще болѣе возросло, когда на вопросъ мой, какого рода документъ онъ желаетъ получить отъ меня, онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему ненужно никакого документа, а ему пріятно услужить мнѣ и если это сколько нибудь можетъ содѣйствовать устройству моихъ дѣлъ, то онъ этому будетъ очень радъ. Я принялъ деньги и выразилъ ему всю благодарность за любезность и участіе. Деньги мнѣ не понадобились; я успѣлъ выхлопотать въ Опекунскомъ Совѣтѣ, чтобъ остававшійся на имѣніи просроченный долгъ не былъ взыскиваемъ при заключеніи купчей крѣпости, а переведенъ былъ на меня, покупателя. Такимъ образомъ, кончивъ успѣшно дѣло, я возвратилъ деньги Антону Антоновичу, котораго нашелъ уже въ разслабленномъ состояніи. Онъ не вставалъ съ постели и собирался умирать, но сохранялъ еще всю память и охотно разговаривалъ. Онъ былъ двумя годами старше своего брата Михайла Антоновича.

Возвратившись въ Петербургъ, я засталъ Веловзора въ отчаянномъ положеніи. Онъ простудился, сидя на балконѣ въ одинъ изъ Петербургскихъ сырыхъ вечеровъ. У него сдѣлалась рожа. Съ трудомъ онъ узналъ меня. Дѣло подходило къ печальной развязкѣ. Жена его очень беспокоилась о томъ, что мужъ ея умереть не сдѣлавъ духовнаго завѣщанія о предоставленіи ей только что пріобрѣтеннаго имѣнія. Надобно было спѣшить, пока онъ еще былъ въ памяти. Наскоро составлено было домашнее духовное завѣщаніе, приглашенъ былъ его духовникъ, намъ всѣмъ коротко знакомый Алексѣй Ив. Маловъ, который послѣ исповѣди успѣлъ убѣдить его немедленно подписать завѣщаніе, на что тотъ сейчасъ согласился. Сильно дрожащею рукою онъ сдѣлалъ на бумагѣ каракули, такъ что съ трудомъ можно было разобрать подпись, и тутъ же Маловъ засвидѣтельствовалъ, что подпись сдѣлана рукою завѣщателя и въ полной его памяти. Мы всѣ были довольны исходомъ этого дѣла. Если бы не было этого завѣщанія, то имѣніе должно было поступить въ опеку по малолѣтству дѣтей, и это крайне стѣсняло бы дѣйствія матери въ управленіи имѣніемъ, но кромѣ того поставило бы ее въ непріятное положеніе ожидать обезпеченія содержанія своего отъ милости дѣтей, а теперь они отъ нея зависятъ. Веловзоръ черезъ нѣсколько дней умеръ—и хорошо сдѣлалъ: бесполезною своею жизнью онъ тяготилъ и себя, и другихъ.

Въ это хлопотливое для меня время, одинъ изъ моихъ сослуживцевъ сообщилъ мнѣ предложеніе директора департамента полиціи исполнительной Оржевскаго, не хочу ли я поступить въ нему въ вице-директоры. Предложеніе было не слишкомъ заманчивое. Съ переходомъ содержаніе мое отнюдь не увеличивалось; если я пріобрѣталъ нѣкую прибавку къ жалованью, то терялъ на томъ, что липался казенной квартиры съ отопленіемъ. Притомъ Оржевскій не принадлежалъ къ числу пріятныхъ начальниковъ. Мнѣ говорили, что я съ нимъ и полгода не уживусь. Все это не могло мнѣ льстить въ будущемъ. Но съ другой стороны чего мнѣ ждать можно было въ настоящемъ мѣстѣ моего служенія? Мнѣ хотѣлось употребить себя съ большею пользою для службы, и я рѣшился принять предложеніе. Оржевскій меня лично не зналъ, но интересовался мною, встрѣчавъ жену мою въ домѣ Мп-хайловыхъ, когда она была еще не замужемъ. Я явился къ Оржевскому. Онъ далъ мнѣ для формы дѣло въ видѣ испытанія. Дѣло это много меня заняло; мнѣ было не до него при хлопотахъ во время болѣзни Веловзора и потомъ похоронъ его; однако дней черезъ пять или шесть я принесъ дѣло Оржевскому, который представилъ его министру Перовскому. Спустя нѣсколько дней я явился къ Перовскому, который принялъ меня съ министерскою важностію; расспрашивалъ, гдѣ я учился, чѣмъ занимался въ министерствѣ финансовъ и проч. и отпустилъ меня, сказавъ, что замѣтилъ въ моей работѣ нѣсколько неточныхъ выраженій. Въ этомъ было много комическаго. Замѣчанія были мелочныя и не стоящія вниманія. Ему хотѣлось показать, что онъ входитъ во всѣ подробности. Наконецъ я получилъ предписаніе, что причисляюсь къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ возложеніемъ на меня исправленія вице-директорской должности, въ которой черезъ нѣсколько времени я былъ утвержденъ. Съ полною ретивостію я вступилъ на новое поприще, старался изучить предметы, входящіе въ составъ занятій министерства, покупалъ книги, гдѣ разсуждалось о чемъ нибудь касающемся до полицейскаго управленія, ознакомился съ прежними дѣлами министерства; однимъ словомъ, собирался служить совѣстливо, съ увлеченіемъ и пользою; мнѣ хотѣлось отличиться, обратить на себя вниманіе. Время вскорѣ однакожь показало, какъ дурно я рассчиталъ на дальнѣйшіе успѣхи мои по службѣ.

Перовскій былъ человекъ весьма образованный, съ хорошими наклонностями, необыкновенно дѣятельный, но весьма мало практичный, допускавшій произволъ лишь бы сдѣлать по своему, упорный, настойчивый, не любившій возраженій, такъ что подчиненные предоставляли ему дѣлать, что онъ хочетъ, исполняя его требованія и вмѣстѣ съ

тѣмъ осуждая ихъ. Бывшій директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ Плисовъ однажды не скрѣпилъ какой-то бумаги. На вопросъ Перовскаго почему онъ уклоняется отъ скрѣпы, Плисовъ отвѣчалъ, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія его, министра. Тогда Перовскій, послѣ нѣкоторыхъ жесткихъ объясненій, предложилъ Плисову оставить министерство. Въ сношеніяхъ съ чиновниками Перовскій былъ крайне непріятенъ, выказывая разные капризы. Онъ былъ вообще человѣкъ желчный и злой. Съ нимъ служить было тяжело. Онъ очень плохо объяснялъ свою мысль, не будучи мастеромъ выражаться. Кидалъ нѣсколько словъ, которыхъ смыслъ надобно было отгадывать; отъ этого бумаги выходили неудовлетворительныя; онъ сердился, говорилъ непріятности, считалъ, что ему нарочно посылаютъ бумаги не въ томъ смыслѣ, какъ онъ желаетъ и былъ вообще очень подозрителенъ. Въ каждомъ онъ предполагалъ стремленіе къ злоупотребленію, и всякій поступокъ, казавшійся ему неблаговиднымъ, онъ преслѣдовалъ съ жестокостію, но въ тоже время имѣлъ полную довѣренность къ людямъ весьма сомнительной нравственности и не пользовавшимся общественнымъ уваженіемъ, и только потому, что были ловки, понимали цѣли Перовскаго и слѣпо исполняли его приказанія, не заботясь о послѣдствіяхъ. Къ числу такихъ людей принадлежали Липранди, Стариковъ и много другихъ лицъ низшаго разряда. Министерство нуждалось въ подобныхъ людяхъ, часто способныхъ на всѣ гадости, лишь бы достигнуть результатовъ, которыхъ ожидали отъ ихъ дѣятельности. Перовскій любилъ вмѣшиваться во всѣ дѣла, гдѣ требовалось разслѣдованіе запутанныхъ обстоятельствъ или гдѣ выказывался обманъ съ цѣлью воспользоваться денежными выгодами. Публика охотно обращалась къ нему съ просьбами принять участіе въ такомъ разслѣдованіи, и онъ съ жаромъ за него принимался, но изъ подобныхъ дѣлъ немногія съ успѣхомъ оканчивались. Лица, которымъ онъ поручалъ эти дѣла, часто его компрометировали или излишнимъ усердіемъ, которое возбуждало сильныя и иногда справедливыя жалобы со стороны лицъ замѣшанныхъ въ дѣло, или неблагонамѣренными ихъ дѣйствіями, за что многіе дорого заплатились, будучи удалены отъ должности. Нѣкоторыя дѣла не слѣдовало вовсе брать въ министерство, а они должны были производиться въ судебныхъ мѣстахъ и часто отбирались отъ Перовскаго не оконченными для направленія ихъ куда слѣдуетъ, что крайне было для него непріятно. Къ обществу возбуждался противъ него ропотъ за самоуправныя дѣйствія; его не любили и въ высшемъ кругу; въ немъ была какая-то жесткость и сухость въ обращеніи; притомъ онъ не исполнялъ того, о чемъ часто его просили. Много ему вредило то, что онъ не умѣлъ хорошо говорить; въ Государств. Совѣтъ и Комитетъ Министровъ

онъ слабо защищалъ свои предложенія, и потому его часто разбивали въ пухъ; впрочемъ и самыя представленія его не отличались солиднымъ взглядомъ на предметъ, а имѣли по большей части основаніемъ своимъ или потребность минуты или произволъ, который хотя и былъ въ модѣ въ царствованіе Николая Павловича, не всегда однакожъ могъ торжествовать.

Директоръ департамента полиціи исполнительный Оржевскій лучше всѣхъ другихъ угождалъ ему, умѣя ловко обрабатывать всякое затѣянное Перовскимъ дѣло, какъ бы оно незаконно ни было. Оржевскій вышелъ въ люди изъ семинаристовъ, будучи сыномъ сельскаго священника деревни Оржевки, Тамбовской губерніи, о чемъ онъ всѣмъ и каждому рассказывалъ. Онъ попалъ въ домашніе учителя къ дѣтямъ кн. Кочубея, который потомъ записалъ его въ службу, гдѣ онъ вскорѣ составилъ себѣ отличную карьеру, женился на богатой купчихѣ и, будучи человѣкомъ очень расчетливымъ и оборотливымъ, пріобрѣлъ въ Петербургѣ два огромные дома въ лучшей части города. У него не было никакихъ принциповъ, кромѣ слѣпаго исполненія приказаній начальника, надъ которыми часто исподтишка смѣялся, конечно съ тою цѣлью, чтобъ, въ случаѣ неудачи отъ распоряженій вслѣдствіе этихъ приказаній, сказать потомъ кстати, что онъ все это предвидѣлъ. Плодомъ же удачъ онъ самъ пользовался. Перовскій цѣнилъ его мастерство и умѣніе вести дѣло. Цинизмъ Оржевскаго меня часто приводилъ въ негодованіе. Онъ смѣялся всегда надъ самою благородною мыслию, если она не обѣщала матеріальныхъ и скорыхъ выгодъ. Иногда случалось мнѣ заявлять ему какое нибудь предположеніе, которое казалось мнѣ полезнымъ и своевременнымъ и говорить ему, что не худо заинтересовать этимъ дѣломъ Перовскаго. «Неужели вы думаете, говорилъ онъ мнѣ, что я стану докладывать министру объ этомъ? Онъ или не пойметъ, или въ противномъ случаѣ, если дѣло ему понравится, онъ заставитъ меня работать; мы будемъ писать бумаги, передѣлывать ихъ по нѣскольку разъ; онъ станетъ капризничать, ворчать. Довольно и тѣхъ бумагъ, которыя мы ежедневно пишемъ; вы видите, какая ихъ куча!».. Резоны были основательны, и я соглашался съ нимъ. Не смотря однакожъ на ловкость Оржевскаго въ дѣлахъ, Перовскій не имѣлъ особеннаго къ нему довѣрія и въ сношеніяхъ съ нимъ часто позволялъ себѣ выходки весьма крутыя, такъ что другой, можетъ быть, и не снесъ бы ихъ, но Оржевскій смѣялся надъ этимъ, предоставляя ему горячиться. Онъ зналъ, что безъ него Перовскій поставленъ былъ въ большое затрудненіе. На лицѣ Оржевскаго послѣ непріятнаго доклада у министра не видно было ни малѣйшей черты огорченія или

досады. Онъ спокойно отдавалъ приказанія подчиненнымъ, какъ будто ничего особеннаго не происходило. Самъ себѣ никогда не позволялъ съ подчиненными грубыхъ браней, хотя по природѣ и по воспитанію былъ чрезвычайно незастѣнчивъ съ людьми, такъ что однажды онъ передалъ мнѣ приказаніе министра выслушивать просьбы просителей будто по той причинѣ, что онъ обходится съ просителями очень невѣжливо и министру не нравится такое обхожденіе съ ними. Оржевскій вовсе не краснѣлъ, передавая мнѣ такое приказаніе и сознавался самъ, что онъ не любитъ излишней деликатности. Я принялъ приказаніе къ исполненію, хотя внутренно убѣжденъ былъ, что министр вовсе не давалъ такого приказанія, а Оржевскому вѣроятно хотѣлось избавиться отъ разговора съ просителями, которые ему надоѣдали и отнимали много времени. Впрочемъ могъ быть и нѣкоторый ему намекъ отъ министра на невѣжливое обращеніе къ которымъ нибудь изъ просителей по дошедшимъ о томъ до него свѣдѣніямъ. Со своими подчиненными онъ обращался слишкомъ запросто, что не могло быть ни для кого обидно, и былъ всегда настолько справедливъ, что никогда не сваливалъ на другихъ случившіяся упущенія, а принималъ ихъ на себя. Онъ много самъ занимался дѣлами и слѣдовательно не могъ поступать иначе. Съ посторонними, особенно съ искателями мѣстъ, онъ былъ крайне суровъ. Онъ мнѣ говорилъ, что принялъ съ намѣреніемъ эту методику... съ цѣлью испытывать просителей. Если они выдерживали первый натискъ его и бойко ему отвѣчали, то, по мнѣнію его, годились для дѣла. Скромные люди не пользовались его уваженіемъ, онъ считалъ ихъ мало способными. Человѣкъ не долженъ ограничиваться однимъ выполненіемъ своихъ обязательствъ по службѣ; ему должно сверхъ того умѣть бороться съ людьми. Въ этомъ правилѣ много истины. Неудовольствія, встрѣчаемые по службѣ, не должны приводить въ уныніе: это необходимое послѣдствіе служебной нашей дѣятельности; безъ непріятностей служба никогда не обойдется, и онѣ напротивъ даже приносятъ пользу, заставляя быть осторожнымъ, вырабатывая характеръ и укрѣпляя умъ. Оржевскій находилъ, что онѣ способствуютъ даже хорошему пищеваренію, возбуждая циркуляцію въ крови.

Въ департаментѣ, какъ и во всемъ министерствѣ, происходила огромная переписка. Многописаніе было въ большемъ ходу, и Перовскій подписывалъ несмѣтное количество бумагъ (до 70000 и болѣе въ годъ). Онъ любилъ доносы, и ни одинъ изъ нихъ не оставался безъ дѣйствія. Немедленно приступали къ изслѣдованіямъ. Большая часть ничѣмъ не оканчивалась. Министру неоднократно намекали, что по закону вовсе не слѣдуетъ принимать къ исполненію записокъ безъ

подписей и даже прошеній не на гербовой бумагѣ; но онъ настаивалъ на своемъ, говоря, что онъ не въ правѣ отвергать полученное заявленіе, на какой бумагѣ оно ни было бъ изложено. Такимъ образомъ министерство утопало въ мелочахъ; частныя дѣла были важнѣе государственныхъ. Никто не могъ бы опредѣлить, какой системы держится Перовскій. Въ немъ соединялся либерализмъ съ крайнимъ деспотизмомъ. Послѣдній конечно преобладалъ. При императорѣ Николаѣ все направлено было къ стѣсненію свободы въ дѣйствіяхъ частныхъ лицъ: вмѣшивались въ семейныя дѣла, преслѣдовали съ большою строгостію поступки безнравственные, ограничивали право распоряженія своимъ имуществомъ, если были жалобы на мотовство и расточительность; правительственная опека тяготѣла надъ обществомъ, она переходила за предѣлы необходимости. Императору очень не нравилось, что многіе отправляются жить за границу. Онъ издалъ постановленіе къ стѣсненію этихъ поѣздокъ, опредѣлилъ огромную пошлину за право выѣзда, запретилъ выѣзды молодымъ людямъ моложе 25 лѣтъ, приказалъ выдавать паспорта не болѣе, какъ на полгода съ тѣмъ, чтобъ, для полученія отсрочки, представляемы были уважительныя причины необходимости остаться за границею. Все это очень строго исполнялось; и ропотъ былъ общій. Впрочемъ постановленіе это стѣснило болѣе средній классъ, нежели высшій, который легче выполнялъ условія закона, платя безъ затрудненія высокую пошлину и находя всегда возможность выбраться за границу, представивъ разныя уважительныя причины; но случалось, что и такимъ господамъ Императоръ не давалъ разрѣшенія. Русское общество крайне тяготилось этими стѣсненіями. Оно было подавлено непрерывнымъ надзоромъ и не могло вздохнуть свободно. Читать было нечего... Иностранныя книги съ нѣкоторымъ либеральнымъ направленіемъ были строго воспрещены къ привозу или продавались покупателямъ съ большими вырѣзками; наша журналистика наполняла свои книжки вздорами, рѣдко заслуживающимъ вниманія; газеты были скучны. Авторамъ позволявшихъ себѣ въ статьѣ смѣлое слово преслѣдовали съ большою строгостію и высылали изъ столицъ, а цензоровъ пропустившихъ статью подвергали взысканіямъ и удаляли отъ должности. Положеніе цензоровъ было крайне незавидное. Ихъ бранили въ обществѣ за разныя привязки, но иначе они дѣйствовать не могли, если хотѣли удержаться на мѣстѣ. 3-е Отдѣленіе собственной его вел. канцеляріи неутомимо слѣдило за всѣмъ печатнымъ въ Россіи, и всякая нѣсколько вольная фраза казалась чѣмъ-то необычайнымъ, такъ что сама публика, пріученная къ цензурнымъ строгостямъ, выражала свое удивленіе, встрѣчая эту фразу въ книжкѣ и доводила ее такимъ образомъ до свѣдѣнія 3-го Отдѣленія,

которое, можетъ быть, иначе и не замѣтило бы ея, а если и замѣтило, то не обратило бѣ на нее особеннаго вниманія. Перовскій съ своей стороны не пропускалъ ничего, что могло бы показаться слишкомъ свободнымъ не только въ литературѣ, но и въ частной жизни. Онъ съ равною строгостію преслѣдовалъ игроковъ, спекулянтовъ, людей дурного обращенія въ семьѣ своей или съ людьми, контрабандистовъ, гулякъ разнаго рода, наконецъ такъ называемыхъ труболѣтовъ, родъ людей, у которыхъ исчезали краденныя вещи. Для этого существовала въ министерствѣ коммисія подъ начальствомъ извѣстнаго сыщика Липранди. При малѣйшемъ подозрѣніи полиція забиралась въ домъ и производила обыски.

Я былъ совершенно въ сторонѣ отъ этихъ дѣлъ; рѣдко даже зналъ, что дѣлается въ этой коммисіи и не могъ удовлетворять безчисленнымъ разспросамъ моихъ знакомыхъ, интересовавшихся тѣмъ или другимъ дѣломъ. Хотя министерство и находило охотниковъ заниматься подобными разысканіями, но оно было ими не совсѣмъ довольно: они пользовались очень дурною репутаціею въ обществѣ, а лучшихъ оно не могло найти. Однажды Оржевскій обратился ко мнѣ съ вопросомъ, нѣтъ ли въ числѣ моихъ знакомыхъ человѣка плутоватаго, но разумѣемаго хорошо въ обществѣ, готоваго принять на себя производство слѣдствій. Такого у меня не случилось, и я нѣкого рекомендовать не могъ. Мои занятія въ министерствѣ были весьма покойны; кругъ дѣйствія очень ограниченный, и я начиналъ скучать. Черезъ два года по поступленіи сюда на службу мнѣ дали чинъ дѣйств. ст. совѣт., что доставило мнѣ право отдать сына моего въ Лицей на казенное содержаніе, а также помѣстить дочерей въ Смольный монастырь или въ Екатерининскій институтъ, если бы обстоятельства того потребовали. Прошло еще около двухъ лѣтъ. Ничего особеннаго не случилось со мною по службѣ; я чувствовалъ только, что не могу освоиться съ министерствомъ: всѣ были мнѣ какъ-то чужіе. Въ прежнемъ департаментѣ я привыкъ къ патріархальности; я тамъ возмужалъ, со всѣми какъ будто сроднился; здѣсь я былъ одинокъ, ни съ кѣмъ почти не знакомъ; дружескихъ связей съ служащими у меня не было. Иногда я являлся къ Оржевскому, но кругъ знакомства его былъ далеко не по мнѣ. Я видѣлъ у него или купеческую его родню, или тѣхъ же департаментскихъ чиновниковъ. Сблизиться съ ними я не умѣлъ, да и не имѣлъ большого желанія. Въ министерствѣ вообще держали себя очень осторожно; подозрительность Перовскаго наводила на всѣхъ страхъ, и каждый опасался обратить на себя вниманіе связями, которыя могли бы показаться ему неумѣстными и несоотвѣтственными

извѣстнымъ условіямъ. Я сосредоточился въ своемъ семейномъ кругу и не искалъ новыхъ знакомствъ.

Послѣ перехода моего въ Министерство Внут. Дѣлъ я долженъ былъ оставить прежнюю мою казенную квартиру и переѣхалъ въ нововыстроенный домъ моей тещи въ Итальянской улицѣ. Семейство мое постепенно прибавлялось, и за смертію двухъ мальчиковъ и одной дѣвочки у меня осталось пятеро дѣтей: одинъ сынъ и 4 дочери, потребовавшія гувернантокъ и усиленной прислуги. Жена моя любила дѣтей со всею материнскою пѣжностію, которая часто переходила за предѣлы благоразумія. Она была въ непрерывномъ волненіи. Каждый крикъ ихъ она толковала въ дурную сторону. Ей все казалось, что они больны, и она кидалась въ безпокойствѣ, чтобъ имъ помочь: то обращалась ко всѣмъ встрѣчнымъ за совѣтомъ, то рылась въ книгахъ, не нападетъ ли на какое-нибудь снадобье, то прислушивалась къ дыханію, къ пульсу ребенка. Всѣ увѣщанія мои успокоиться были бесполезны. Ей было непонятно мое хладнокровіе, и она приписывала его недостатку привязанности моей къ дѣтямъ. Сколько я ни увѣрялъ ее, что не вижу никакой опасности, что ребенокъ не можетъ вырасти, не испытать какой-нибудь болѣзни, что это нѣтъ общему порядку природы, что если ребенокъ здороваго сложенія, то лѣчить вовсе не нужно, природа сама ему поможетъ, а если онъ болѣзненный и имѣетъ разстроенный организмъ, то никакое лѣкарство не поможетъ. Все это говорилось мною на вѣтеръ. Жена меня не слушала, страдала, отказывалась отъ пищи, ночью непрерывно вставала, чтобъ взглянуть на ребенка. Самое горькое для нея испытаніе было въ то время, когда дѣтей нашихъ посѣтилъ скарлатинъ. Въ нѣсколько дней всѣ они поражены были этою болѣзнію, кто сильнѣе, кто слабѣе. Мы лишились въ это время дочери двухъ съ половиною лѣтъ. Всѣхъ болѣе перепугалъ насъ сынъ, у котораго болѣзнь бросилась преимущественно въ голову, но принятыми въ свое время мѣрами воспаленіе ослаблено. И въ спокойное время жена не обходилась безъ тревогъ. Дѣти не всегда вели себя порядочно. Ихъ приходилось иногда штрафовать за невниманіе или упрямство. Каждое взысканіе приводило ее въ сильное огорченіе и до того ее разстраивало, что долго не могла успокоиваться. Мы часто ссорились за дѣтей. Она всегда за нихъ вступалась, дѣлала мнѣ замѣчанія за жестокость, и это меня сердило; ребенку доставалось сильнѣе: я не могъ и не хотѣлъ уступить женѣ моей сколько по самолюбію, столько и по сознанію въ необходимости взысканія. Послѣ подобнаго разговора я обыкновенно удалялся отъ жены, и это много ее огорчало; черезъ полчаса она приходила ко мнѣ, просила извинен-

нiя въ палишней горячности, становилась необыкновенно ласковою и старалась всячески загладить непрiятныя впечатлѣнiя бывшаго разговора. Слѣдовала мировая; мы обнимались, и все было забыто. Въ этомъ случаѣ она вполне понимала обязанности доброй жены и уступала, если я даже бывалъ неправъ. Роли мѣнялись: мнѣ становилось грустно, зачѣмъ я не сохранилъ необходимаго хладнокровiя и не былъ къ ней снисходительнѣе. Я видѣлъ, что не могъ передѣлать этой тонкой, раздражительной природы, что чувства этой женщины не могли такъ легко подчиняться разсудку, что у нея свое воззрѣнiе на предметы. Ошибка, стало быть, была съ моей стороны. Я послѣ того всегда давалъ себѣ обѣщанiе не выходить изъ предѣловъ осторожности и не развивать непрiятнаго разговора. Жизнь не можетъ обойтись безъ столкновений: они порождаются различiемъ мнѣнiй и взглядовъ. Но люди образованные всегда умѣютъ дѣлать уступки и смягчать противорѣчiя, такъ что ссоры между ними почти невозможны. Одни дураки упрямы и хотятъ поставить на своемъ во что бы то ни стало, не обращая вниманiя, прiятно ли это другимъ или нѣтъ.

Заботы о дѣтяхъ были выше силъ моей жены. Она сама хотѣла учить ихъ читать, писать и языкамъ и принималась за это всегда съ большою ретивостiю, но рѣдко удавалось ей выдержать характеръ. Общественныя и семейныя отношенiя большею частiю служили ей помѣхою въ занятiяхъ съ дѣтьми; она не умѣла никому отказывать, если кто прiѣзжалъ къ ней. Едва усаживалась за учебный столъ, какъ должна была прекращать уроки и заняться съ прiѣзжими. Дѣло отлагалось до другого дня. Сколько разъ я просилъ ее распорядиться такимъ образомъ, чтобъ не принимать никого въ извѣстные часы дня. Она не умѣла этого исполнить. Впрочемъ, не говори о постороннихъ, одни домашнiе и ближнiе занимали у нея все утро, такъ что къ обѣду она совершенно выбивалась изъ силъ и ложилась въ постель отдохнуть. Часто у насъ кто-нибудь обѣдалъ. Она должна была занимать гостей, которые оставались иногда довольно долго. Едва къ 10 час. вечера она становилась свободною, но дѣти тогда ложились спать. На другой день происходило тоже самое. Она внутренне страдала, что не могла исключительно посвятить себя дѣтямъ и мучилась совѣстiю, называя себя дурною матерью. Здоровье ея съ каждымъ годомъ разстраивалось болѣе и болѣе. Она не умѣла или не хотѣла обратить на это серьезное вниманiе. Съ нею происходили разные припадкп: то страдала головою болью, то истекала кровью низомъ, то начинала кашлять. Она очень худѣла и хотя иногда прибѣгала къ врачебной помощи, но не слѣдовала усердно совѣтамъ докторовъ. Она заботилась болѣе о

томъ, чтобъ другіе были здоровы, но до себя ей нужды не было. Часто я твердилъ ей, какъ дорога жизнь ея для семейства и какъ не хотѣлось бы мнѣ оставаться одному съ дѣтьми безъ матери. Она смѣялась надо мною и говорила: Богъ милостивъ, мы еще долго проживемъ вмѣстѣ. Всѣ слова мои были недействительны. Она какъ будто увѣрена была, что рождена на то, чтобъ страдать за другихъ; казалось, искала случаевъ быть полезно своими заботами и участіемъ, а если не могла ничего сдѣлать, то хотъ раздѣлить съ другими ихъ горе. Она лишала себя сна, утомлялась въ непрестанныхъ движеніяхъ, считая себя обязанною быть тамъ, гдѣ есть страданіе. Въ этомъ волненіи, она не могла имѣть аппетита, чувствовала особенное разслабленіе и для подкрѣпленія себя употребляла часто кофе и чай, что еще болѣе раздражало нервную ея систему. Она видимо разрушалась.

Наступила пора позаботиться о сынѣ, которому минуло уже 12-ть лѣтъ. Жена довольно порядочно приготовила его въ языкахъ Нѣмецкомъ и Французскомъ; добрые пріятели наши И. К. Гебгардъ и двоюродный братъ жены моей М. П. Мосягинъ много занимались съ нимъ Исторіею, Математикою, Географіею и Русскимъ языкомъ. Мальчикъ былъ не безъ способностей и повидимому чувствовалъ необходимость въ ученіи, но былъ разсѣянъ, и уроки не глубоко западали въ его голову. Въ началѣ 1846 года былъ пріемъ въ Имп. Лицей. Хотя по лѣтамъ онъ и могъ уже поступить туда, но свѣдѣнія его были еще такъ ограниченны, что трудно было ожидать успѣха въ экзаменѣ; за всѣмъ тѣмъ я рѣшился пустить его экзаменоваться. Въ этомъ случаѣ судьба видимо покровительствовала сыну. Я вовсе не хлопоталъ о пріемѣ его, не былъ знакомъ ни съ директоромъ, ни съ инспекторомъ лицея, не обращался ни къ кому изъ преподавателей и экзаминаторовъ и пустилъ его на волю Божию. Сынъ отвѣчалъ по нѣкоторымъ предметамъ слабо, въ языкахъ довольно хорошо; нѣкоторые отвѣчали хуже его, но по баламъ стали выше его; замѣтна была поддержка. Было всего только шесть казенныхъ ваканцій, сынъ мой сталъ седьмымъ; но къ счастію его одинъ изъ гимназистовъ, которымъ предоставлено право поступать на казенныя ваканціи, оказался на экзаменѣ такъ слабымъ, что не получилъ полнаго количества балловъ, и мѣсто его занялъ сынъ мой, какъ имѣвшій большее число балловъ. Отпуская его на экзаменъ, жена моя внутренно желала, чтобъ онъ его не выдержалъ. Ей жаль было разставаться съ сыномъ; любовь материнская брала верхъ надъ благоразуміемъ; ей больше хотѣлось, чтобъ онъ ходилъ въ Университетъ, но для этого нужно было удержать сына дома еще нѣсколько лѣтъ и готовить его для экзамена, который построже лицейскаго, а онъ

могъ его не выдержать. Желанія ея не сбылись. Сынъ мой сдѣлался лицеистомъ.

Лицей безъ сомнѣнія не могъ дать ему высокаго образованія; тамъ молодые люди получаютъ одни поверхностныя знанія и оставляютъ заведеніе въ 18—19 лѣтъ, т. е. въ то время, когда надобно серьезно начинать учиться. Лицей учрежденъ имп. Александромъ съ цѣлью готовить людей для гражданской службы, и сначала предполагалось даже помѣщать туда дѣтей лучшихъ фамилій, но въ послѣдствіи планъ этотъ измѣнился, и желающихъ стали выпускать и въ военную службу прямо офицерами гвардіи. Мундиръ въ то время бралъ верхъ надъ фракомъ, и трудно было не уважать требованія и предразсудка вѣка. Во всякомъ случаѣ Лицей можно считать первымъ заведеніемъ, откуда открыто и съ достоинствомъ молодые люди поступали въ статскую службу. Имъ предоставленъ былъ выборъ мѣста, гдѣ хотятъ служить и по поступленіи на службу сейчасъ же давали назначенное по классу, съ которымъ выпущены изъ Лицея, жалованье отъ 600 до 800 р. асс. въ годъ. Въ Лицей поступали дѣти изъ хорошихъ и достаточныхъ семействъ, слѣдовательно вносили туда нѣкоторую роскошь, за которою трудно было гоняться дѣтямъ небогатыхъ родителей. Пока Лицей находился въ Царскомъ Селѣ, соблазновъ было немного, но съ переводомъ его въ Петербургъ (въ бывшій домъ какого-то чело­вѣко­любиваго заведенія на Каменно-островскомъ проспектѣ) молодежь съ деньгами стала предаваться различнымъ столичнымъ развлеченіямъ, за которыми потянулись и прочіе немѣвшіе тѣхъ же средствъ. Ученіе замѣтно ослабѣло, воспитанники стали посѣщать балы, театры, рестораны, уѣзжалъ изъ Лицея не только по праздникамъ, но и въ будніе дни. Наукъ не шли въ голову. Все это съ женою мы имѣли въ виду, отдавая сына нашего въ Лицей; изъ невѣрнаго расчета, что мы можемъ его устроить лучше, приготовивъ его въ Университетъ, не слѣдовало упускать представившагося случая помѣстить его въ одно изъ лучшихъ въ то время учебныхъ заведеній на казенное содержаніе, гдѣ при выпускѣ онъ получалъ довольно значительный чинъ и дальнѣйшій ходъ по службѣ. Этимъ пренебрегать нельзя было. Не избытокъ знаній составляетъ благополучіе чело­вѣ­ка, а искусное и ловкое примѣненіе того, что знаешь къ потребностямъ общества и умѣніе пользоваться обстоятельствами. И безъ большихъ научныхъ познаній, но съ развитымъ умомъ можно сдѣлать карьеру и пробить себѣ дорогу въ свѣтъ. Всего знать нельзя, и трудно напередъ опредѣлить къ чему особенно слѣдуетъ себя готовить. Неизвѣстно куда судьба броситъ, и весьма часто случается, что свѣдѣнія, въ училищѣ приоб­рѣтёв-

ныя по какой-нибудь части знаній, никогда не потребуются на службѣ, а напротивъ спросать то, чему плохо учился. Если же умъ сколько-нибудь развитъ, то легко приготовить себя впоследствии къ тому, что всего будетъ нужнѣе по службѣ. При слабомъ еще требованіи у насъ просвѣщенія юношество наше учится довольно небрежно, и самый Университетъ выпускаетъ людей вовсе ни къ чему неприготовленныхъ; исключенія бывають очень рѣдки и болѣе замѣчаются въ низшемъ сословіи, нежели въ высшемъ или даже въ среднемъ. Тамъ нужда вырабатываетъ человѣка; здѣсь, напротивъ, не чувствуется особенной потребности въ трудѣ, и всегда болѣе или менѣе возлагается надежда на постороннюю поддержку. Я не могъ и думать, чтобъ сынъ мой былъ когда-либо человѣкомъ не то, что ученымъ, а даже достаточно просвѣщеннымъ. Съ самаго малолѣтства онъ поведенъ уже не къ тому, чтобъ работать своею головою. Ученіе ему всѣми средствами облегчалось; онъ легко усваивалъ то, что ему преподавалось, но также легко онъ и забывалъ. Особенно онъ ничего не любилъ; замѣтна была только охота къ музыкѣ, и то не страстная, заставляющая преодолевать препятствія, чтобъ только поиграть на любимомъ инструментѣ, а очень покойная. Есть случай поиграть, пожалуй можно и воспользоваться имъ, а нѣтъ—и тужить нечего. Успѣхи сына моего въ музыкѣ были замѣчательные. Онъ скоро усвоилъ себѣ механизмъ и развилъ музыкальное чувство, такъ что въ 14 лѣтъ онъ отлично уже фантазировалъ. Я имѣлъ все основаніе полагать, что изъ него вырабатается артистъ перваго разряда; старался поддерживать въ немъ охоту къ искусству, просилъ начальство Лицея съ своей стороны покровительствовать этому, и оно обѣщало, хотя въ тоже время отозвалось мнѣ, что Лицей обязанъ болѣе заботиться о томъ, чтобъ воспитанники лучше учились наукамъ, нежели музыкѣ. Я испросилъ дозволенія поставить въ спальнѣ къ сыну инструментъ, на которомъ онъ въ свободное время могъ бы играть, когда вздумаетъ, но это оказалось мѣрою бесполезною; сынъ мало пользовался инструментомъ; безъ особаго возбужденія онъ рѣдко подходилъ къ нему, и я, находя, что инструментъ только напрасно стѣсняетъ спальню воспитанниковъ, взялъ его оттуда къ полному удовольствію и Лицейскаго начальства, и моего сына. Не смотря однакожъ на такое слабое вниманіе къ таланту моего сына, Лицей пользовался имъ для своихъ концертовъ, которые давались раза два въ зиму подъ руководствомъ Гросса, хорошаго віолончелиста, учившаго воспитанниковъ музыкѣ на всѣхъ возможныхъ инструментахъ и даже пѣнію. Сынъ былъ лучшимъ фортепьянистомъ въ Лицеѣ и дѣло свое выполнялъ хорошо, но при однихъ лицейскихъ урокахъ онъ не ушелъ бы далеко. По Воскресеніямъ приглашенъ былъ мною

особый учитель, который его понемногу подвигалъ впередъ, и въ этотъ одинъ день сынъ пріобрѣталъ больше пользы, нежели сколько въ остальные шесть дней недѣли, въ которые онъ почти вовсе не игралъ, за исключеніемъ одного урока съ Гроссомъ. Поправить этого дѣла я не могъ; надобно было подчиниться необходимости и Лицейскимъ правиламъ. Тамъ смотрѣли на музыку съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, по Русскому обычаю, находя, что музыка не заслуживаетъ большого вниманія и что стыдно порядочному человѣку слишкомъ предаваться ей: на то есть наемные музыканты. Ни директоръ, ни инспекторъ Лицея ничего не смыслили въ музыкѣ; въ семействахъ ихъ также никто ею не занимался; иногда только на вечерахъ у директора Броневскаго оказывалась надобность играть кому-нибудь на фортепьянахъ, чтобъ доставить гостямъ возможность потанцовать, и тогда призывался мой сынъ, который и барабанилъ все время до утомленія, такъ что музыка могла сдѣлаться ему ненавистною.

Лѣто 1846 года мы провели въ Петергофѣ. Жена моя чувствовала себя очень дурно. Давно уже у нея образовался небольшой кашель, который не предвѣщалъ ничего опаснаго. Ей велѣли употреблять тресковый жиръ и молоко. Лѣчилась она нехотя, безпорядочно, вела жизнь по прежнему суетливую, хлопотала о каждой бездѣлицѣ. У сына въ это время сдѣлалось воспаленіе въ груди, болѣзнь была незначительна и скоро прекращена, но это сильно взволновало жену; послѣ этого она видимо ослабѣла. Не знаю, кто-то рекомендовалъ ей довольно извѣстнаго въ Петербургѣ доктора Грубера, съ которымъ она совѣтовалась еще до отъѣзда въ Петергофъ и имѣла къ нему довѣріе. Она рѣшилась отправиться въ Петербургъ, чтобъ поговорить съ Груберомъ. Тотъ присовѣтовалъ ей пустить кровь. Средство было сильное, но спорить съ докторомъ пельзя было; я первый старался уговорить жену исполнить докторскій приказъ, на что она сначала не рѣшалась. Во время моего отсутствія по службѣ она призвала фельдшера и пустила себѣ кровь, сколько было приказано. Я нашелъ ее блѣдною и крайне истощенною. Надобно было въ тотъ же день возвратиться въ Петергофъ, въ городѣ нельзя было оставаться въ пустыхъ комнатахъ и безъ всякой прислуги. Давъ женѣ нѣсколько оправиться послѣ кровопусканія, я отправился съ нею на пароходъ, и мы благополучно прибыли въ Петергофъ. Это было въ началѣ Августа. Вскорѣ пошли дожди, холодъ сдѣлался невыносимый. Надобно было разстаться съ дачею. 18-го числа я переѣхалъ въ городъ, чтобъ болѣе не возвращаться въ Петергофъ. Уѣзжая оттуда, я не могъ вообразить, что оставляю жену отчаянно больною. Черезъ пять или шесть дней

послѣ того ее привезли совершенно разстроенною. Она едва могла доѣхать отъ чрезмерной слабости. Въ ней обнаружилось поврежденіе легкихъ съ изнурительною лихорадкою. На другой день призвали доктора Блюма, который, осмотря ее, прописалъ средства къ уничтоженію лихорадки. Онъ самъ полагалъ еще, что она происходитъ отъ простуды. Прошло дней шесть, и облегченія не было. Мы рѣшились пригласить извѣстнаго доктора Зейдлица. Онъ обложилъ ее Шпанскими мушками. Я тотчасъ догадался, что остается мало надежды сохранить ее. Грусть овладѣла мною. Я плакалъ. Но вскорѣ привыкъ къ мысли, что долженъ ее лишиться.

Въ Сентябрѣ А. Л. Гофманъ предложилъ мнѣ поступить въ вѣдомство управляемаго имъ 4 Отдѣленія собственной его в. канцеляріи главнымъ контролеромъ. Я не имѣлъ еще причинъ жаловаться на службу мою въ Министерствѣ Внут. Дѣлъ и просилъ его нѣсколько дней на размышленіе. Предложеніе было выгодно въ денежномъ отношеніи: я могъ имѣть болѣе содержанія, нежели сколько получалъ въ то время. Но мнѣ было какъ-то грустно употребить себя по счетной части, которую вообще не любилъ; она не представляла никакой пищи для моей дѣятельности. Въ это время я занимался однимъ серьезнымъ дѣломъ въ министерствѣ и надѣялся имъ обратить на себя вниманіе; мнѣ совѣстно было бросить его не кончивъ. Гофманъ предложилъ мнѣ посоветоваться съ директоромъ Оржевскимъ и вывѣдать отъ него, чего я могу ожидать въ министерствѣ и дать рѣшительный отвѣтъ дней черезъ пять, потому что у него было въ виду много желающихъ занять это мѣсто. Я сообщилъ Оржевскому о сдѣланномъ мнѣ предложеніи. Въ этотъ годъ слѣдовало мнѣ по порядку службы получить награду, и я не видѣлъ причины, почему меня бы ея лишили. Оржевскій сказалъ мнѣ, что онъ ходатайствовалъ у министра о пожалованіи мнѣ Станиславской ленты, но получилъ въ отвѣтъ, что еще не прошло двухъ лѣтъ послѣ послѣдней награды. Онъ не одобрялъ перехода моего въ другое вѣдомство, находилъ, что этимъ себя унижаю, что денежныя выгоды, конечно, уважительны, но съ другой стороны подобный переходъ можетъ остановить будущіе успѣхи мои по службѣ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ можно получить въ министерствѣ гораздо болѣе, что человѣку способному стыдно принимать на себя такія должности, какъ контролеровъ, тѣмъ болѣе, что предлагаемое ни къ чему дальнѣйшему меня не поведетъ; наконецъ, что онъ нынѣ же переговоритъ обо мнѣ съ министромъ и если что не успѣетъ сдѣлать въ Сентябрѣ, то конечно сдѣлаетъ въ Ноябрь, Декабрьъ или, по крайней мѣрѣ, очень скоро. Все это сильно поколе-

было меня. Я не имѣлъ сплываго влеченія къ переходу; думалъ долго; мнѣ казалось, что я осуждаю себя на совершенную бездѣтельность ума. Мнѣ хотѣлось употребить себя еще на что нибудь болѣе полезное и живое. Самолюбіе долго боролось съ моимъ семейнымъ положеніемъ. Я еще надѣялся на себя, а въ 4 Отдѣленіи ожидала меня самая скучная, рутинная работа, точность и безмятежность. Тамъ не требовалось никакихъ глубокихъ соображеній, все дѣлалось по заведенному порядку. Занятія, однимъ словомъ, не соответствовали потребностямъ моей души. Я привыкъ къ непрерывному движенію, работалъ скоро, множество дѣлъ меня не пугало. Съ другой стороны Гофманъ самъ отзывался о предлагаемомъ имъ мѣстѣ такимъ образомъ, что не могъ возбудить во мнѣ рѣшительности принять его. Онъ говорилъ, что оно хорошо для того только, кто пробудетъ на немъ десять лѣтъ, чтобъ воспользоваться пенсіономъ по послѣднему окладу жалованья, что дальнѣйшаго хода по службѣ тутъ ожидать нечего, кромѣ обыкновенныхъ служебныхъ наградъ. Я обратился за совѣтомъ къ моей женѣ, находя, что женщина инстинктивно иногда вѣрнѣе видитъ вещи; но она не хотѣла давать его и предоставляла все моему усмотрѣнію. Прошло въ разсужденіяхъ пять дней, и я написалъ къ Гофману письмо, въ которомъ отказывался отъ мѣста и благодарилъ за вниманіе и предпочтеніе другимъ соискателямъ. Это письмо рѣшило судьбу мою и дѣтей моихъ. Если бы я принялъ мѣсто, вся послѣдующая жизнь наша иначе устроилась бы, мы бы постоянно остались въ Петербургѣ, и трудно рѣшить, какія были бы оттого послѣдствія, въ особенности для моихъ дѣтей. Посылая письмо, я чувствовалъ, что дѣлаю дурно, въ немъ я выразилъ это безпокойное чувство; но судьба увлекла меня. Гофманъ часа два спустя пріѣхалъ навѣстить больную жену мою. Она завела разговоръ о мѣстѣ и залилась слезами. Мнѣ очень грустно было видѣть эти слезы; онѣ доказывали, что жена не хотѣла быть со мною откровенною и высказать свое мнѣніе. Я видѣлъ, что она страдала отъ моего отказа. Гофманъ былъ холоденъ и на вопросъ ея, можетъ ли это мѣсто повести къ чему нибудь высшему, отвѣчалъ коротко: «нѣтъ.» Мнѣ показалось даже, что онъ былъ доволенъ моимъ отказомъ. Разговоръ объ этомъ прекратился и больше не возобновлялся. Мѣсто предоставлено было Вилламову, сыну того, чье мѣсто заступилъ Гофманъ. Слѣдовательно, онъ получилъ возможность выразить свою благодарность сыну за бывшее вниманіе къ нему отца, который рекомендовалъ его государю къ себѣ въ помощники, чѣмъ и положено основаніе высшей его карьерѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, мнѣ не дали ожидаемой награды, и министръ объявилъ даже, что не намѣренъ ходатайствовать объ этомъ

у государя. Я не могъ объяснить себѣ причины такого неблаговоленія. Жаловаться не считалъ возможнымъ, да это и не принято; высказывать страсть къ отличіямъ не было сообразно ни съ моими понятіями, ни съ самолюбіемъ. Я покорился судьбѣ, ожидалъ отъ будущаго чего нибудь лучшаго; между тѣмъ въ сердце мое непрерывно закрадывалось раскаяніе, что не принялъ мѣста въ 4 Отдѣленіи. Это меня много мучило и отравляло мои дни. Жена лежала на смертномъ одрѣ и медленно приближалась къ гробу. Я приготовился уже потерять ее и старался только усладить послѣдніе дни ея. Сердце мое терзалось; я видѣлъ, какъ она угасала, и пособить ей не было возможности. Доктора объявили, что нѣтъ спасенія. 4-го Февраля 1847 года она скончалась. Я присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ ея; онѣ были тихи. Въ грустномъ молчаніи смотрѣли мы на ея спокойное лицо, выражавшее доброту. Дѣти не понимали своей потери; они пролили нѣсколько слезъ. Ихъ занимала болѣе новость ихъ положенія. Стоя воокрѣпѣ тѣла матери, которая недавно еще ласкала ихъ, они чувствовали болѣе ужасъ, нежели истинное сожалѣніе. Тѣло стояло почти пять дней. По желанію Гофмана мы отдалили похороны до Воскресенья (она умерла во Вторникъ), потому что онъ не могъ быть въ Субботу. Послѣ отпѣванія священникъ Маловъ вздумалъ говорить рѣчь предъ закрытіемъ гроба. Я съ нимъ стоялъ на катафалкѣ въ виду всей церкви. Онъ говорилъ довольно долго, что крайне не соответствовало моему положенію. Эта театральность была весьма некстати. Мнѣ было не до его рѣчи. Онъ видимо желалъ блеснуть краснорѣчіемъ, и дѣйствительно, онъ былъ замѣчательный проповѣдникъ. Многимъ рѣчь его понравилась; другіе находили, что онъ лучше бы ея не говорилъ. Послѣдніе, по мнѣнію моему, были справедливыѣ.

Грустно провели мы этотъ день, собравшись въ маленькой комнаткѣ, гдѣ я во время болѣзни жены устроилъ себѣ кабинетъ. Какъ обыкновенно водится, мы перебрали всѣ черты жизни покойницы, хвалили, осуждали, потолковали о похоронахъ и занялись тѣмъ, какъ устроиться на будущее время съ дѣтьми. Вскорѣ мы перемѣнили квартиру, гдѣ все напоминало добрую жену мою, и переселились въ домъ Адамса, въ Стремянную улицу. Мы уговорились съ одною иностранкою, очень образованною женщиною, чтобъ она занялась воспитаніемъ дѣтей моихъ. Она принесла имъ много пользы, прекрасно приготовивъ ихъ въ языкахъ Французскомъ и Нѣмецкомъ, а также въ другихъ предметахъ и въ образованіи ихъ характера.

Привыкнувъ находить въ женѣ пріятную и внимательную собесѣдницу, я чувствовалъ страшную пустоту въ жизни съ лишеніемъ ея.

Я искалъ развлеченія внѣ дома, сталъ посѣщать знакомыхъ, бывалъ часто въ клубѣ, полюбилъ игру и старался забыть о моей потерѣ. Возвращаясь домой, я сильнѣе чувствовалъ свое одиночество. Некому было меня встрѣтить, не съ кѣмъ поговорить, некому передать впечатлѣнія минувшаго дня. Это было самое тяжелое время моей жизни. Служба меня не радовала и не занимала, дѣти были еще слишкомъ малы, чтобъ развлекать меня; притомъ я не хотѣлъ отвлекать ихъ отъ обыкновенныхъ занятій и разрушать заведенный порядокъ. Часто приходила мнѣ мысль вновь жениться; эту мысль поддерживали услужливыя мои знакомки, всегда готовыя хлопотать о свадьбахъ; но какимъ образомъ могъ я на это рѣшиться послѣ моей жены, кроткой, образованной и нѣжной? Кто могъ понимать меня такъ, какъ понимала умершая? Она совершенно усвоила себѣ мой образъ мыслей, любила то, что я люблю, находила первое удовольствіе въ томъ, чтобъ проводить время дома со мною и съ дѣтьми, читать, работать. Въ другой я могъ найти совсѣмъ не то. Притомъ у меня были дѣти, требовавшія вниманія и заботъ. Могла ли бы она любить ихъ, какъ настоящая мать? Скорѣе можно было ожидать, что она ихъ возненавидитъ, какъ это часто случается съ мачихами. Я рѣшился не предпринимать ничего, что могло бы меня подвинуть на вторичную женитьбу и избѣгалъ всякихъ столкновеній съ дѣвками, на которыхъ можно было бы имѣть виды. Тонъ сношеній моихъ съ ними совсѣмъ измѣнился. Я открыто показывалъ намѣреніе мое остаться вдовцомъ и избѣгалъ особеннаго ихъ ко мнѣ вниманія.

Шли годы. Въ служебномъ положеніи моемъ не происходило никакой перемѣны. Иногда мнѣ казалось, что карьера моя кончена и я долженъ умереть на настоящемъ мѣстѣ моемъ; иногда, напротивъ, я одушевлялся мыслию, что могу еще пригодиться для болѣе дѣятельной службы и выказать себя. Были часы жестокаго унынія. Мнѣ досадно было на себя, что не умѣю выйти изъ непріятнаго своего положенія. Въ обществѣ я безпрестанно слышалъ сожалѣнія, что министерство не оцѣняетъ меня и не даетъ мнѣ хода. Я избѣгалъ подобнаго разговора, крайне для меня непріятнаго. Это участіе даже оскорбляло меня. Обыкновенно сожалѣютъ о лицахъ обиженныхъ, но какъ можно допускать себя обижать? Какъ не возмутиться обидою? Я самъ объяснялъ себѣ мои неуспѣхи только чрезмѣрнымъ моимъ самолюбіемъ, которое не хотѣло увижаться ни предъ кѣмъ, чтобъ достигнуть какихънибудь выгодъ. Въ простотѣ моего сердца я былъ доволенъ и тѣмъ, что обо мнѣ отзывались съ уваженіемъ и отдавали мнѣ справедливость. Я никому ни о чемъ не жаловался, считая это для себя унизитель-

нымъ. Съ графомъ Перовскимъ отношенія мои были самыя непріятныя и натянутыя. Онъ былъ сухъ, нетерпѣливъ и позволялъ себѣ весьма жесткія выходки, которыя съ трудомъ можно было переносить. Къ счастью сношенія мои съ нимъ были нечасты.

Между прочими занятіями моими мнѣ поручено было находиться въ комитетѣ для разсмотрѣнія положенія объ исполненіи мѣщанами рекрутской повинности. Это поставило меня въ столкновеніе съ товарищемъ министра И. Г. Сениавинымъ какъ съ председателемъ въ этомъ комитетѣ. Сениавинъ былъ необыкновенно честолюбивъ, съ умомъ крайне ограниченнымъ, мало практичнымъ. Онъ не умѣлъ вести этого дѣла въ комитетѣ и предлагалъ такіе мѣры, которыя никакъ не могли быть введены въ дѣйствительности. Напримѣръ, онъ полагалъ учредить въ цѣлой губерніи одно только мѣщанство изъ всѣхъ мѣщанъ въ губерніи и собирать ихъ въ губернскомъ городѣ для выпутія жеребья. Мнѣнія наши не сходились; я возражалъ ему, доказывая крайнія неудобства подобныхъ собраній и какъ должно это стѣснять мѣщанъ. Обязанныхъ оставлять свои жилища, чтобъ отправляться за 200, 300 верстъ и бросать свои занятія. Сениавинъ оставался при своемъ и просилъ меня написать въ этомъ видѣ проектъ положенія, а самъ уѣхалъ на нѣкоторое время изъ Петербурга. По пріѣздѣ его черезъ мѣсяць мы снова собрались въ комитетѣ. Между тѣмъ я представилъ ему написанный мною проектъ, въ которомъ, не смотря на его нелѣпость, я старался по возможности набрать побольше доказательствъ пользы предлагаемой мѣры. Сениавинъ оказался крайне недовольнымъ моею работою и принялъ ее какъ будто за насмѣшку надъ его мыслию, что и выразилъ въ комитетѣ. Я обидѣлся его замѣчаніемъ и сказалъ ему, что никогда не позволялъ и не позволяю себѣ насмѣхаться надъ начальниками и что если работа моя, по его мнѣнію, никуда не годится, то слѣдуетъ сдѣлать ее другому, болѣе сочувствующему его мысли. Нѣкоторые члены комитета не оправдывали моихъ дѣйствій и находили, что не стоить много спорить въ этомъ дѣлѣ: пусть оно идетъ своимъ порядкомъ какъ угодно Сениавину; вѣдь онъ за него и отвѣчаетъ какъ председатель, а ссориться съ нимъ не слѣдуетъ. Я не могъ вполне согласиться съ подобными замѣчаніями и хотя находилъ ихъ совершенно практичными, но не могъ внутренно не удивляться этой безстрастной роли, которую приняли на себя члены комитета. Послѣ этого засѣданія наши прекратились, и насъ больше не собирали. Сениавинъ самъ взялся, составилъ свой проектъ и черезъ нѣкоторое время представилъ министру, который нашелъ его крайне неосновательнымъ, о чемъ Сениавинъ впоследствии самъ рассказывалъ, выра-

жая вмѣстѣ съ тѣмъ удивленіе, что министръ не вникъ въ сущность дѣла. Сенявинъ былъ непомерно суетливъ, брался за все и ничего не дѣлалъ порядочно. Кабинетъ его былъ наполненъ шкафами, гдѣ хранились у него въ отличныхъ переплетахъ и папкахъ копія со всѣхъ бумагъ, нѣкоторой по его мнѣнію важности, которыя онъ подписалъ на своемъ вѣку. Онъ очень хвастался этимъ собраніемъ и говорилъ мнѣ однажды, что конечно нѣтъ ни у кого и нигдѣ такого архива. Честолюбіе его было безмѣрное, но онъ не пользовался мнѣніемъ дѣлового человѣка и когда Перовскій отправился въ отпускъ въ Крымъ, управленіе министерствомъ Государь поручилъ Ланскому, что сильно поразило Сенявина. Онъ долженъ былъ явиться къ Ланскому какъ лицо подчиненное. Это случилось при мнѣ во время моего доклада. На багровомъ лицѣ Сенявина видны были смущеніе и досада. Представленіе происходило стоя, что меня нѣсколько удивило. Вѣроятно Ланской не хотѣлъ тянуть долго аудіенціи. Двѣи десять послѣ того спустя, Сенявинъ, жившій въ это время на дачѣ на Аутекарскомъ острову, пріѣхалъ довольно рано утромъ въ городъ на свою квартиру близъ Таврическаго сада, въ домъ Дубенскаго; послалъ человѣка за бутылкою пива и когда тотъ принесъ ее, онъ его выслалъ изъ комнаты, выпилъ стакана два пива и черезъ нѣсколько времени схватилъ бритву и черкнулъ ею себѣ по горлу; но вѣроятно отъ боли и въ сильномъ изступленіи, не помня самъ себя, выскочилъ на балконъ и бросился оттуда на улицу, гдѣ ошеломленный паденіемъ сталъ истекалъ кровью. Проходившіе по улицѣ тотчасъ дали знать въ домъ людямъ, и несчастнаго подобрали. Онъ въ себя не приходилъ и вскорѣ умеръ. Похороны его происходили безъ всякой церемоніи, гробъ сопровождалъ одинъ только священникъ. Ланской принялъ это извѣстіе довольно равнодушно. Онъ отозвался, что ни въ чемъ не виноватъ, что ему, а не Сенявину поручили управленіе министерствомъ: таково было желаніе Государя. На мѣсто Сенявина назначенъ былъ исправляющимъ должность Лексъ, бывшій директоромъ хозяйственнаго департамента.

Вскорѣ поручили мнѣ быть членомъ отъ министерства въ рекрутскомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ графа Блудова. Дѣлами сего комитета завѣдывалъ Рѣпинскій, впоследствии сенаторъ. Обязанностію комитета было разрѣшить всѣ законодательные вопросы по рекрутской части; но въ это время возникло новое дѣло, которое потребовало особыхъ разсужденій. По представленію графа Блудова Государственный Совѣтъ разрѣшилъ привлечь къ рекрутской повинности всѣхъ одиначекъ и двойниковъ Петербургскаго мѣщанскаго общества, кото-

рые дотолѣ этой повинности не исправляли и такимъ образомъ обременяли собою многосемейныхъ, которые одни и за себя и за двойниковъ и одиночекъ ставили рекрутъ. Многосемейныхъ считалось въ обществѣ не болѣе 8 тысячъ, тогда какъ двойниковъ и одиночекъ было 12 т. Госуд. Совѣтъ, утвердивъ это предположеніе, приказалъ составить въ министерствѣ о томъ правила. Но недѣли двѣ спустя, министерство получило новое высочайшее повелѣніе, объявленное министромъ Госуд. Имуществъ графомъ Киселевымъ о томъ, чтобъ жеребьевую систему ввести повсемѣстно въ мѣщанскихъ обществахъ. Это новое повелѣніе должно было парализовать мнѣніе Госуд. Совѣта о Петербургскихъ мѣщанахъ: частное должно было слиться съ общимъ. Нельзя было согласить между собою оба высочайшія повелѣнія. Какъ и слѣдовало, министерство занялось составленіемъ правилъ для всѣхъ мѣщанъ, разумѣя въ томъ числѣ и Петербургскихъ и не дѣлая для нихъ никакихъ исключеній. Работу эту я представилъ въ рекрутскій комитетъ. На вопросъ графа Блудова, почему министерство оставило безъ вниманія мнѣніе Госуд. Совѣта о Петербургскихъ мѣщанахъ, я отвѣчалъ, что правила составлялись для всѣхъ мѣщанъ вообще и нельзя было въ одно время писать для одного общества особые правила, когда велѣно было заняться всѣми обществами. Графу Блудову было очень досадно, что его предположенія остались безъ исполненія, и онъ желчно выразился, что министерство слѣдуетъ предать суду за неисполненіе высочайшаго повелѣнія. Для меня весьма страннымъ казалось, что такой умный человѣкъ, какъ графъ Блудовъ не можетъ или не хочетъ понять, что предположенію его нельзя давать хода, а оно должно быть оставлено для введенія общей мѣры. Много переписано было по этому предмету бумагъ. Съ ходомъ этого дѣла Блудовъ начиналъ уступать, пытаясь примѣнить ко всѣмъ въ Россіи мѣщанскимъ обществамъ тѣ правила, которыя онъ придумалъ для Петербургскаго общества; но и это было крайне неудачно. Онъ полагалъ раздѣлить общество на два разряда: на многосемейныхъ и на двойниковъ и одиночекъ. Первые должны были отправлять рекрутскую повинность по очереди семействъ, а вторые по жеребью; для первыхъ опредѣлялся возрастъ только до 21 года, для послѣднихъ до 35 лѣтъ. Но я возсталъ противъ этого предположенія, представляя въ своей бумагѣ, что по малочисленности мѣщанскихъ обществъ въ большей части нашихъ городовъ нельзя такимъ образомъ дѣлить эти общества, и они сдѣлаются такими дробными, что никакъ нельзя будетъ требовать рекрутъ ни по очереди семействъ (которая и безъ того уже давно по малолюдству обществъ разрушена), ни по жеребью, такъ какъ участки будутъ слишкомъ малы; притомъ невозможно вводить въ одномъ и томъ же

мѣщанскомъ обществѣ двѣ системы: и очередную, и жеребьевую по тѣмъ различнымъ условіямъ, какія требуются отъ этихъ системъ. Такъ, напримѣръ, мѣщанинъ, принадлежавшій къ многосемейному обществу и по прошествіи 21 года освободившійся совсѣмъ отъ рекрутской повинности, вдругъ съ смертію кого либо изъ работниковъ своего семейства попадаетъ въ двойники, и его призываютъ въ рекруты по жеребью до 35 года; или напротивъ, другой, считавшійся въ числѣ двойниковъ съ прибытіемъ въ семейство зятя превращается въ тройника и долженъ будетъ идти въ рекруты по очереди семействъ, или будетъ напрасно освобожденъ отъ этой повинности только потому, что ему минуло уже 21 годъ, тогда какъ въ прежнемъ своемъ двойниковомъ участкѣ онъ призывался бы къ жеребью до 35 лѣтъ. Неудобство этого раздѣленія обществъ было слишкомъ явно, и то что могло годиться для Петербургскаго общества совсѣмъ не годилось для прочихъ обществъ. Блудовъ отказался отъ своего предположенія, и составленъ былъ проектъ, чтобъ вездѣ во всѣхъ обществахъ введена была однообразно одна только жеребьевая система съ нѣкоторыми только особыми правилами для двойниковъ и одиночекъ. Уступка необходимости была сдѣлана, хоть и тутъ допущена безъ всякой надобности нѣкоторая исключительность для одной части обществъ. Проектъ утвержденъ Государственнымъ Совѣтомъ, но никогда не приводился въ исполненіе какъ по неудобству, такъ и по измѣнившимся обстоятельствамъ. Съ окончаніемъ Крымской войны значительная часть войскъ была распущена въ безсрочный отпускъ; рекрутскіе наборы были пріостановлены, и армія пополнялась въ случаѣ надобности изъ отпускныхъ. По прошествіи почти восьми лѣтъ послѣдовалъ первый наборъ, но уже совершенно на другихъ основаніяхъ: о проектахъ графа Блудова и рѣчи не было; рекруты ставились по усмотрѣнію самихъ обществъ, возрастъ для поставки опредѣленъ тридцатилѣтній, одинаково для всѣхъ членовъ общества, ставились преимущественно изъ многорабочихъ семействъ, но по жеребью. Такимъ образомъ всѣ умничанія рекрутскихъ комитетовъ ни къ чему не послужили, мы только напрасно собирались, переливали изъ пустого въ порожнее и истребляли бумагу на различные журналы, которые лишь наполнили архивы.

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРЬЯНА ИВАНОВИЧА САФОНОВИЧА *).

Жизнь моя сдѣлалась самою безцвѣтною. По службѣ не было никакого движенія; общество не представляло для меня особыхъ приманокъ: я посѣщалъ нѣкоторыхъ знакомыхъ моихъ, но безъ душевнаго къ нимъ влеченія. Чаще другихъ я видѣлся съ лицами перваго выпуска, Масловымъ, Корниловымъ, Яковлевымъ, Матюшкинымъ. Мы собирались вмѣстѣ раза три въ недѣлю то у одного, то у другого и проводили вечера за картами. Въ особенности страстнымъ игрокомъ былъ Масловъ (директоръ департамента податей и сборовъ): онъ могъ играть всю ночь на пролетъ по самой маленькой игрѣ. Мы всѣ удивлялись, какъ онъ могъ выносить, при своихъ служебныхъ занятіяхъ, такой странный родъ жизни; притомъ онъ любилъ хорошо поѣсть. Это и отозвалось ему: онъ вдругъ захворалъ и умеръ. Со смертію его собранія наши прекратились: онъ былъ душою ихъ. Очень часто я проводилъ время въ Англійскомъ клубѣ, но весьма скромнымъ образомъ, большею частію просиживалъ вечера въ газетной комнатѣ, наполненной всѣми возможными журналами. Изрѣдка, если составлялась не слишкомъ высокая партія, я садился за карты, и такимъ образомъ проходило у меня незамѣтно время. Ни къ чему особенному я не стремился, въ виду у меня ничего не было, ни одна часть знаній особенно меня не занимала; я читалъ все, что попадалось, безъ большаго разбора, мнѣ не нужно было ничего изучать, потому что не предвидѣлъ въ томъ надобности. Я ни къ чему не могъ готовиться, не зная, какихъ свѣдѣній служба моя отъ меня потребуеть. Я находилъ даже, что я кончилъ уже мое служебное поприще и впереди ничего ожидать для себя не могу. Такое убѣжденіе, имѣвшее основаніе въ моей неудачной обстановкѣ, дѣлало для меня жизнь пошлою, безполезною, тягостною; но я долженъ былъ покориться судьбѣ, не имѣя возможности измѣнить мое положеніе. Я сознавалъ въ себѣ недостатокъ нужной энергіи, ограниченность моихъ познаній, неумѣніе бойко говорить, неловкость въ сношеніяхъ съ начальниками. Притомъ у меня

*) См. выше, стр. 492.

не было сильныхъ желаній получить то или другое, я довольствовался тѣмъ, что имѣю, честолюбіе было во мнѣ слабо развито, я не давалъ большого значенія служебнымъ наградамъ и смотрѣлъ на нихъ нѣсколько философски, что очень много вредило мнѣ по службѣ.

Въ такомъ положеніи я пробылъ все время, пока находился министръ Перовскій, съ которымъ я никогда сойтись не могъ. Иногда приходила мнѣ мысль просить его дать мнѣ какія либо порученія въ губерніяхъ, полагая выказать себя съ выгодной стороны, но постоянно удерживался отъ этого, держась правила ни на что не напрашиваться и ни отъ чего не отказываться. Во мнѣ всегда было много простодушія, и я легко могъ не выполнить порученія, если оно потребовало бы отъ меня нѣкоторыхъ ухищреній и втяжекъ. Многіе неудачно кончили свои порученія, воображая выполнить свое дѣло добросовѣстно и безъ задней мысли непременно найти безпорядки. Они должны были сойти со сцены. Таже участь могла ожидать и меня. Это, конечно, не оправдывало моего бездѣйствія, надобно было сдѣлать попытку, она могла бы оправдаться успѣхомъ. Я предпочелъ однакожь спокойствіе и не хотѣлъ рисковать собою. Въ министерствѣ я ни съ кѣмъ не сходился; была замѣтна общая другъ къ другу недовѣрчивость, какъ будто въ воздухѣ носилось какое-то предательство, и каждый старался отъ другихъ спрятаться, чтобы какъ можно менѣе знали о родѣ его жизни. Подозрительность Перовскаго побуждала всѣхъ быть осторожными. Со мною иногда старались знакомиться лица, ищущія въ министерствѣ мѣсть, въ томъ предположеніи, что я могу быть имъ полезенъ. Они даже знакомили своихъ женъ, что меня крайне стѣсняло. Они крайне ошибались въ моемъ вліяніи въ министерствѣ. Я ничего не могъ для нихъ сдѣлать. Съ неудачами эти знакомства исчезали какъ дымъ. Искатели переставали посѣщать меня.

Въ 1852 году Перовскій оставилъ министерство и переведенъ въ удѣлъ. Въ это время сформировался баталіонъ стрѣлковъ Императ. фамиліи; Перовскій сдѣлавъ начальникомъ батальона, переименованъ по этому случаю въ генералы отъ пѣхоты, преобразился въ стрѣлковый мундиръ, отростилъ усы и былъ очень счастливъ такому преобразованію. Онъ былъ вообще суетенъ, любилъ почести и охотно рисовался, гдѣ представлялся случай. Напримѣръ, онъ всегда ѣздилъ съ дачи въ городъ четверкою въ рядъ, сажая на козлы съ кучеромъ Арапа. Незамѣтно однакожь было, чтобы въ его обстановкѣ выказывалось много пязщнаго; напротивъ, было что-то грубое, не совсѣмъ опрятное. Проведя почти всю жизнь одна, избѣгая дамскаго общества, рѣдко посѣщая людей, онъ приобрѣлъ нѣкоторую дикость и жесткость, и это ясно отражалось на всѣхъ дѣйствіяхъ и вкусахъ его. Всѣ по-

радовались выбытію его изъ министерства: какъ будто камень свалился съ плечъ каждаго, всѣ вздохнули свободнѣе. Могли быть недовольны переменною весьма немногіе, которымъ Перовскій оказывалъ особую довѣренность: они знали, что при новомъ министрѣ должны будутъ потерять прежнее значеніе и даже совсѣмъ сойти со сцены. Перовскій нѣкоторыхъ изъ нихъ перевелъ вскорѣ въ удѣлы и отлично устроилъ, другіе оставили министерство и разбрелись въ разныя стороны.

Министромъ назначенъ былъ Кіевскій генералъ - губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ. По извѣстному всѣмъ характеру его, служащіе не могли ожидать особой перемены въ управленіи. Бибииковъ былъ деспотъ въ душѣ и также, какъ и Перовскій, наводилъ страхъ на подчиненныхъ. Но радость, что спустили Перовскаго, была такъ велика, что никто не могъ ожидать худшаго въ заступившемъ его мѣсто. Бибииковъ очень парадно принималъ чиновниковъ министерства. При этомъ я напомнилъ ему, что мы встрѣчались на докладахъ у министра финансовъ во время бытности его, Бибиикова, директоромъ департамента вѣншей торговли. Бибииковъ произнесъ собравшимся рѣчь. Онъ говорилъ недурно, но не сказалъ ничего такого, что выходило бы изъ разряда общихъ мѣстъ. Ему трудно было овладѣть всѣми дѣлами, которыя производились въ министерствѣ; еще труднѣе было составить себѣ систему. Нѣкоторыя части управленія конечно были ему извѣстны, хоть и не въ подробности, тутъ могъ онъ еще давать нѣкоторое направленіе; но въ другихъ дѣлахъ онъ мало понималъ. Мнѣ приходилось иногда съ нимъ заниматься. Мнѣ казалось, что онъ скучалъ докладами. Онъ впрочемъ всегда былъ дѣятеленъ, но не видно было особой ретивости. Рѣшительныя резолюціи онъ рѣдко давалъ, все шло какъ-то само собою. Не имѣя самостоятельнаго управленія, и не могъ имѣть надежды обратитъ на себя особенное его вниманіе; за всѣмъ тѣмъ, не знаю почему, я заслужилъ его расположеніе.

Въ Августѣ 1852 года далъ онъ порученіе въ Рязань по одному, впрочемъ, неважному дѣлу, но которое лично его интересовало. Въ Рязанскомъ Губернскомъ Правленіи продавалось съ публичныхъ торговъ на покрытіе разныхъ взысканій имѣніе князя Грузинскаго. Бибииковъ, принимая участіе въ к. Грузинскомъ, писалъ къ Рязанскому губернатору Новосильцову, нельзя ли какъ нибудь сдѣлать, чтобы это имѣніе осталось за Грузинскимъ, но на бывшихъ торгахъ оно досталось генералу Бутурлину. Торги происходили слѣдующимъ образомъ. Послѣ нѣкоторыхъ наддачъ, торговавшіе удалились въ другія комнаты, но потомъ за нѣсколько минутъ до 3-хъ часовъ они снова собрались въ общемъ присутствіи. Стали прибавлять къ послѣдней суммѣ. Въ самый

моментъ движенія часового боя трехъ часовъ, Бутурлинъ прибавилъ 100 р., но тотчасъ же вслѣдъ за нимъ, когда происходилъ третій ударъ часовъ, к. Грузинскій закричалъ 100 р. Возникъ споръ, за кѣмъ осталось имѣніе: за Бутурлинымъ, который сказалъ свою цѣну при началѣ боя часовъ, или за Грузинскимъ, который сдѣлалъ свою добавку къ цѣнѣ, когда часы еще не кончили своего боя. Губернаторъ, члены правленія и прокуроръ рѣшили, что имѣніе должно принадлежать Бутурлину. К. Грузинскій былъ очень недоволенъ такимъ рѣшеніемъ и вмѣсто того, чтобы тутъ же на торговомъ листѣ или въ особомъ прошеніи протестовать противъ рѣшенія и тѣмъ приостановить дальнѣйшія распоряженія Губернскаго Правленія къ передачѣ имѣнія Бутурлину, вышелъ изъ присутствія и на другой день поспѣхалъ жаловаться на губернатора министру. Бибииковъ, полагая, что тутъ произошли какіе нибудь безпорядки и злоупотребленія и досадуя, что имѣніе не осталось, какъ онъ желалъ, за кн. Грузинскимъ, счелъ нужнымъ произвести по этому дѣлу слѣдствіе и съ этою цѣлью командировалъ меня. Виновныхъ тутъ не оказалось. Въ рапортахъ моихъ, одномъ офиціальномъ, а другомъ конфиденціальномъ, я объяснилъ министру, какъ торги происходили. По взгляду моему губернаторъ въ дѣлѣ не былъ виноватъ по закону ни въ чемъ; но я не могъ не замѣтить, что другой на его мѣстѣ, имѣя въ виду участіе министра въ к. Грузинскомъ, научилъ бы к. Грузинскаго какъ дѣйствовать и въ случаѣ протеста его приостановился бы сообщеніемъ въ Гражданскую Палату о совершеніи на имя Бутурлина купчей на имѣніе. Во всякомъ случаѣ онъ очистилъ бы себя передъ министромъ. Новосильцовъ прямо мнѣ сказалъ, что къ сожалѣнію онъ не догадался этого сдѣлать. Вслѣдствіи дѣло уладилось само собою: Бутурлинъ, видя, что покупка имъ этого имѣнія возбудила неудовольствіе министра и породила слѣдствіе, отказался отъ него добровольно въ пользу к. Грузинскаго.

Бибииковъ остался чрезвычайно доволенъ моимъ слѣдствіемъ и вскорѣ назначилъ меня членомъ комиссіи, (учрежденной опредѣленіемъ Государственнаго Совѣта) по дѣлу объ убійствѣ въ Москвѣ Сухово-Кобылинымъ Французенки, съ которою прежде имѣлъ онъ связь. Это дѣло меня очень заинтересовало; я его прочелъ съ большимъ вниманіемъ и старался собрать всѣ свѣдѣнія, которыя могли бы повести къ раскрытію виновныхъ. По дѣлу были уже произведены два слѣдствія. Первое виновныхъ не открыло. Тѣло Французенки найдено въ полѣ за заставою. По показанію прислуги ея, она, возвратившись домой часу въ 6-мъ вечера, вскорѣ переодѣлась и уѣхала неизвѣстно куда на извозикѣ. По мнѣнію людей вѣроятно она убита этимъ извозникомъ. По второму слѣдствію оказался виновнымъ бывшій у нея

люди: кучеръ, поваръ Кобылина и жена; они сознались, что Французенка ими задушена въ постели, потомъ вывезена кучеромъ въ поле, гдѣ и выброшена изъ саней. Люди эти приговорены были Уголовною Палатою къ наказанію плетью и къ ссылке въ каторжную работу. Но когда имъ объявлено было рѣшеніе, то они подали отзывъ, что они вовсе не убивали Французенки и признанія въ томъ не дѣлали и все, что объ нихъ изложено въ опредѣленіи Палаты, ложно. Несмотря однакожъ на такое показаніе, Палата не отмѣнила своего рѣшенія, и дѣло поступило въ Сенатъ*). Тамъ большинство сенаторовъ согласилось съ рѣшеніемъ Палаты; но одинъ изъ нихъ былъ противнаго мнѣнія и нашелъ, что произведенное слѣдствіе не имѣетъ надлежащей достовѣрности. Дѣло перешло въ общее собраніе Сената, гдѣ произошло также разногласіе; отсюда оно поступило въ Госуд. Совѣтъ. Здѣсь слѣдствіе признано совершенно неудовлетворительнымъ; Совѣтъ положилъ произвести новое слѣдствіе и для того нарядить комиссію изъ жандармскаго штабъ - офицера и двухъ чиновниковъ, министерствъ Внут. Дѣлъ и Юстиціи. Какъ ни интересовало меня это дѣло, но я не совсѣмъ доволенъ былъ этимъ порученіемъ. Изъ жандармскаго вѣдомства назначенъ былъ въ комиссію генералъ-маіоръ, слѣдовательно могъ претендовать на званіе предсѣдателя комиссіи, что не соответствовало моимъ видамъ, и я отходилъ на второй планъ; потомъ дѣло было крайне запутанное: послѣ совершенія убійства прошло уже много лѣтъ, слѣды почти исчезли. Скоро слѣдствія кончить было нельзя; надобно было употребить всѣ усилія къ открытію истины, и это могло бы потребовать долгаго пребыванія въ Москвѣ. Съ другой стороны я былъ не прочь и поразнообразить мои занятія, которыя до крайности мнѣ наскучали въ министерствѣ и пожить нѣсколько въ Москвѣ, къ которой осталось у меня особенная привязанность, сойтись съ новыми людьми и увидѣть что-нибудь другое, кромѣ Петербургскаго officialнаго міра. Бывшая моя поѣздка въ Рязань меня много освѣжила; я еще не совсѣмъ разстался съ впечатлѣніями этого путешествія и съ удовольствіемъ оставилъ бы Петербургъ, гдѣ все обратилось для меня какъ-будто во что-то казенное. Семейство мое находилось подъ присмотромъ моей тещи, и съ этой стороны мнѣ нечего было опасаться. У дѣтей была отличная гувернантка; они учились недурно и дѣлали успѣхи. Мое присутствіе не было для нихъ необходимостію.

Пока я готовился ѣхать, случились новыя обстоятельства и дали совершенно другое направленіе моей дѣятельности. По случаю при-

*) Оно изложено въ Запискахъ сенатора К. Н. Лебедева „Р. Архивъ“ 1888 г. кн. II; но это мѣсто Записокъ не было оглашено по настоянію Е. М. Феодотовскаго. Убійство произошло 8 Ноября 1850 г. Слич. „Новое Время“ 18 Марта 1903 г. II. I.

готовленія къ Крымской войнѣ, Государю вздумалось назначить бывшаго Орловскаго военнаго губернатора Крузенштерна градоначальникомъ въ Одессу. Трудно объяснить, почему выборъ Государя палъ на Крузенштерна. Въ немъ не было ничего воинственнаго; всю жизнь онъ прослужилъ въ гвардіи, былъ долгое время флигель-адъютантомъ и исполнялъ всегда однѣ мирныя порученія. Какъ администраторъ, онъ тоже ничѣмъ особеннымъ не отличился. Императоръ Николай не имѣлъ большой проницательности въ выборѣ людей; онъ останавливался на тѣхъ, которые ему чѣмъ-нибудь умѣли понравиться, не соображая, способны ли они для той или другой должности. Довольно было того, что они обратили на себя его вниманіе. Онъ не допускалъ того, чтобы могъ ошибаться. Онъ не слишкомъ жаловалъ такихъ, которые проявляли въ дѣлахъ вѣкторую характерность и жаловалъ въ особенности людей совершенно покорныхъ. Крузенштернъ принадлежалъ къ разряду сихъ послѣднихъ. Всѣмъ странно казалось, что Императоръ поручилъ ему защиту Одессы, и если бы не этотъ предлогъ перевода его туда изъ Орла, то могли бы объяснить это немилостію Государя, потому что гораздо почетнѣе быть губернаторомъ, нежели градоначальникомъ. Когда во время доклада Бибикова Императоръ объявилъ ему, что онъ назначаетъ Крузенштерна въ Одессу и приказываетъ заготовить о томъ указъ Правительств. Сенату, Бибиковъ, по непонятному для меня побужденію, рекомендовалъ меня на мѣсто Крузенштерна въ Орелъ. Государь согласился. До этого времени я не дѣлалъ никакихъ попытокъ перемѣнить службу, ни съ кѣмъ о томъ не говорилъ и только помню, что когда Бибиковъ выражалъ мнѣ свое удовольствіе за исполненіе Рязанскаго порученія, онъ при этомъ сказалъ мнѣ, что постарается устроить меня при первой возможности, на что я отвѣчалъ ему, что состою въ полномъ его распоряженіи. Тогда я призналъ это только любезною фразою съ его стороны и не выводилъ никакихъ пріятныхъ для себя заключеній. На другой день послѣ его доклада директоръ общей канцеляріи министра Гвоздевъ пріѣхалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ. Я очень удивился этому назначенію и меньше всего его ожидалъ. Когда указъ былъ подписанъ Государемъ, я отправился благодарить Бибикова, который мнѣ сказалъ нѣсколько лестныхъ пріѣтствій на счетъ моихъ способностей и дѣятельности, но прибавилъ, что онъ знаетъ за мною одинъ недостатокъ: я слишкомъ мягокъ и добръ. Я рѣшился отвѣчать ему, что еще не былъ по службѣ въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ могъ бы выказать особенную настойчивость. Объясненія наши были непродолжительны: ни онъ, ни я не находили предмета для дальнѣйшаго разговора. Орловская губернія была для меня вовсе незнакома, Бибикову также. Ни тотъ, ни другой

не знали, на что слѣдуетъ тамъ обратить вниманіе. Между тѣмъ, имѣя у себя предписаніе отправиться въ Москву въ комиссію по дѣлу убитой Француженки, я не зналъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ и рѣшился спросить министра. Онъ приказалъ мнѣ сказать, чтобъ я немедленно собирался въ Орелъ, а комиссію оставилъ, на мѣсто же мое назначилъ чиновника министерства Васильчикова. Такимъ образомъ поѣздка моя въ Москву не состоялась.

Передъ отъѣздомъ моимъ друзья и знакомые вздумали составить мнѣ прощальный обѣдъ. Собралось около 70 человекъ, въ томъ числѣ много дамъ и все мое семейство. Главною затѣйницею обѣда была жена бывшего нѣкогда моего сослуживца Ливотова, старинная пріятельница моей покойной жены и всегда привязанная къ нашему семейству. Обѣдъ состоялся по подпискѣ. Собрались мы въ квартирѣ Теплякова, бывшего моего школьнаго товарища. За обѣдомъ говорили нѣсколько спичей и поднесли мнѣ альбомъ съ отличнымъ фотографическимъ портретомъ моего сына и подписью всѣхъ участвовавшихъ на обѣдѣ. Я былъ очень сконфуженъ, не умѣлъ достойнымъ образомъ благодарить собраніе за вниманіе и бормоталъ разный вздоръ. Послѣ обѣда молодежь пустилась танцевать, и вечеръ проведенъ съ большимъ оживленіемъ.

Министръ торопилъ меня отправленіемъ къ новой должности. Особенной надобности спѣшить впрочемъ не было. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ Орловская губернія пользовалась спокойствіемъ, никакихъ дѣлъ требовавшихъ присутствія губернатора не было, нѣкоторые частные случаи, сдѣлавшіеся извѣстными министерству, не были такого рода, чтобъ вызывать какія-либо энергическія распоряженія. Я однакоже не медлплъ; къ Петербургу меня ничто особенно не привязывало; нужно было только сдѣлать нѣкоторыя покупки и обмундироваться. Я былъ скоро готовъ. На подъемъ мнѣ назначили весьма немного, и именно, сверхъ 900 р. по положенію, еще 2000 р. по особому назначенію. Этой суммы было слишкомъ недостаточно, чтобъ устроиться приличнымъ образомъ въ губерніи, запастись лошадьми, экипажемъ, мебелью и сверхъ того перевезти и устроить семейство. Мои дочери уже подросли и требовали нѣсколько лучшаго туалета. Надобно было показать ихъ въ губерніи въ болѣе нарядномъ видѣ, нежели въ какомъ онѣ до сего времени находились. Я не могъ еще ихъ взять съ собою и поѣхалъ одинъ, оставивъ ихъ на попеченіи моей тещи, ихъ бабушки. Большую часть полученныхъ мною на подъемъ денегъ я изстратилъ въ Петербургѣ на покупку экипажей, на платежъ портнымъ и на прочіе многочисленные расходы; нужно было оставить нѣсколько денегъ и на

содержаніе семейства, такъ что я явился въ Орелъ съ пустымъ карманомъ.

Я отправился въ дорогу въ концѣ Марта 1854 г. и пріѣхалъ 27 числа вечеромъ часу въ 11-мъ. Въ Орлѣ у меня никого знакомыхъ не было, кромѣ вице-губернатора Вульфа, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ. Онъ былъ женатъ на дочери тайнаго совѣтника Бека, извѣстнаго дѣятеля въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ по разбору депешъ, написанныхъ шифрами. Я былъ знакомъ съ семействомъ Бека и по временамъ посѣщалъ почтеннаго и умнаго старика, который оказывалъ мнѣ много расположенія (старшая дочь его вышла впоследствии за мужъ за Брока, бывшаго министромъ финансовъ). Вульфъ былъ вдовъ, жена его умерла года три тому назадъ, и онъ какъ-то искусно успѣлъ перевести доставшееся ей въ приданое имѣніе на свое имя, что очень много беспокоило г-жу Брокъ, которая видѣла въ этомъ дѣйствіи Вульфа желаніе воспользоваться имѣніемъ его единственнаго сына. Это беспокойство имѣло свое основаніе, и время показало, что оно было не напрасно. Вульфъ не отличался нравственными правилами и былъ до крайности жаденъ къ деньгамъ. Притомъ онъ выказалъ себя и дурнымъ мужемъ: когда покойная жена его послѣ бывшей у нея оспы нѣсколько подурнѣла, онъ почти совсѣмъ забросилъ ее, и она все время проводила совершенно одна. Несмотря на то, что я былъ невысокаго мнѣнія о Вульфѣ, который сверхъ того былъ ограниченныхъ понятій, я долженъ былъ обратиться къ нему, какъ къ единственному знакомому человѣку за разными указаніями и совѣтами, тѣмъ болѣе, что по занимаемому имъ мѣсту онъ болѣе другихъ могъ въ этомъ отношеніи быть мнѣ полезенъ. Разумѣется, онъ выразилъ мнѣ всю свою преданность. Въ тотъ же вечеръ онъ приготовилъ мнѣ ужинъ и занималъ меня рассказами объ Орлѣ и о составѣ его жителей и чиновниковъ.

Домъ, куда я въѣхалъ, представлялъ огромныя пустыя казармы. Не было никакой мебели, кромѣ той, которую полицеймейстеръ взялъ изъ лавокъ на прокатъ, и именно письменнаго стола, дюжины стульевъ и еще кое-чего, чтобъ наполнить кабинетъ и примыкающую къ нему комнату. Предмѣстникъ мой, отъѣзжая, всю мебель свою распродавъ, и Вульфъ вслѣдствіе письма моего изъ Петербурга успѣлъ удержать для меня изъ этой мебели нѣкоторыя вещи для кухни и людскихъ, что мнѣ обошлось рублей въ 150. Омеблировать въ скоромъ времени всѣ комнаты, которыхъ считалось до 14, въ томъ числѣ двѣ большія залы, не было никакой возможности. Въ министерствѣ производилась переписка о снабженіи нѣкоторыхъ губернаторскихъ помѣщеній мебелью; представленія объ этомъ поступили отъ одиннадцати гу-

бернаторовъ, а также отъ Орловскаго, который испрашивалъ на этотъ предметъ 10 тыс. рубл. Министерство съ своей стороны сократило это требованіе на 5 т. и заготовило представленіе о томъ въ Государств. Совѣтъ. Я имѣлъ основаніе ожидать, что скоро послѣдуетъ разрѣшеніе, но ожиданія мои не сбылись: во все время моего губернаторства я не получилъ ни одной копѣйки на мебель; дѣло откладывалось съ одного года на другой, и я долженъ былъ меблировать домъ своими средствами, что крайне стѣсняло меня. Нѣкоторую порядочную мебель перевезъ я изъ Петербурга, другую покупалъ по немногу въ Орлѣ. Вообще меблировка моихъ комнатъ не отличалась изящностію; о роскоши нельзя было и думать; надобно было ограничиться совершенною необходимостію и простотою. Самыя комнаты находились въ безобразномъ состояніи; нужно было ихъ освѣжить и отдѣлать съ нѣкоторымъ приличіемъ, но это по крайней мѣрѣ можно было сдѣлать на счетъ казны, требовалось только время для производства работъ. За всѣмъ тѣмъ я долженъ былъ жить до лѣта кое-какъ, не имѣя у себя никакого комфорта. Привыкнувъ цѣлую жизнь къ нуждѣ, я не слишкомъ этимъ тяготился и заботился только о нѣкоторомъ приличіи болѣе для другихъ, нежели для себя.

На другой день я принималъ всѣхъ чиновниковъ и, спустя часа три, губернскаго предводителя Владимира Яковлевича Скарятина и четырехъ случившихся въ Орлѣ уѣздныхъ предводителей, въ томъ числѣ Орловскаго Льва Никол. Яковлева. Скарятинъ показался мнѣ человекомъ весьма пріятнымъ и благонамѣреннымъ. Мнѣ въ особенности понравилось то, что онъ просилъ меня при случающихся недоразумѣніяхъ прямо высказывать ему мои неудовольствія и улаживать всѣ дѣла мирнымъ образомъ, не заводя бесполезной переписки. Съ прочими предводителями я мало познакомился и не могъ составить себѣ о нихъ яснаго сужденія.

Съ третьяго дня моего пріѣзда началась официальная моя дѣятельность. Собираясь въ Орелъ, я изучалъ всѣ предметы, входящіе въ составъ губернаторскихъ обязанностей, дѣлалъ для себя выписи и замѣтки, запасался матеріалами, но едва только попалъ въ круговоротъ текущаго дѣлопроизводства, какъ долженъ былъ бросить всѣ мои записки и заняться собственно тѣмъ, что представлялось мнѣ каждодневно. Тутъ ужъ некогда было думать объ установленіи какого либо новаго порядка или о введеніи новаго предположенія: едва можно было поспѣвать подписывать огромную кипу бумагъ, изъ которыхъ каждая почти возбуждала сомнѣніе, правильно или законно она была составлена. Надобно было ближе ознакомиться съ теченіемъ дѣлъ, чтобъ съ перваго взгляда быть увѣрену, что бумага не заключаетъ

въ себѣ ничего противозаконнаго, а это знакомство не скоро пріобрѣтается. У меня не было правителя канцеляріи. Эту должность исправлялъ одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій, человѣкъ повидимому со смысломъ, но малограмотный. Мнѣ казался онъ добросовѣстнымъ, и этого было достаточно, особенно на первый разъ, когда по малому знакомству моему съ дѣлами и людьми я могъ быть на каждомъ шагу обманываемъ. По Губернскому Правленію также требовалось большое вниманіе въ рѣшенія дѣлъ. Вице-губернаторъ мало выкалъ въ сущность ихъ, былъ очень легкомысленъ и слушался старшаго совѣтника Зубова, человѣка весьма ловкаго и до сего времени пользовавшагося большимъ кредитомъ. Секретари правленія мнѣ вовсе были незнакомы, а старшій секретарь, который сталъ ходить ко мнѣ съ докладомъ по всѣмъ дѣламъ правленія, показался мнѣ крайне тупоумнымъ. Я распорядился, чтобъ вмѣсто старшаго секретаря докладывали мнѣ секретари, каждый по своей части, сколько для того, чтобъ избавить старшаго секретаря отъ лишней работы и потери времени для доклада бумагъ, не имъ составляемыхъ, столько же, чтобъ ближе узнать секретарей, настоящихъ производителей. Въ Приказѣ общественнаго призрѣнія переписка была очень обширна: тамъ все дѣлалось по журналамъ, какъ бы предметъ ни былъ ничтоженъ. Этотъ порядокъ крайне тяготѣлъ меня, и я, чтобъ избавить себя отъ безчисленныхъ подписей, задумалъ войти съ представленіемъ о томъ, чтобъ большая часть неполнотныхъ бумагъ исходила прямо отъ Приказа безъ составленія журналовъ; по для этого нужно было привести въ пзвѣстность всѣ предметы производства Приказа, чтобъ опредѣлить какія именно бумаги могутъ идти въ ходъ безъ участія губернатора. Этого я никогда достичь не могъ. Секретарь Приказа, которому я поручилъ составить это соображеніе, олицетворенный рутинеръ, не въ состояніи былъ исполнить этого порученія, а самому мнѣ некогда было заняться этимъ дѣломъ, и я продолжалъ подписывать ежедневно по 50 и болѣе журналовъ Приказа. Кромѣ переписки Приказъ завѣдывалъ и хозяйственными дѣлами по богоугоднымъ заведеніямъ. На первое время я не смѣлъ и думать войти въ разсмотрѣніе правильности расходовъ: для этого пужно было совершенно ознакомиться съ принятымъ порядкомъ, а это было нелегко. Непремѣнный членъ Порохонцевъ давно занималъ уже это мѣсто, совершенно освоился съ дѣлами Приказа, особенныхъ безпорядковъ замѣчаемо не было, на него никто не жаловался, отзывались о немъ не дурно; слѣдовательно не было особаго повода производить подробную ревизію хозяйственныхъ счетовъ; да и что можно было бы тамъ найти? Все облечено было въ форму; отступленія отъ закона не было, содержавшіеся въ заведеніяхъ не изъявляли

неудовольствія на пищу; врачи, хотя иногда и отзывались несовсѣмъ выгодно о дѣйствіяхъ Приказа, но и имъ нельзя было всегда вѣрить, потому что въ подобныхъ отзывахъ часто замѣчалось личное неудовольствіе противъ непремѣннаго члена за неудовлетвореніе какого нибудь излишняго съ ихъ стороны требованія. Должно было до времени отставить всякое поползновеніе къ подробному разсмотрѣнію порядка въ производствѣ хозяйственныхъ дѣлъ Приказа. Строительная комиссія была вмѣстилищемъ всевозможныхъ гадостей. Составъ членовъ ея былъ самый жалкій. Старшій членъ ея по искусственной части подполковникъ Зубовъ былъ совершенно въ рукахъ архитекторовъ: они ему давали частички своихъ пріобрѣтеній, и онъ не смѣлъ уже ихъ контролировать и утверждать всѣ производимые ими расходы, не производя повѣрки постройкамъ и починкамъ. Это личность была безхарактерная, трудно было нападать на нее: она сейчасъ стушевывалась. Но прежде нежели узнать ее, надобно было много пропустить беззаконныхъ распоряженій: она дѣйствовала не безъ хитрости. Гражданскій членъ комиссіи Бѣлявскій былъ чрезвычайно уклончивъ; его сначала трудно было повясть, но потомъ ясно выказалась несостоятельность умственныхъ его способностей. Его мозгъ былъ тронутъ, и онъ постепенно терялъ возможность объясняться. Губернскій архитекторъ Лутохинъ былъ человѣкъ хитрый и жадный къ деньгамъ: онъ очень хорошо обрабатывалъ свои дѣлишки. Членъ отъ дворянства сидѣлъ въ комиссіи только для проформы: онъ не принималъ, да и не могъ принимать никакого участія въ дѣлахъ комиссіи, хотя и подписывалъ журналы. Правитель канцеляріи Домслунксенъ сначала велъ дѣла свои осторожно, кормясь по маленьку подачками отъ подрядчиковъ, но потомъ сдѣлался смѣлѣе и разъ подчистилъ бумагу, вслѣдствіе чего къ распоряженію о производствѣ работъ можно было приступить немедленно, не испрашивая на то разрѣшенія начальства. Этого желалось подрядчику для выигранія времени и по денежнымъ его расчетамъ. Долго спустя эта подчистка обнаружилась. Домслунксена я удалилъ отъ должности и предалъ суду. Дѣла комиссіи требовали внимательнаго изученія; надобно было ознакомиться съ самою техникою, и человѣкъ, не посвященный въ тайны строительной части, долго не въ состояніи открывать злоупотребленія. Какъ бы внимательно онъ ни слѣдилъ за операціями строителей, онъ можетъ замѣтить только то, что уже слишкомъ рѣзко кидается въ глаза, да и то какъ разъ запутаютъ его объясненіями. При всемъ желаніи моемъ внимательно слѣдить за всѣми дѣйствіями членовъ комиссіи и архитекторовъ, я не могъ ничего сдѣлать какъ по недостатку нужныхъ свѣдѣній въ строительномъ дѣлѣ, такъ и по неимѣнію достаточнаго времени. Между тѣмъ

строители дѣлали свое и порядочно наживались; каждый изъ нихъ выстроилъ себѣ домъ въ Орлѣ и вѣроятно составилъ себѣ запасецъ и на будущее время.

Комитетъ земскихъ повинностей былъ въ рукахъ писмоводителя, который хотя и понималъ дѣло, но былъ безграмотенъ. Потомъ онъ началъ предаваться пьянству и картежной игрѣ, дѣла комитета запускались; членъ отъ дворянства ими по обыкновенію не занимался, да и ничего не понималъ въ нихъ. Я не могъ помочь въ этомъ случаѣ: надобно было прежде найти надежнаго человѣка, который замѣнилъ бы писмоводителя, но это было трудно. Способныхъ людей въ виду не было. Поневолѣ приходилось терпѣть прежняго, пока можно было терпѣть. Комиссіею народнаго продовольствія завѣдывалъ тотъ же писмоводитель. Дѣла шли вяло, и никакого наблюденія за хлѣбными магазинами не было. Для меня всегда страннымъ казалось, какимъ образомъ прежніе губернаторы допускали такой безпорядокъ. Не видно было слѣда какихъ либо распоряженій къ устройству этихъ частей на прочныхъ основаніяхъ; но это объясняется частію тѣмъ, что самимъ губернаторамъ трудно и почти невозможно входить во всѣ подробности дѣлопроизводства, а главнѣйше тѣмъ, что составъ чиновниковъ, сколько нибудь приготовленныхъ къ службѣ, дѣятельныхъ и добросовѣстныхъ, былъ крайне ограниченъ, и не изъ кого было выбирать для замѣщенія должностей. Университеты еще очень слабо снабжали губернія учившимися людьми. Всѣ болышею частію кидались на службу въ Петербургъ или Москву и находили тамъ мѣста. Университетскіе показались въ губерніяхъ, когда столицы были ими переполнены, но изъ нихъ мало еще выходило людей дѣльныхъ; надобно было долго возиться съ ними, чтобъ сколько нибудь приготовить ихъ для службы. Они «учились чему нибудь и какъ нибудь»... Нѣкоторые ни на что не годились. Въ министерствахъ имъ нескоро даютъ мѣста; нѣсколько лѣтъ имъ приходится переписывать бумаги; важныхъ дѣлъ имъ не поручаютъ, и слѣдовательно отъ нихъ большого зла тамъ произойти не можетъ, но въ губерніяхъ другое дѣло. Здѣсь при малѣйшемъ проявленіи съ ихъ стороны желанія заниматься службою, тотчасъ даютъ имъ назначеніе, поручая имъ иногда серьезныя обязанности. Здѣсь рады найти человѣка сколько нибудь годнаго для службы: такъ мало способныхъ и грамотныхъ дѣлопроизводителей! Но часто приходится жалѣть, что мѣсто досталось университетскому. При неопытности своей иногда онъ начинаетъ до того путать, что дальнѣйшее оставленіе его на этомъ мѣстѣ становится вреднымъ для службы, и нужно опредѣлить другого хотя бы и менѣе ученаго, но по крайней мѣрѣ способнаго вести дѣла въ порядкѣ. Нѣкоторые съ учеными аттестатами оказа-

лись совершенно негодными для дѣла. На службѣ требуются не столько познанія въ наукахъ, сколько точность въ исполненіи, дѣятельность и изученіе порядка дѣлопроизводства.

Городскія и земскія полицейскія управленія находились въ жалкомъ состояніи. Полиціймейстеръ въ Орлѣ князь Чегодаевъ былъ недурной человѣкъ, но онъ не имѣлъ самостоятельности. Въ прочихъ 11 уѣздныхъ городахъ городничіе, опредѣленные большею частію Комитетомъ о раненыхъ, были люди самые безтолковые, не знали служебнаго порядка, заводили ссоры изъ желанія командовать въ городѣ и заботились только о пріобрѣтеніяхъ. Исправники были выбраны въ эти должности не по способностямъ ихъ къ службѣ, а по интригамъ вліятельныхъ дворянъ въ уѣздѣ съ цѣлью обезпечить ихъ существованіе. При малѣйшемъ замѣчаніи о допущенныхъ ими безпорядкахъ они всегда находили усердныхъ зашитниковъ въ предводителяхъ и другихъ важныхъ личностяхъ въ уѣздѣ. Ссориться съ исправникомъ значило ссориться съ мѣстнымъ дворянствомъ за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя не сочувствовали избранію исправника. Эти напротивъ выказывали съ позною откровенностію всѣ неблаговидныя продѣлки исправниковъ, какъ бы въ укоръ избравшимъ, и часто много прибавляли, такъ что правительнаго сужденія объ исправникѣ трудно было себѣ составить: надобно было ограничиваться о нихъ тѣми свѣдѣніями, какія можно было извлекать изъ производства самыхъ дѣлъ.

Предводители были единственные люди, съ которыми можно было достигнуть какихъ нибудь результатовъ для пользы края; но также были исключенія. Губернскій предводитель Скарятинъ мало занимался своимъ дѣломъ, рѣдко жилъ въ Орлѣ, и должность его постоянно правилъ Орловскій уѣздный предводитель Левъ Никол. Яковлевъ, человѣкъ весьма благонамѣренный, заботливый и самыхъ благородныхъ правилъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе физическаго расстройства, онъ предался меланхоліи и въ одно утро повѣсился въ спальнѣ своей комнатѣ на поясѣ, прицѣпленномъ къ печной вьюшкѣ. Яковлевъ неотлучно былъ на службѣ и только изрѣдка уѣзжалъ изъ города въ имѣніе, чтобъ посмотреть на свое хозяйство. Онъ въ высшей степени былъ добросовѣстенъ, но къ сожалѣнію слишкомъ мягокъ характеромъ и поддерживалъ своимъ ходатайствомъ на службѣ людей, которые того не заслуживали и были даже вредны. Большая часть предводителей дѣломъ своимъ не занималась, они носили званіе свое безъ всякой пользы. Изъ нихъ дѣятельнѣе другихъ, кромѣ Яковлева, былъ Кромскій*)—Жедринскій. Въ немъ былъ тактъ. Онъ былъ очень остороженъ,

*) Т. е. предводитель Кромскаго уѣзда. П. Б.

никогда не позволялъ себѣ увлеченій и хотя также готовъ былъ защищать людей не совсѣмъ добросовѣстныхъ, но дѣлалъ это съ большою скромностію. Ему довѣрять однакожь не слѣдовало. Онъ легко переходилъ въ другой лагерь, если онъ находилъ это удобнымъ. Самымъ упорнымъ защитникомъ своихъ клеветовъ, попавшихъ по его вліянію на разныя мѣста въ уѣздѣ, былъ Малоархангельскій предводитель, Скарятинъ, братъ губернскаго предводителя. Эти люди дозволяли себѣ всякія беззаконія и повидимому ничего не боялись. Скарятинъ отстаивалъ ихъ съ примѣрною энергіею; но если кто изъ нихъ осмѣливался сдѣлать что нибудь несогласное съ желаніями его, то онъ становился непримиримымъ его врагомъ, и онъ до тѣхъ поръ не успокоивался, пока несчастная жертва его гнѣва не лишалась мѣста или не подвергалась какому нибудь взысканію, которое дѣлало ее впредъ осторожнѣе. Очень часто происходила у меня борьба съ нимъ за безправственныхъ дворянъ, которые позволяли себѣ разныя гадости, и на нихъ поступало много жалобъ. Если эти дворяне пользовались его вниманіемъ и расположеніемъ, то находили въ немъ самага дѣятельнаго покровителя: онъ прикрывалъ ихъ поступки и старался выдавать ихъ за людей несправедливо оклеветанныхъ. За то нѣкоторыхъ, по разнымъ случаямъ ему несочувственныхъ, онъ настойчиво преслѣдовалъ. Онъ отлично обдѣлалъ свои дѣла, особенно передъ освобожденіемъ крестьянъ, и потомъ также преданнымъ ему дворянамъ. Мценскимъ предводителемъ былъ Минхъ. Онъ имѣлъ всѣ привычки избалованнаго барина, былъ мало сообщителенъ, дѣлами неохотно занимался, считая это обязанностію приказныхъ; его не любили за высокомерность. Онъ былъ вообще человѣкъ приличный, но только тяжеловатъ въ сношеніяхъ. Онъ скоро оставилъ службу дворянскую, чтобъ поступить въ казенную, и именно въ Курскъ управляющимъ Палатою госуд. имуществъ, но онъ ошибся въ расчетъ. Онъ полагалъ что и на этой должности также можно барствовать, какъ и на предводительскомъ мѣстѣ. Новое званіе потребовало отъ него дѣятельности, а ея въ наличности не оказалось. Онъ недолго пробылъ управляющимъ и долженъ былъ сойти съ мѣста. Болховскій предводитель Владимировъ былъ самый кроткій изъ людей. Онъ имѣлъ большое состояніе, которое по безпечности его и добротѣ пришло скоро въ крайнее разстройство, рѣшительно ничѣмъ не занимался, ни своими дѣлами, ни службою, ни чтеніемъ. Очень любилъ музыку и содержалъ у себя оркестръ, но и та подъ конецъ ему, повидимому, надоѣла. Онъ оживлялся и подымалъ на ноги своихъ музыкантовъ, когда пріѣзжали къ нему гости. По должности были у него частыя упущенія, но на него нельзя было сердиться. Его выбирали въ предводители, потому что онъ былъ луч-

шій и приличнѣйшій изъ дворянъ уѣзда, а отказаться отъ должности онъ не имѣлъ характера и не считалъ себя въ правѣ, охотно покоряясь избранію; трудиться же было противно его натурѣ. Чтобъ получить отъ него какое нибудь свѣдѣніе, надобно было писать къ нему нѣсколько разъ, и переписка оканчивалась тѣмъ, что за свѣдѣніемъ нужно было посылать или эстафету или нарочнаго, конечно на счетъ Владимірова. Онъ безропотно уплачивалъ деньги и при случаѣ извинялся. Письмоводитель его дѣлалъ съ нимъ что хотѣлъ. Раза два я дѣлалъ письмоводителю строгія замѣчанія за небрежность въ исполненіи обязанностей службы и сказалъ ему, что уволю его отъ должности безъ сношенія съ предводителемъ, если впредь замѣчены будутъ упущенія. Это ни къ чему не послужило: дѣла шли попрежнему, и Владиміровъ на жалобу мою на письмоводителя, отвѣчалъ мнѣ съ кротостію, что тотъ ни въ чемъ не виноватъ, а виновенъ онъ одинъ. Письмоводитель завѣдывалъ собственными дѣлами Владимірова и однажды, возившись около какой-то машины, попалъ рукою въ колесо. Рука была раздроблена и отнята около плечъ, но онъ выздоровѣлъ. Владиміровъ былъ всѣми любимъ за гостепріимство и готовность помочь всякому въ нуждѣ, что многіе употребляли во зло. Карачевскій, Хитровъ, внукъ по матери кн. Кутузова-Смоленскаго, былъ человѣкъ совершенно не грамотный; онъ съ трудомъ подписывалъ свое имя, для службы вовсе не былъ способенъ, хотя много говорилъ о своихъ дѣйствіяхъ и любилъ командовать въ своемъ уѣздѣ. Онъ промоталъ не только свое имѣніе, но и имѣніе своего сына отъ первой жены, за то угощалъ прекрасно. На столѣ у него являлись вещи самыя изысканныя. Несмотря на это, онъ потерялъ всякое уваженіе въ уѣздѣ. Брянскій — Демидовъ, старый скряга, скрывавшійся отъ людей; онъ не имѣлъ никакого значенія. Трубочевскій—Страховъ, молодой человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, службою не хотѣлъ и не умѣлъ заниматься. Онъ ею крайне тяготился и воспользовался новыми выборами, чтобъ оставить должность предводителя и уѣхать совсѣмъ изъ Орловской губерніи. Сѣвскій — Подлиповъ очень любившій должность, чтобъ обработать свои дѣлишки и устроить свое имѣніе, въ чемъ и успѣлъ. Онъ не пользовался уваженіемъ въ своемъ уѣздѣ, гдѣ былъ избираемъ въ предводители только потому, что лучше его никого въ виду не было; про него рассказывали многіе анекдоты, не дѣлавшіе чести его добросовѣстности. Дмитровскій — * * * кій, пустой господинъ, оставившій службу въ Петербургѣ вслѣдствіе какой-то скандальной и неблагоприятной исторіи. У него было хорошее состояніе въ уѣздѣ, но онъ не умѣлъ съ нимъ хорошо распорядиться и растерялся, пускался въ спекуляціи. Жена его была развратная женщина, рѣдко жила съ

мужемъ въ имѣніи, а по большой части проживала въ Москвѣ. Одною изъ любовницъ своихъ она похоронила въ своемъ саду, въ имѣніи, и воздвигнула ему памятникъ. Мужъ не могъ отказать ей въ этомъ удовольствіи. У нихъ были три дочери, которыхъ мать ненавидѣла. Двѣ изъ нихъ бѣжали изъ дому. Одна безъ согласія родителей вышла замужъ за исправника, а другая укрылась у сестры. Для службы *** кій былъ утомителенъ; онъ входилъ въ такія мелочи, которыя выводили изъ терпѣнія производителей; глупость этого человѣка была примѣрная. Отъ него трудно было отдѣлаться, когда онъ пріѣзжалъ въ Орелъ объясняться по дѣламъ службы. Ливенскій—Константиновъ, прежняго покроя офицеръ, съ большою амбіціею, воображавшій, что, какъ предводитель, онъ имѣлъ право распоряжаться всѣми властями въ уѣздѣ, отчего возникали столкновенія и обширная переписка. Впрочемъ человѣкъ честный. Елецкій, сначала Лаухинъ, мало занимавшійся службою и вскорѣ ее оставившій, а потомъ Стаховичъ, поэтъ, гуляка и въ высшей степени добрякъ.

Демократичными своими тенденціями Стаховичъ вооружилъ противъ себя дворянство, которое не могло простить ему тѣхъ рѣзкостей, какія онъ высказывалъ. Стаховичъ предпочиталъ компанію людей простыхъ, съ которыми любилъ выпить и покутить. Не долго пробылъ онъ предводителемъ. Не смотря на всю доброту свою съ крестьянами и ласковое обращеніе съ приближенными своими, онъ былъ убитъ своимъ старостою и псымоводителемъ съ корыстною цѣлью. Обстоятельства убійства заслуживаютъ вниманія. Въ одинъ воскресный день осенью, Стаховичъ пріѣхалъ изъ Ельца въ свое имѣніе. Хотя онъ былъ женатъ, но жена его въ то время была за границею у своихъ родныхъ—Нѣмцевъ. Онъ давно уже съ нею разстался: она ему надоела. Въ отсутствіе ея онъ утѣшался другими связями, и въ имѣніи его находилась для этого утѣшенія племянница старосты, который, по своимъ видамъ, покровительствовалъ этой связи. Черезъ полчаса по пріѣздѣ Стаховичъ былъ задушенъ, и для отклоненія подозрѣнія, сдѣлали изъ пояса петлю, сунули туда его голову и, притянувъ тѣло къ двери, укрѣпили поясъ къ дверному замку. Староста тотчасъ далъ знать объ этомъ въ домъ и сельскому начальству. И началось слѣдствіе. Когда это доведено было до моего свѣдѣнія, то я командировалъ на мѣсто старшаго совѣтника губернскаго правленія Зубова, который только то и сдѣлалъ хорошаго, что не далъ сокрыться преступленію и обнаружилъ преднамѣренное убійство, между тѣмъ, какъ убійцы старались объяснить происшествіе самоубійствомъ, въ чемъ, можетъ быть, при вялости и неблагонамѣренности земской полиціи, и успѣлъ бы. Зубовъ, пробывъ тамъ около трехъ недѣль, возвратился къ своей должности,

не открывъ виновныхъ; тогда я командировалъ туда чиновника Мироненко, который занялся этимъ дѣломъ въ подробности. Въ самый день убійства, спустя полчаса, одинъ изъ крестьянъ видѣлъ въ полѣ скачущаго верхомъ на пѣгой лошади какого-то человѣка по извѣстному направленію. Надобно было дознать, что́ это за человѣкъ. Мироненко вездѣ разыскивалъ пѣгую лошадь и случайно открылъ ее близъ Задонска. По разспросамъ хозяина лошади, оказалось, что какой-то господинъ въ одно Воскресенье (самое то, въ которое убитъ былъ Стаховичъ) нанималъ его на тройкѣ свезти изъ Задонска въ имѣніе Стаховича. Поѣхали они утромъ часу въ 9-мъ и прибыли на мѣсто послѣ полдня. Дорогою господинъ поилъ извозчика виномъ. Подъѣзжая къ имѣнію, господинъ велѣлъ остановиться, слѣзъ съ телѣги и намѣревался дойти до дому пѣшкомъ; но извозчикъ его не пускалъ, полагая, что онъ хочетъ уйти отъ него не заплативъ ему денегъ; господинъ скоро его успокоилъ и отправился, но пройдя нѣкоторое пространство, воротился къ извознику и сталъ упрашивать его дать ему лошадь съѣздить верхомъ. Извозникъ еще болѣе усомнился; однакожъ, склонившись на убѣжденіе незнакомца, рѣшился отпрячь одну изъ своихъ лошадей, именно пѣгую, и далъ ему. По отъѣздѣ господина извозникъ, будучи довольно пьянъ, сталъ дремать, но помня, что у него увели лошадь, старался бороться со сномъ. Черезъ полчаса онъ увидѣлъ, что господинъ возвращается; это его очень успокоило, онъ пріободрился, пристегнулъ лошадь къ коренной, и они отправились назадъ; дорогою два раза отдыхали и кормили лошадей и подъ вечеръ пріѣхали къ Задонску. Тутъ господинъ остановилъ извозника, расплатился съ нимъ и отправился пѣшкомъ въ городъ. По описаніямъ наружнаго вида господина и бывшей на немъ одежды можно было утвердиться въ догадкѣ, что это былъ никто иной, какъ письмоводитель Стаховича, тѣмъ болѣе, что на него падало уже подозрѣніе вслѣдствіе показанія одного мальчика въ усадьбѣ, который будто бы видѣлъ письмоводителя изъ сада, когда тотъ стоялъ у окошка въ комнатѣ; сверхъ того были еще и другія, хотя и слабыя, улики. Надобно было слѣдствіемъ разъяснить, былъ ли письмоводитель въ этотъ день въ Задонскѣ или нѣтъ, ѣздилъ ли оттуда въ имѣніе или оставался въ городѣ и вообще, какъ провелъ весь день. Открылось, что въ Воскресенье онъ былъ у обѣдни, но не у ранней, а у средней; его видѣли въ церкви; на квартиру, гдѣ онъ въ Задонскѣ останавливался, онъ изъ церкви, не возвращался; гдѣ былъ онъ до сумерекъ никто не зналъ, но часу въ 7-мъ его видѣли въ городѣ. Отъ Задонска до имѣнія Стаховича считается болѣе 50 верстъ. При самой скорой ѣздѣ съ отдыхомъ для лошадей, нужно было употребить для поѣздки туда и обратно по крайней мѣрѣ 9 часовъ. По со-

соображенію времени, въ которое письмоводителя въ Задонскѣ не видѣли, съ показаніями возившаго его извозчика, можно было утвердиться въ заключеніи, что это время употреблено было письмоводителемъ на совершеніе преступленія вмѣстѣ съ соучастникомъ своимъ старостою, хотя онъ и принялъ всѣ мѣры для отклоненія отъ себя подозрѣнія. Дѣйствительно, разстояніе между Задонскомъ и имѣніемъ было очень велико, чтобъ можно было въ такое короткое время, то-есть между 8 или 9 часами утра (когда оканчивается средняя обѣдня) и 6 или 7 часами вечера (когда видѣли преступника въ Задонскѣ) совершить поѣздку и произвести убійство; но если принять на видъ, что дѣло это напередъ уже было обдуманно и что письмоводитель всю дорогу погонялъ извозчика ѣхать живѣе, то легко допустить возможность привести ему въ исполненіе задуманный имъ планъ. И староста, и письмоводитель заключены были въ острогъ, гдѣ они сидѣли нѣсколько лѣтъ, пока продолжалось дѣло. Такимъ образомъ Стаховичъ погибъ жертвою своей слабости къ матеріальнымъ наслажденіямъ и довѣрчивости къ людямъ, которые воспользовались этою слабостію, чтобъ забрать въ свои руки часть его состоянія посредствомъ разныхъ съ нимъ сдѣлокъ, прежде того совершенныхъ, и съ цѣлью не выполнить ихъ, прикрывъ все смертію Стаховича.

Составъ предводителей дворянства не представлялъ ничего блестятельнаго. Хотя и можно было найти въ числѣ ихъ нѣсколько личностей вполне добросовѣстныхъ, но они далеко не соответствовали требованіямъ времени по возрѣнію на сущность своихъ обязанностей. Главнымъ принципомъ ихъ дѣйствій была защита дворянъ во всѣхъ случаяхъ, когда возникали жалобы на притѣсненія крестьянъ или другіе неблагонамѣренныя поступки, которые подвергали ихъ опекѣ. Они стояли за нихъ горою, несмотря на очевидность дурныхъ дѣлъ ихъ, и надобно было долго бороться съ предводителями, чтобъ убѣдить ихъ въ необходимости предать дворянина слѣдствію и суду. Предводители держались ложнаго правила, что, будучи выбраны дворянами, они обязаны отстаивать ихъ отъ нападеній администраціи, на которую всегда смотрѣли какъ на нѣчто враждебное дворянскимъ интересамъ. Они боялись замѣчаній дворянъ, что они ихъ не защищаютъ. Этого конечно нельзя отнести къ чести дворянства. Ему слѣдовало, напротивъ, стараться извергать изъ среды своей всякаго, кто безчестилъ сословіе своимъ поведеніемъ. Къ несчастію, было очень много такихъ, которые чувствовали за собою разные грѣшки. Рано или поздно могли и до нихъ добраться, и потому гораздо выгоднѣе было стоять дружно за своихъ, чтобъ имѣть въ случаѣ надобности ихъ поддержку. Это часто съ успѣхомъ достигалось. Многія вещи имъ сходились съ рукъ, благо-

даря заступничеству предводителей и нѣкоторыхъ вліятельныхъ въ уѣздѣ лицъ.

Вообще дворянство составляло силу, съ которою непріятно и трудно было бороться. Съ одной стороны оно не имѣло самостоятельности и всегда болѣе или менѣе опасалось администраціи, съ другой пользовалось всѣми случаями, чтобъ выразить ей свое недоброжелательство. Губернаторъ для сохраненія своего вліянія долженъ былъ по временамъ напоминать ему, что не все можетъ ему сходить съ рукъ и въ тоже время смотрѣть на многое сквозь пальцы. Если въ пылу своего усердія онъ слишкомъ уже задѣвалъ интересы дворянства, тогда воздымалась на него буря, которая могла затихать только при уступкѣ, а въ противномъ случаѣ разрасталась до урагана, и въ Петербургъ летѣли со всѣхъ сторонъ заявленія о неблагонамѣренности губернатора. Они не прекращались до того времени, пока его не смѣняли или не переводили въ другую губернію.

Я находился въ непріятномъ положеніи въ томъ отношеніи, что никого не зналъ, къ кому съ довѣріемъ обратиться для полученія свѣдѣній о лицахъ и о томъ, что дѣлается въ губерніи. У меня не было правителя канцеляріи; прежній уѣхалъ въ Одессу съ Крузенштерномъ, и должность эту исправлялъ временно одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій, человекъ повидимому, толковый, но малограмотный, неловкій, робкій и безъ образованія. Надобно было довольствоваться на первый случай тѣмъ, что есть, и считать себя счастливымъ, что по крайней мѣрѣ меня не обманываютъ. Будучи еще незнакомъ съ губернскимъ производствомъ, я затруднялся давать резолюціи по поступающимъ бумагамъ. Чиновникъ этотъ былъ первымъ руководителемъ моимъ на губернаторскомъ моемъ поприщѣ, и я оставался имъ доволенъ; но онъ мнѣ объявилъ, что намѣренъ оставить службу въ Орловской губерніи, получивъ приглашеніе перейти въ другое управленіе. Надобно было заняться пріисканіемъ на его мѣсто другого чиновника. Это было не легко. Должность правителя канцеляріи при губернаторѣ слишкомъ важна, чтобъ поручить ее кому нибудь. Нужно, чтобъ онъ имѣлъ понятіе о всѣхъ частяхъ управленія, умѣлъ хорошо излагать бумаги, былъ смѣтливъ, а главное добросовѣстенъ. При крайне бѣдномъ составѣ чиновниковъ въ губерніи подобной личности сыскать почти невозможно. Бывая иногда у вице-губернатора, я встрѣчалъ тамъ одного господина, котораго сужденія мнѣ нравились. Онъ всегда былъ прилично одѣтъ, даже по модѣ, говорилъ нѣсколько по-французски, рассуждалъ о литературѣ и о другихъ предметахъ, выказывалъ нѣкоторую самостоятельность въ мысляхъ, давно оставилъ уже службу и повидимому въ ней не нуждался, получая содержаніе отъ своей

покровительницы княг. * * * кой, съ которой ѣздилъ за границу и недавно только возвратился. Все это поселяло во мнѣ о немъ хорошее понятіе. Разсуждая съ Вульфомъ о правителѣ канцеляріи, я упомянулъ о господинѣ, не согласится ли онъ принять на себя эту должность. Вульфъ сталъ его хвалить, находя, что онъ можетъ ее исполнить, но полагалъ, что едва ли приметъ на себя эту обязанность, не пользуясь большимъ здоровьемъ. Черезъ нѣсколько дней я предложилъ Борщевскому (такъ звали господина) поступить ко мнѣ въ правителя канцеляріи. Изъявивъ готовность быть мнѣ полезнымъ, онъ сталъ дѣлать разныя затрудненія; находилъ, что эта должность слишкомъ для него хлопотлива, отниметъ у него все время и лишитъ его независимости. Я обѣщалъ по возможности его беречь, не слишкомъ на него налегать и часто его не требовать. Наконецъ Борщевскій согласился. Сначала все шло хорошо. Я самъ много работалъ, занимаясь лично дѣлами, требовавшими усидчивости и особыхъ соображеній и предоставивъ ему одни текущія; но по прошествіи нѣкотораго времени я сталъ получать намеки на неблагонадежность моего правителя канцеляріи. Еще при самомъ опредѣленіи его нѣкоторая часть Орловской публики отзывалась о немъ не совсѣмъ благопріятно, но главный поводъ къ осужденію заключался въ томъ, что онъ состоитъ въ короткихъ сношеніяхъ съ княгинею * * *. Это меня вовсе не беспокоило, я не видѣлъ надобности касаться частной его жизни. Однажды я получилъ даже изъ Петербурга письмо, въ которомъ меня предувѣдомили, чтобъ я остерегался Борщевского. Все это я относилъ къ сплетнямъ, которыми губерніи отличаются, и отвѣчалъ моему корреспонденту, что не вижу никакого основанія подозрѣвать Борщевского въ дурныхъ дѣйствіяхъ. Онъ велъ себя очень осторожно; въ рукахъ его не было такихъ дѣлъ, которыя могли бы ему подать поводъ къ злоупотребленіямъ; притомъ онъ, какъ мнѣ казалось, имѣлъ достаточные способы къ жизни и нѣсколько разъ мнѣ заявлялъ о готовности своей быть полезнымъ службѣ, выказывая въ разговорахъ, что самъ не имѣетъ въ ней большой надобности и поступаетъ ко мнѣ только по убѣжденію, что при мнѣ она не будетъ сильно отягощать его. Впослѣдствіи однакожъ я увидѣлъ, что я въ немъ ошибся. Онъ тонко умѣлъ пользоваться, гдѣ только было можно. Борщевскій недолго при мнѣ оставался. Въ немъ стала развиваться чахотка, и онъ отправился лѣчиться за границу, гдѣ и умеръ. Въ отсутствіи его исправлялъ должность правителя канцеляріи одинъ изъ его помощниковъ, молодой человѣкъ изъ университетскихъ студентовъ, который и остался въ этой должности, вполне оправдавъ свое назначеніе.

Время проходило, наступило лѣто. Я страшно скучалъ въ одиночествѣ; семейство мое уже выѣхало изъ Петербурга и находилось въ имѣніи моей тещи*), Московской губерніи, въ Бронницкомъ уѣздѣ, предполагая пріѣхать ко мнѣ не прежде осени. Квартира моя въ казенномъ домѣ была въ безпорядочномъ состояніи, надобно было ее подчистить и приладить къ помѣщенію всѣхъ членовъ моего семейства, чтобъ не было никому стѣсненія. Это требовало времени. Между тѣмъ я крайне стѣснялся въ способахъ. Квартира представляла обширную казарму безъ всякой мебели. Нѣкоторую часть бывшей у меня въ Петербургѣ мебели я предположилъ перевезти въ Орелъ, но это были только самыя годныя вещи. Ихъ было слишкомъ немного, чтобъ наполнить новое мое помѣщеніе; надобно было все покупать изъ Орловскихъ магазиновъ, а лишниихъ денегъ на это у меня не было. И такъ уже я израсходовался на покупку лошадей и необходимыхъ въ домѣ на первый случай принадлежностей. Мнѣ не дано было даже прибавочныхъ къ жалованью 2000 р. Вѣроятно министръ о томъ забылъ; никто о нихъ ему не напомнилъ, а я просить совѣстился, и эти прибавочныя я получилъ только въ Декабрѣ, потерявъ такимъ образомъ около 1500 р. за минувшіе 9 мѣсяцевъ; деньги эти очень бы мнѣ пригодились на обзаведеніе. Понемногу комнаты мои наполнялись необходимыми предметами, я не смѣлъ и думать о роскоши; все было до крайности просто; за всѣмъ тѣмъ расходовъ было много, денегъ не хватало. Въ Октябрѣ прибыло ко мнѣ мое семейство: теща съ четырьмя моими дочерьми, изъ которыхъ двѣ старшія глядѣли уже невѣстами; надобно было нѣсколько ихъ пріодѣть и приварядить, чтобъ могли приличнымъ образомъ показаться въ Орловскомъ обществѣ, гдѣ дамы любили пощеголять своимъ туалетомъ. Они привезли съ собою нѣкоторые запасы изъ столицъ, для чего должны были прибѣгнуть къ займу, чтобъ не покупать дороже и худшаго качества въ Орлѣ; этотъ долгъ нужно было выплатить. Мало-по-малу кое-какъ устроились. Никому не нужно было знать, какъ это было для меня трудно. Губернаторы должны открыть свой домъ для пріема общества, особенно, когда они люди семейные. Всѣ предмѣстники мои тоже дѣлали, и я не могъ не слѣдовать ихъ примѣру. Я назначилъ для пріема одинъ день въ недѣлю, Понедѣльникъ, и такъ какъ дамы сильно скучаютъ, если не танцуютъ, то нужно было брать музыкантовъ, которые къ счастію служились въ гарнизонномъ батальонѣ въ такомъ составѣ, что очень годились для балъныхъ вечеровъ, и это не стоило мнѣ большихъ расходовъ.

*) Т. е. госпожи *Велозворъ*. Богатое имѣніе это принадлежало некогда *Рославлеву*, (потому одного изъ подвижниковъ возведеніи на престолъ Екатерины Великой). П. Б.

Общество въ Орлѣ было довольно разнообразно. Между дамами я нашелъ нѣсколько лицъ хорошо образованныхъ и очень пріятныхъ; въ числѣ ихъ я долженъ упомянуть о Тиньковыхъ, женѣ и двухъ дочеряхъ директора Кадетскаго корпуса, который однакожъ, во время пріѣзда моего въ Орелъ, потерялъ свое мѣсто, но семейство его еще нѣкоторое время здѣсь оставалось. Я познакомился съ Тиньковыми и такъ сблизился съ ними, что почти каждый день у нихъ бывалъ. Одна изъ дочерей имѣла отличный голосъ и пѣла съ одушевленіемъ. Къ сожалѣнію моему онѣ пробыли при мнѣ въ Орлѣ не болѣе полутора мѣсяца и съ наступленіемъ весны уѣхали въ деревню. Были и другія интересныя личности, но на лѣто разъѣхались; остались однѣ городскія жительницы; изъ нихъ немногія были занимательны. Впрочемъ необходимость часто встрѣчаться съ людьми, привычка и взаимная уступчивость дѣлають то, что скоро сближаешься даже съ тѣми, которые сначала не возбуждали симпатіи.

*

Тутъ оканчивается рукопись „Воспоминаній“ В. И. Сафоновича, о чемъ читатели конечно пожалѣють. По отзывамъ современниковъ В. И. Сафоновичъ былъ отличнымъ губернаторомъ, и въ Орлѣ его до сихъ поръ поминають добромъ. Вслѣдствіе неудовольствій съ губернскимъ предводителемъ дворянства онъ вышелъ въ отставку въ 1861 году (уже послѣ манифеста о раскрѣпощеніи) и замѣненъ былъ графомъ Левашовымъ. Сынъ его, Иванъ Валерьяновичъ, скончался холостякомъ. Его дочери: 1) Екатерина за Львомъ Егоровичемъ Гельфрейхомъ, 2) Анна за Сергѣемъ Ивановичемъ Кривцовымъ, а во второмъ бракѣ за Николаемъ Савичемъ Абазою, 3) Елисавета за Федоромъ Матвѣевичемъ Лазаревскимъ, и 4) Анна за Митрофаномъ Михайловичемъ Страховымъ. Ей мы обязаны сообщеніемъ въ „Русскій Архивъ“ Воспоминаній ея родителей.

В. И. Сафоновичъ скончался 8 Апрѣля 1867 года въ Орловскомъ имѣніи второй своей супруги, ур. Гаспарини, съ которою провелъ послѣднія десять лѣтъ жизни. П. В.